СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО № 3(12)2026

Научный журнал «Современная Азия: политика, экономика, общество» является постоянным периодическим изданием Института Китая и современной Азии РАН, призванным открыть окно в большую академическую науку молодым ученым. Журнал создан на базе постоянной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Миссия журнала — представить читателям многообразие исторических, культурологических отношений стран Восточной и Юго-Восточной Азии, наднациональных интеграционных объединений (ШОС, ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН, ОДКБ и др.), региональные особенности. Журнал выступает динамично развивающейся площадкой и дает ответы на вопросы текущей повестки дня.

Научные специальности: 5.2. Экономика, 5.4. Социология, 5.5. Политология, 5.6. История

Учредитель/Издатель: Федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН)

Председатель редакционного совета:
Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН

Члены редакционного совета:
1. Боровой Виталий Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
2. Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН
3. Иноятова Диларам Маниглиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры «Новейшая история Узбекистана» Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)
4. Карпиленя Николай Васильевич, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры (социально-гуманитарных дисциплин) ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)
5. Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель института публичной дипломатии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР)
6. Свилас Светлана Францевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
7. Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры Истории и психологии Социально-гуманитарного факультета НОУ «Университет Мамуна» (г. Хива, Узбекистан), заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
8. Шевцов Юрий Вячеславович, PhD in Political Sciences, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
9. Ян Сумэй, доктор исторических наук, профессор Института иностранных языков Аньхойского педагогического университета, руководитель магистратуры русского языка и литературы и докторантуры мировой истории, главный эксперт и исполнительный директор Центра исследования регионов «Волга—Днепр» при Министерстве образования КНР Аньхойского педагогического университета, член правления Китайской ассоциации изучения русской литературы, эксперт по оценке проектов Национального фонда социальных наук (г. Уху, КНР)

Редакция:
А.В. Бредихин (главный редактор), Е.О. Заклязьминская (заместитель главного редактора), А.Ч. Мокрецкий (заведующий редакцией), Т.М. Мамахатов (ответственный по работе с молодыми учеными), А.Д. Александрова (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32
Телефон: +7 (917) 510-23-12
E-mail: ca-journal@yandex.ru
Сайт журнала: https://ca-journal.ru/

Современная Азия:
политика, экономика, общество

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-85221 от 27.04.2023
Язык: русский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-3366
DOI: 10.48647/ICCA.2026.91.33.001

Подписано в печать 10.10.2026.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Мокрецкий А.Ч. Китайская дипломатия спустя 60 лет: «головокружение от успехов» или дилемма развития? 5

Мамахатов Т.М. Перспективы научно-технического сотрудничества молодежи стран ШОС в современных условиях геополитического соперничества 12

Полончук Р.А. Производство в КНР универсальных транспортов снабжения в интересах обеспечения деятельности ВМС НОАК в удаленных акваториях: современное состояние и перспективы развития . . . 21

Васин И.С., Мамахатов Т.М. Об определенных аспектах реализации формулы «Одна страна — две системы» на примере Гонконга и способах ее адаптации под другие территории 30

Хайндрава А.В., Булатникова С.Д. Развитие торгово-экономических отношений России и Индии: анализ динамики и структуры внешней торговли в 2020—2025 гг. 40

Лепесин Г.А., Кукина У.А. Транскаспийский международный транспортный маршрут как стратегический путь поставок урана: перспективы экспорта казахстанского урана во Францию 49

ВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Улфатшоева М.Ф., Лян Лэнлэн. Китайская народная революция в советской историографии после Второй мировой войны 60

Николаева Т.А. Влияние социальных сетей на межкультурные коммуникации КНР и России в контексте стратегического партнерства 69

Шэнь Ихао, Юй Цзелун. Освещение деятельности ШОС в медиапространстве Киргизстана: стратегии и медиаобразы 75

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Круглый стол «ИКСА РАН: грядущие 60 лет» 79

TABLE OF CONTENTS

WORLD ECONOMY AND POLITICS

Mokretskii A.Ch. Chinese Diplomacy after 60 Years: "Dizziness from Success" or a Development Dilemma? 5

Mamakhanov T.M. Prospects of scientific and technical cooperation among Youth of the SCO Countries in the Current of Geopolitical Rivalry 12

Polonchuk R.A. The Status and Prospects of Supply Ship Production in China in Support of PLAN Operations in Distant Waters 21

Vasin I.S., Mamakhanov T.M. On certain aspects of implementing the "One Country, Two Systems" formula in Hong Kong and how it can be adapted to other territories 30

Heindrava A.V., Bulatnikova S.D. Development of Trade and Economic Relations between Russia and India: Analysis of Dynamics and Structure of Foreign Trade in 2020—2025 40

Lepesin G.A., Kukina U.A. Trans-Caspian International Transport Route as a strategic uranium supply route: prospects for Kazakh uranium exports to France 49

ORIENTAL SOCIETY AND CULTURE

Ulfatshoeva M.F., Liang Lengleng. The Chinese People's Revolution in Soviet Historiography after World War II 60

Nikolaeva T.A. The Impact of Social Networks on Intercultural Communications between China and Russia in the Context of Strategic Partnerships 69

Shen Yihao, Yu Zelong. Coverage of SCO Activities in the Media Space of Kyrgyzstan: Strategies and Nedia Images 75

SCIENTIFIC REVIEW

Round Table "ICCA RAS: Next 60 years" 79

DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.89.002

А.Ч. Мокрецкий

Китайская дипломатия спустя 60 лет: «головокружение от успехов» или дилемма развития?

Аннотация. Внешняя политика является продолжением внутреннего курса страны. Китайская дипломатия не является исключением. Она служит, прежде всего, для активного создания благоприятных международных условий в целях устойчивого развития государства.

На 18-м съезде КПК с 8 по 14 ноября 2012 г. были обнародованы «две столетние цели»: к 100-летию КПК (2021 г.) достичь всестороннего построения общества малого благоденствия «сяокан»; к столетию образования КНР (2049 г.) построить богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное, гармоничное и красивое государство.

В 2017 г. коллектив ученых университета Цинхуа во главе с известным китайским экономистом Ху Аньганом сделал прогноз, согласно которому Китай вступит в «средний этап социализма», как только завершит «две столетние цели», т. е. после 2050 г. При этом предстоит решить, как минимум две исторические задачи: во-первых, к столетию начала политики реформ и открытости Китая (2078 г.) построить «высокоразвитое демократическое, цивилизованное, гармоничное и экологичное социалистическое современное государство», то есть реализовать «третью столетнюю цель борьбы»; во-вторых, к концу текущего столетия осуществить великое возрождение китайской нации.

В заключении автор делает предположение, что КНР спустя 60 лет будет занята достижением двух «столетних целей» и гипотетической третьей. «Головокружения от успехов» возможны и могут влиять на принятие решений руководства. При этом комплекс нерешенных проблем развития вкупе с появлением новых ставит Пекин перед дилеммой: различные сценарии, в том числе самые негативные, не исключаются, но представляются маловероятными.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, дипломатия, «три столетние цели», дилемма развития.

Автор: *Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник* Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Для цитирования: Мокрецкий А.Ч. Китайская дипломатия спустя 60 лет: «головокружение от успехов» или дилемма развития? // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 5—11. DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.89.002.

A.Ch. Mokretskii

Chinese Diplomacy after 60 Years: "Dizziness from Success" or a Development Dilemma?

Abstract. foreign policy is an extension of a country's domestic course. Chinese diplomacy is no exception. Above all, it serves to actively foster favorable international conditions for the sustainable development of the state.

At the 18th National Congress of the CPC, held from November 8 to 14, 2012, the "Two Centenary Goals" were proclaimed: by the 100th anniversary of the CPC (2021), to comprehensively build a moderately prosperous society (*xiaokang*); and by the centenary of the founding of the PRC (2049), to build a prosperous, powerful, democratic, civilized, harmonious, and beautiful country.

In 2017, a team of scholars from Tsinghua University, led by the renowned Chinese economist Hu Angang, produced a forecast according to which China will enter the "middle stage of socialism" once the Two Centenary Goals have been achieved, i.e., after 2050. In doing so, it will need to accomplish at least two historic tasks: first, by the centenary of the launch of China's reform and opening-up policy (2078), to build a "highly developed, democratic, civilized, harmonious, and eco-friendly modern socialist state", thereby realizing the "Third Centenary Goal of Struggle"; and second, by the end of the current century, to achieve the great rejuvenation of the Chinese nation.

In conclusion, the author posits that for the next 60 years the PRC will be preoccupied with achieving the two Centenary Goals and the hypothetical third one. A sense of being "dizzy with success" is possible and may well influence the leadership's decision-making. Meanwhile, the constellation of unresolved development challenges, compounded by the emergence of new ones, presents Beijing with a dilemma: various scenarios, including the most adverse, cannot be ruled out but appear unlikely.

Keywords: China, foreign policy, diplomacy, "three centenary goals", the development dilemma.

Author: *Mokretskii Alexander Ch., Senior Researcher* of the Center "Russia, China, World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

For citation: Mokretskii A.Ch. "Chinese Diplomacy after 60 Years: 'Dizziness from Success' or a Development Dilemma?". *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, p. 5—11. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.89.002.

Руководство Института Китая и современной Азии РАН предложило порассуждать на любопытную тему: «60 лет спустя» и, если хотите, пофантазировать, попытаться сделать прогноз на относительно продолжительный период времени для человеческой жизни и краткий миг для исторического процесса.

Говоря о фантазии, вспоминаются известные писатели-фантасты, которые смогли видеть будущее «сквозь время». При этом некоторые из них были популяризаторами науки (как Айзек Азимов), другие же были востоковедами, как советские писатели братья Стругацкие или Кир Булычев. Старший брат Аркадий Натанович Стругацкий был профессиональным переводчиком с японского, младший же Борис Натанович — математиком-астрономом. Уникальный союз математики и востоковедения подарил миру «сказку для научных работников/

сотрудников младшего возраста» («Понедельник начинается в субботу», частично экранизованный в фильме «Чародеи») и другие произведения. И.В. Можейко, больше известный как Кир Булычев, автор книг про занимательные приключения любознательной девочки Алисы Селезневой («100 лет тому вперед» и др.), был нашим коллегой, работал в Институте востоковедения, специализируясь на истории Бирмы и Юго-Восточной Азии.

60 лет — замкнутый цикл

Для китайской цивилизации шестидесятилетие носит сакральное значение. Это замкнутый цикл.

1. Китайский циклический календарь является комбинацией циклов по 10 лет («небесные стволы») и по 12 лет («земные ветви»). Наименьшее общее кратное 10 и 12 равняется 60, таким образом, календарный цикл повторяется через 60 лет.

2. Вспоминаются суждения Конфуция. Сам Учитель так говорил о своем жизненном пути:

«В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе.

В тридцать лет я обрел самостоятельность.

В сорок лет я освободился от сомнений.

В пятьдесят лет я познал волю неба.

В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды.

В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала» [Лунь Юй, 1972, с. 143].

3. Китайский ученый Би Юн, получивший американское образование, в 2009 г. (в год 60-летия образования «Нового Китая») написал книгу «Как стать великой державой». Среди таких ключевых факторов, как финансы, экономика, ресурсы, население, демография, жилищный вопрос, управление, богатство, культура и прогнозирование будущего, особенно выделяется проблема поколений, или воспитание аристократа. Сделав отсылку на книгу Эрика Берна «Люди, которые играют в игры» (1964): «Чтобы стать джентльменом, надо кончить три колледжа. Первый должен кончить ваш дед, второй — отец, третий — вы сами», Би Юн пишет: «Англичане говорят, чтобы вырастить настоящего аристократа, необходимо три поколения. Первое поколение — это богатые, грубые нувориши. Второе поколение получает хорошее воспитание и образование, но еще чувствуется сильное влияние родителей. Третье поколение, получая воспитание и образование, уже теряет влияние прошлых поколений, становится подлинными аристократами» [Проблемы глобализации, 2012, с. 32—33]. В 2009 г. Би Юн констатировал, что китайцы, несмотря на свои успехи и достижения, в глазах всего мира не воспринимаются как «аристократы».

Сейчас в Китае идет «новая эпоха». Чтобы воспитать человека «новой эпохи», как мы поняли из тезисов китайского эксперта, необходимо три поколения — как раз 60 лет, обсуждаемые сегодня. При этом несмотря на успехи Китая за последние годы, наблюдаются и проблемы, в том числе в социальной сфере.

В частности, среди молодежи широко распространяется философия «лежать плашмя» (躺平) или ее более метафорическое воплощение «люди-крысы» (老鼠人)[1] как форма молчаливого протеста. «Крысолюди» — молодые жители мегаполисов, которые устали от идеала гиперпродуктивности и бесконечной гонки за успехом. Они проводят дни в постели, заказывают доставку, смотрят дорамы, играют в игры и никуда не торопятся. «Люди-крысы» — продолжение философии «лежать плашмя». Только теперь люди не просто легли, они жили в этом состоянии.

О китайской дипломатии: в стремлении достичь «двух столетних целей» и гипотетической третьей

В китайском языке термин «дипломатия» (外交) состоит из двух иероглифов: «внешний» (外) и «отношения», «пересечение», «обмен» (交) и т. д. Большой китайско-русский словарь онлайн трактует термин 外交 следующим образом: 1) «дипломатические (международные) отношения; дипломатия; дипломатический»; 2) «дипломатичность; дипломатичный; тонкий»; 3) уст. «внешние сношения (связи)» и 4) «отношения между людьми, знакомство, связи». Таким образом, это внешние отношения между людьми, знакомства, связи и пересечения.

Еще известный советский ученый-международник М.С. Капица в книге «КНР: три десятилетия — три политики» (1979 г.) заметил цикл — тенденцию десятилетней практики китайского руководства: «Политика Пекина на каждом этапе определялась соотношением сил в руководстве, для ее утверждения и оправдания использовались свои постулаты, она выполняла свою тактическую задачу». При этом автор, исходя из веяний времени (учитывая советский период востоковедения) и крайне непростой истории двусторонних отношений (никто в то время не думал о «наилучшем периоде в истории»), подчеркивал, что «на всех этапах» у пекинского истеблишмента оставалась неизменной стратегическая цель — «превращение Китая в главную державу мира» [Капица, 1979, с. 3—5].

В 2006 г. директор ИДВ РАН (прежнее название ИКСА РАН), академик М.Л. Титаренко и директор Института экономических стратегий Б.Н. Кузык подготовили фундаментальный труд — «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития», в котором оценили значение китайского фактора для РФ в долгосрочной динамике, используя методологию прогнозирования, разработанную коллективом ученых Института экономических стратегий РАН. В методологию вошел анализ девяти аспектов, составляющих базис внутренней и международной стабильности развития Китая: управление; территория; природные ресурсы; насе-

[1] Иностранный мессенджер Telegram «О Китае. Китайский язык и не только». 19 апреля 2025 г. URL: https://t.me/SLOVO_ED/1543 (дата обращения: 08.08.2026). См. также: *В. Емельяненко.* Капибары, крысолюди и человек-мотылек выбрали бездействие формой протеста // Российская газета. 29 августа 2025 г. URL: https://rg.ru/2025/08/29/vyshli-iz-tiktoka.html?ysclid=mskt aj0t28134599310 (дата обращения: 08.08.2026). *Zoey Zhang.* China slang term ‘rat people’ for those who shun success, attracts 2 billion views // South China Morning Post. 14 April, 2025. URL: https://www.scmp.com/news/people-culture/trending-china/article/3305965/china-slang-term-rat-people-those-who-shun-success-attracts-2-billion-views (accessed: 8 August, 2026).

ление; экономика; культура и религия; наука и образование; вооруженные силы и внешняя политика.

Подробнее остановимся на последнем аспекте. В прогнозной части авторы пишут, что в Китае извлекли главный внешнеполитический урок XX в., который состоит в том, что интересам государства отвечает мирная политика. Кроме того, важно то обстоятельство, что на внешнюю политику Китая влияет ситуация внутри страны, которая характеризуется накоплением серьезных проблем. Для их решения — по крайней мере в ближайшее столетие — требуется большая работа. При этом исключается всякая возможность начать военные действия с целью сплотить нацию: громадное население не интересуется внешними войнами и авантюрами, с другой стороны, не будет выходить за пределы своей страны [Кузык, Титаренко, 2006, с. 574—575].

Имея в виду исходные положения (сосредоточение на внутренних проблемах и мирной политике), в книге авторы рассматривают возможные сценарии трансформации китайской внешней политики [Кузык, Титаренко, 2006, с. 575—577]: первый — наиболее вероятный и три наименее возможных.

Вариант 1. Мирное решение проблем. При этом сценарии Пекин сосредоточен на решении внутренних проблем, стремится к равноправным партнерствам с Вашингтоном, Москвой, Брюсселем, Токио, Нью-Дели и т. д.

Вариант 2. Преобладание во внешней политике КНР стремления усиливать свое влияние в двусторонних отношениях с другими государствами, изменять в свою пользу ситуацию, в том числе не избегая конфликтных ситуаций. К такому выбору Китай могут подталкивать «головокружения от успехов». Китай будет вести борьбу с Западом, отстаивая свои интересы, но эта борьба не перерастет в конфронтацию.

Вариант 3. Обострение отношений с Западом. Такой сценарий возможен в том случае, если, стремясь превратить Тайвань в часть своей территории, Китай применит силу. Если конфликт возникнет, России целесообразно остаться в стороне от него.

Вариант 4. Возникновение нестабильности в Китае. России следует оставаться в стороне от процесса распада (краха КНР и появления вместо нее одного или нескольких новых государств), сохранять нейтралитет. Сосредоточенность на внутренней борьбе или решении иных проблем исключает нападение Китая или его частей на Россию.

При этом важно подчеркнуть, что общим тезисом в рассматриваемых выше сценариях является положение о том, что если РФ «останется хозяйкой на своей территории, будет требовать уважения своей независимости и самостоятельности, исходить из необходимости защиты своих экономических интересов» с КНР, последняя не станет применять тактики давления непреодолимой силы [Кузык, Титаренко, 2006, с. 576].

В целом, внешняя политика является продолжением внутреннего курса страны. Китайская дипломатия — не исключение. Она служит, прежде всего, для активного создания благоприятных международных условий в целях устойчивого развития государства.

На 18-м съезде КПК с 8 по 14 ноября 2012 г. были обнародованы «две столетние цели»: к 100-летию КПК (2021 г.) достичь всестороннего построения общества малого благоденствия «сяокан»; к столетию образования КНР (2049 г.) построить богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное, гармоничное и красивое государство.

В 2017 г. коллектив ученых университета Цинхуа во главе с известным китайским экономистом Ху Аньганом сделал прогноз, согласно которому Китай вступит в «средний этап социализма», как только завершит «две столетние цели», т. е. после 2050 г.[1] Как полагают эксперты, изменится эпохальная тема развития Китая: от «всеобщего процветания» (共同富裕) к «всеобщему высокоразвитому состоянию» (共同发达). При этом предстоит решить как минимум две исторические задачи: во-первых, к столетию начала политики реформ и открытости (2078 г.) Китая построить «высокоразвитое демократическое, цивилизованное, гармоничное и экологичное социалистическое современное государство», то есть реализовать «третью столетнюю цель борьбы»; во-вторых, к концу текущего столетия осуществить великое возрождение китайской нации.

* * *

В заключение хотелось бы ответить на вопрос, озвученный в названии доклада. Что ждет китайскую дипломатию спустя 60 лет? Безусловно, страна будет занята достижением двух «столетних целей» и гипотетической третьей. «Головокружения от успехов» возможны и могут влиять на принятие решений руководства. При этом комплекс нерешенных проблем развития вкупе с появлением новых ставит Пекин перед дилеммой: что делать дальше. Различные сценарии, в том числе самые негативные, не исключаются, но представляются маловероятными.

Пытаясь прогнозировать перспективы будущего, не стоит забывать про две важные вещи по-булгаковски. Первая: «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила» [Булгаков, 2005, с. 27]. И вторая: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут» [Булгаков, 2005, с. 25].

Библиографический список

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман; Собачье сердце: Повесть / Вступ. ст. и коммент. Б. Соколова. М.: Литература, Мир книги, 2005.

Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики. М.: Политиздат, 1979.

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.

«Лунь Юй». Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.

Проблемы глобализации в трудах современных китайских ученых // Экспресс-информация. № 1. М.: ИДВ РАН, 2012.

[1] 胡鞍钢：社会主义现代化“新三步走”战略设想 [Ху Аньган: стратегическое планирование «новых трех шагов» социалистической модернизации]. URL: https://www.sppm.tsinghua.edu.cn/info/1063/8250.htm (дата обращения: 31.05.2026). (На Кит.).

References

Bulgakov M.A. Master i Margarita [The Master and Margarita]: Roman; Sobach'e serdce [The Heart of a Dog]: Povest'. Introduction and comments by B. Sokolov. Moscow: Literatura, Mir knigi, 2005. (In Russ.).

Kapitsa M.S. KNR: tri desyatiletiya — tri politiki [China: Three Decades — Three Policies]. Moscow: Politizdat, 1979. (In Russ.).

Kuzyk B.N., Titarenko M.L. Kitaj—Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya [China—Russia 2050: Co-development Strategy]. Moscow: Institut ekonomicheskih strategij, 2006. (In Russ.).

"Lun' Yuj". Drevnekitajskaya filosofiya [Lun Yu. Ancient Chinese philosophy]. Collection of texts in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1972. (In Russ.).

Problemy globalizacii v trudah sovremennyh kitajskih uchenyh [The Problems of Globalization in the Works of Modern Chinese Scholars]. Ekspress-informaciya [Express-information], no. 1. Moscow: IDV RAN, 2012. (In Russ.).

Поступила в редакцию: 09.08.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: Aug 9, 2026
Accepted: Aug 31, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.11.12.003

Т.М. Мамахатов

Перспективы научно-технического сотрудничества молодежи стран ШОС в современных условиях геополитического соперничества

Аннотация. В статье анализируются перспективы научно-технического сотрудничества молодежи государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в условиях обострения геополитического соперничества и усиления санкционного давления на технологические секторы экономик региона. Рассматриваются институциональные механизмы, созданные в рамках ШОС для поддержки молодежных научно-инновационных инициатив, ключевые направления кооперации, а также структурные барьеры, ограничивающие реализацию совместных проектов. Особое внимание уделяется двойственному эффекту геополитических ограничений: с одной стороны, они затрудняют доступ к западным технологиям и научной инфраструктуре, с другой — стимулируют формирование собственной экосистемы подготовки молодых ученых и инженеров. На основе анализа решений Тяньцзиньского саммита ШОС 2025 г., заявлений профильных ведомств и экспертных оценок делается вывод о том, что молодежное научно-техническое сотрудничество превращается из периферийного направления в структурный элемент стратегии технологического суверенитета организации.

Ключевые слова: ШОС, молодежное научно-техническое сотрудничество, технологический суверенитет, геополитическое соперничество, санкции, академическая мобильность, инновационная экосистема.

Автор: *Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник* Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта «Сотрудничество стран ШОС с точки зрения молодых ученых Евразии» при поддержке Академии изучения современного Китая и мира.

Для цитирования: Мамахатов Т.М. Перспективы научно-технического сотрудничества молодежи стран ШОС в современных условиях геополитического соперничества // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 12—20. DOI: 10.48647/ICCA.2026.11.12.003.

T.M. Mamakhatov

Prospects for Scientific and Technical Cooperation among Youth of the SCO Countries in the Current Context of Geopolitical Rivalryг

Abstract. The article analyzes the prospects for scientific and technical cooperation among the youth of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) member states in the context of intensifying geopolitical rivalry and increasing sanctions pressure on the

technological sectors of the economies of the region. The author examines the institutional mechanisms established within the SCO to support youth scientific and innovative initiatives, key areas of cooperation, as well as structural barriers limiting the implementation of joint projects. Special attention is paid to the dual effect of geopolitical restrictions: on the one hand, they make it difficult to access Western technologies and scientific infrastructure, on the other, they stimulate the formation of an indigenous ecosystem for training young scientists and engineers. Based on an analysis of the decisions of the 2025 SCO Tianjin summit, statements by relevant government agencies and expert assessments, it is concluded that youth scientific and technical cooperation is turning from a peripheral area into a structural element of the organization's technological sovereignty strategy.

Keywords: SCO, youth scientific and technical cooperation, technological sovereignty, geopolitical rivalry, sanctions, academic mobility, innovation ecosystem.

Author: *Mamakhatov Tlesh M.*, *PhD (Economics), Leading Researcher*, Center "Russia, China, World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The article was prepared within the framework of the project "Cooperation of the SCO countries from the point of view of young scientists of Eurasia" with the support of the Academy of Contemporary China and World Studies.

For citation: Mamakhatov T.M. Prospects for Scientific and Technical Cooperation among Youth of the SCO Countries in the Current Context of Geopolitical Rivalry. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, p. 12—20. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.11.12.003.

Шанхайская организация сотрудничества, созданная в 2001 г. как форум региональной безопасности, к середине 2020-х гг. трансформировалась в многофункциональную структуру, охватывающую экономическое, цифровое, образовательное и научно-технические измерения взаимодействия. Саммит в Тяньцзине (31 августа — 1 сентября 2025 г.) закрепил эту трансформацию, утвердив Стратегию развития ШОС на 2026—2035 гг. и приняв Заявление о дальнейшем укреплении сотрудничества в области научно-технических инноваций [Заявление глав...]. В условиях, когда технологическая конкуренция между крупнейшими державами становится определяющей характеристикой международных отношений, научно-техническое измерение ШОС приобретает особую значимость.

Молодежное измерение в этой динамике занимает двойственное положение. С одной стороны, молодежь рассматривается как ключевой ресурс для формирования кадрового потенциала совместных инновационных проектов. С другой — именно молодые исследователи и предприниматели оказываются наиболее уязвимыми перед лицом геополитических ограничений: разрыв академических связей с западными институтами, ограничение доступа к исследовательской инфраструктуре и программному обеспечению, усложнение международной мобильности. Настоящая статья ставит целью систематизировать имеющиеся данные о

состоянии и перспективах научно-технического сотрудничества молодежи стран ШОС, выявить ключевые направления и барьеры, а также оценить, в какой мере геополитическое соперничество трансформирует саму логику этого сотрудничества.

Новые векторы и направления сотрудничества

Новые вызовы открывают и новые возможности — в полной мере это относится к подготовке молодых научных и технических кадров в развивающихся странах, в том числе в государствах ШОС. Организация, изначально созданная для обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму, сепаратизму и наркотрафику, сегодня сталкивается с новыми вызовами со стороны западных стран, проводящих политику сдерживания технологического роста незападных государств — Китая, Индии, России и стран так называемого Глобального Юга.

Современное геополитическое противостояние Запада и незападных государств во многом закрыло для молодежи стран ШОС привычные возможности для учебы на Западе. Студенты из этих стран все чаще сталкиваются с визовыми отказами, ограничениями на обучение по STEM-специальностям и сворачиванием совместных программ. Это стимулирует развитие академической мобильности внутри ШОС и в более широком кругу стран Глобального Юга.

За последние годы под влиянием геополитических потрясений сформировался новый вектор сотрудничества между незападными странами. Так, студенты с Ближнего Востока все чаще выбирают для учебы не Европу, а китайские технологические центры — Шэньчжэнь, Ханчжоу, Шанхай. Российские физики-теоретики ищут возможности для исследований не в ЦЕРН, а в индийских научных учреждениях (IISc, TIFR), индийские IT-компании открывают центры исследований и разработок (R&D) в Казахстане и Узбекистане, а иранские инженеры проходят курсы повышения квалификации в Татарстане.

Если прежде доминировала модель научно-технического сотрудничества по линии «Запад—Восток», в которой Запад выступал донором инновационных технологий и знаний, а страны Востока и Юга — их постоянными реципиентами и источниками природных ресурсов и дешевой рабочей силы, то сегодня складывается принципиально иная картина.

Ведущие развивающиеся страны ШОС могут сформировать общее научно-образовательное пространство для молодых исследователей (своего рода «научный Шенген») с взаимным признанием ученых степеней и собственной грантовой системой. Столь тесная кооперация могла бы помочь превратить значительный демографический ресурс стран ШОС в коллективный интеллектуальный ресурс за счет отбора наиболее талантливых молодых специалистов. Уже сейчас в странах Азии наблюдается переход от количественного роста человеческого капитала к качественному: специалисты из Индии, Китая и России востребованы

в США и Европе, однако все чаще они могут найти работу и возможности для карьерного роста в своих странах.

В ответ на западные санкции и технологическую войну, развязанную США, страны ШОС могут выдвинуть концепцию коллективного технологического суверенитета и импортозамещения западных технологий на общей основе. Противостоять технологической блокаде и попыткам изоляции государства ШОС способны путем углубления кооперации по критически важным направлениям — по примеру российско-китайского и российско-индийского сотрудничества во многих сферах [Лихачев: санкции ...].

Страны ШОС располагают значительными ресурсами, производственными мощностями и квалифицированными кадрами, которые позволяют им не только сократить технологическое отставание от западных стран, но и в ряде отраслей совершить «технологический скачок». Так, в сфере высоких технологий Китай обладает развитой производственной базой, Россия и Индия — компетенциями в разработке процессоров на открытой архитектуре RISC-V и программного обеспечения, государства Центральной Азии — запасами редкоземельных металлов. Это создает предпосылки для формирования молодежными инженерными командами стран ШОС совместных fabless-компаний[1], ориентированных на рынки Китая, Индии и России с населением около 3 млрд человек. Такие коллективы могли бы заниматься разработкой собственного промышленного программного обеспечения и систем искусственного интеллекта, в частности созданием открытых платформ с интерфейсами на русском, китайском, персидском и хинди, способных заменить западные CAD/CAE-системы. Сотрудничество возможно и в ряде других сфер: зеленой энергетике, космических технологиях, агропромышленном комплексе.

Сюда же относятся совместные исследования в области водородной энергетики и сетевой солнечной генерации, требующие участия молодых инженеров в разработке стандартов совместимости, а также создание единого пула спутниковых данных для «умного» сельского хозяйства, мониторинга водных ресурсов и чрезвычайных ситуаций. Крайне актуальна для стран глобального Юга и проблема изменения климата, угрожающая продовольственной безопасности на пространстве от Ферганской долины до Пенджаба. Совместная селекция засухоустойчивых культур и цифровые платформы для фермеров — та ниша, где совместная работа молодых ученых из разных стран особенно востребована.

Уже сейчас проводится Конкурс молодежных инноваций и предпринимательства государств — членов ШОС [Лихачев: санкции побуждают...]. В июле 2026 г. на Иссык-Куле прошел двухнедельный исследовательский лагерь SCO Young Scientists Camp для школьников из десяти государств — членов ШОС [SCO Young Scientists...].

[1] Fabless-компании — фирмы, которые разрабатывают и продают микросхемы, но не имеют собственного производства: они создают только проект микросхемы, а ее изготовление заказывают сторонним фабрикам (например, TSMC). Известные примеры — NVIDIA, Qualcomm и AMD.

Проблемы и вызовы

Оптимистическая картина институционального строительства не должна заслонять существенные структурные проблемы, ограничивающие реальный потенциал молодежного научно-технического сотрудничества.

Первая проблема — асимметрия технологических потенциалов, которая проявляется в глубоком разрыве в уровне цифровой инфраструктуры и исследовательских возможностей между государствами — членами ШОС. Китай обладает возможностями по всей цепочке создания стоимости в цифровой сфере, от сетей 5G и облачных вычислений до искусственного интеллекта и спутниковых группировок [Pacini]. Россия сохраняет компетенции в ряде критических технологий, но испытывает ограничения в доступе к компонентной базе. Государства Центральной Азии, Иран и Пакистан существенно уступают по уровню развития исследовательской инфраструктуры. Эта асимметрия означает, что «совместные» проекты на практике часто принимают форму передачи технологий или помощи, а не равноправной кооперации.

Вторая проблема — преобладание двусторонних форматов, обходящих многосторонние механизмы. Экспертные оценки фиксируют, что сотрудничество в технологической сфере между Китаем и Центральной Азией, Китаем и Россией, Пакистаном и Россией часто развивается в двустороннем формате, «в обход более широких механизмов ШОС». Для молодых исследователей это означает, что реальные возможности академической мобильности и совместных проектов распределяются неравномерно и зависят от конфигурации двусторонних отношений, а не от универсальных правил организации.

Наконец, сохраняется фундаментальная проблема, характерная для ШОС в целом: программные заявления нередко опережают практическую реализацию на годы, а иногда так и остаются нереализованными [Pacini]. Концепция региональных центров обработки данных, вычислительных мощностей и развития искусственного интеллекта, одобренная на уровне глав государств, к моменту принятия не имела опубликованных источников финансирования, технических стандартов и сроков реализации. Эта неопределенность особенно болезненна для молодежных проектов, которые требуют предсказуемого финансирования и долгосрочного планирования.

Перспективы и направления развития

В планах — создание Молодежного технологического альянса ШОС в рамках существующего Молодежного совета ШОС, которому недостает научно-технического ядра; в условиях конкуренции необходимы работающие механизмы, а не декларации. Требует дальнейшего развития и проект Университета ШОС: речь идет не только о выдаче сетевых дипломов, но и о создании единой платформы с лабораториями удаленного доступа (например, к телескопам, ускорителям или суперкомпьютерам), а также совместных магистерских программ двойного диплома с обязательной ротацией студентов по странам ШОС.

Молодежи также необходим собственный венчурный фонд ранней стадии (early-stage), инвестирующий в стартапы, изначально ориентированные на рынки сразу нескольких стран ШОС (например, в сферах агротехнологий, финтеха, логистики). В каждой стране целесообразно создать «точку входа» для молодого ученого из другой страны ШОС, где ему оказывали бы содействие в патентовании, лицензировании и внедрении разработок с защитой интеллектуальной собственности на всем пространстве организации.

Первое направление — формирование замкнутой экосистемы воспроизводства кадров. Ключевая перспектива состоит в переходе от эпизодических обменов к системной подготовке исследователей и инженеров. Это предполагает создание совместных магистерских и докторских программ, ориентированных на приоритетные технологические направления, развитие сети инновационно-технологических хабов как площадок для стажировок и совместных проектов, а также механизмов взаимного признания квалификаций. Беларусь уже выступила с инициативой создания постоянно действующей платформы для горизонтальных научных связей, а Узбекистан продвигает концепцию сети инновационно-технологических хабов ШОС.

Второе направление — формирование «флагманских» проектов с молодежным ядром. Опыт Китай—ШОС центра научно-технического и инновационного сотрудничества, открытого в Циндао в сентябре 2025 г. [Opening Ceremony...], демонстрирует модель, при которой создается физическая площадка с определенной специализацией, привлекающая молодых исследователей из разных стран. Аналогичные центры могли бы быть созданы в других государствах организации, с фокусом на конкретных направлениях: агротехнологии в Казахстане, горная экология в Кыргызстане, фармацевтика в Индии, энергетика в России. Такая «специализация по странам» позволила бы преодолеть асимметрию, давая каждой стране возможность выступать в роли принимающей стороны и центра компетенций в определенной области.

Третье направление — интеграция молодежной повестки в стратегическое планирование ШОС. До настоящего времени молодежные инициативы в рамках ШОС развивались преимущественно как самостоятельное направление, координируемое Молодежным советом. Перспектива состоит в их встраивании в качестве обязательного элемента в отраслевые программы научно-технического сотрудничества. Заявление Тяньцзинского саммита уже предусматривает проведение молодежных конкурсов инновационного предпринимательства и конгрессов молодых ученых как составной части программы научно-технического сотрудничества [Заявление глав государств]. Следующим шагом могло бы стать выделение квот для молодых исследователей в совместных лабораториях и проектах, финансируемых через механизмы ШОС.

Четвертое направление — развитие «научной дипломатии» как инструмента снижения напряженности. В условиях геополитического соперничества научно-техническое сотрудничество может выполнять функцию канала коммуникации, менее подверженного политической конъюнктуре, чем официальная дипломатия. Форум молодых ученых ШОС в Минске [From Alley of Friendship], форумы женщин-ученых в Ташкенте и другие подобные мероприятия демонстрируют

потенциал «научной дипломатии» как формата, позволяющего поддерживать диалог даже при наличии острых политических противоречий. Для молодых исследователей это создает уникальную возможность участия в международном сотрудничестве в условиях, когда традиционные каналы академической мобильности ограничены.

Таким образом, геополитическая конкуренция дает молодежи ШОС исторический шанс перестать быть «младшими партнерами» в чужих научных парадигмах и превратиться из объекта чужих стратегий в самостоятельного игрока. Это возможность создать собственную научную экосистему талантов, технологий и рынков, скрепленную не идеологией, а прагматикой общего технологического будущего, в котором побеждают не догоняющие, а те, кто пишет правила для новых индустрий.

Заключение

Научно-техническое сотрудничество молодежи стран ШОС в современных условиях развивается под воздействием двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, геополитическое соперничество и санкционное давление ограничивают доступ к западным технологиям, исследовательской инфраструктуре и программам академической мобильности, создавая серьезные барьеры для полноценного участия молодых ученых в глобальном научном обмене. С другой стороны, эти же ограничения стимулируют формирование собственной институциональной экосистемы ШОС в виде центров, хабов, совместных программ и платформ, ориентированных на воспроизводство технологического потенциала организации.

Перспективы этого сотрудничества определяются способностью ШОС преодолеть структурные ограничения: асимметрию технологических потенциалов, преобладание двусторонних форматов над многосторонними, внутреннее соперничество и разрыв между декларациями и реализацией. Ключевым условием успеха является переход от эпизодических молодежных обменов к системной подготовке кадров для приоритетных технологических направлений, встроенной в стратегическое планирование организации. Если этот переход состоится, молодежное научно-техническое сотрудничество может превратиться из периферийного направления деятельности ШОС в один из структурообразующих элементов ее долгосрочной стратегии технологического суверенитета.

Библиографический список

Заместитель Главы Кабинета Министров Улан Маматканов принял участие в XIX заседании Молодежного совета ШОС // Правительство Кыргызской Республики. 18 июля 2026 г. URL: https://www.gov.kg/ru/post/s/26475 (дата обращения: 10.08.2026).

Заявление глав государств — членов ШОС о дальнейшем укреплении сотрудничества в области научно-технических инноваций. Тяньцзинь. 1 сентября 2025 г. URL: https://tr.chinaembassy.gov.cn/zgyw/202509/t20250902_11700009.htm (дата обращения: 10.08.2026).

Конкурс молодежных инноваций и предпринимательства стран — членов ШОС // Baidu Baike. URL: https://baike.baidu.com/ru/item/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%20%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D1%91%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD-%D1%87%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%A8%D0%9E%D0%A1/2210124 (дата обращения: 10.08.2026).

Лихачев: санкции побуждают страны ШОС развивать свои технологические платформы // РЕН ТВ. 1 сентября 2025 г. URL: https://amp.ren.tv (дата обращения: 10.08.2026).

Международная конференция «Шанхайский дух и сила молодежного действия» прошла в Сиане // CGTN. 16 ноября 2025 г. URL: https://russian.cgtn.com/news/2025-11-16/1989901716714332161/index.html (дата обращения: 10.08.2026).

Молодежь ШОС высоко оценила динамичное развитие и технологические достижения Синьцзяна // Синьхуа. 13 ноября 2025 г. URL: https://russian.news.cn/20251113/aabf650d8939421daaadb5192433ded5/c.html (дата обращения: 10.08.2026).

На площадках ШОС создаются новые возможности для молодежи // УзА. 2 сентября 2025 г. URL: https://uza.uz (дата обращения: 10.08.2026).

О заседании экспертов государств — членов ШОС по вопросам научно-технического сотрудничества // Секретариат ШОС. 9 декабря 2025 г. URL: https://rus.sectsco.org/20251209/2099200.html (дата обращения: 10.08.2026).

Об участии делегации Секретариата ШОС в Международном технологическом конгрессе // Секретариат ШОС. 17 сентября 2025 г. URL: https://rus.sectsco.org/20250917/ (дата обращения: 10.08.2026).

Токаев представил в Бишкеке масштабную программу модернизации ШОС // Курсив. 1 сентября 2026 г. URL: https://kz.kursiv.media/2026-09-01/zhki-tokaev-predstavil-v-bishkeke-masshtabnuyu-programmu-modernizacii-shos/ (дата обращения: 10.08.2026).

From Alley of Friendship to Technologies of the Future: Minsk Is the Center of the SCO Education Diplomacy // Ministry of Education of the Republic of Belarus. 17 June 2026. URL: https://www.edu.gov.by (дата обращения: 10.08.2026).

Opening Ceremony of China-SCO Center for Scientific, Technical and Innovative Cooperation // SCO Secretariat. 5 September 2025. URL: https://eng.sectsco.org/20250905/1978915.html (дата обращения: 10.08.2026).

Pacini L.M. Digital Connectivity and Strategic Space for the SCO // Strategic Culture. 6 September 2026. URL: https://strategic-culture.su/news/2026/09/06/digital-connectivity-and-strategic-space-for-the-sco/ (дата обращения: 10.08.2026).

SCO Young Scientists Camp 2026. URL: https://researchcamp.org/ (дата обращения: 10.08.2026).

References

Zamestitel' Glavy Kabineta Ministrov Ulan Mamatkanov prinyal uchastie v XIX zasedanii Molodezhnogo soveta ShOS. Pravitel'stvo Kyrgyzskoj Respubliki. 18 iyulya 2026 g. [Deputy Head of the Cabinet of Ministers Ulan Mamatkanov took part in the 19th meeting of the SCO Youth Council, July 18, 2026]. URL: https://www.gov.kg/ru/post/s/26475 (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Zayavlenie glav gosudarstv — chlenov ShOS o dal'nejshem ukreplenii sotrudnichestva v oblasti nauchno-tekhnicheskih innovacij. Tyan'czin'. 1 sentyabrya 2025 g. [Statement by the Heads of State of the SCO member states on further strengthening cooperation in the field of scientific and technical innovations, September 1, 2025]. URL: https://tr.china-embassy.gov.cn/zgyw/202509/t20250902_11700009.htm (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Lihachev: sankcii pobuzhdayut strany ShOS razvivat' svoi tekhnologicheskie platformy [Likhachev: sanctions are prompting SCO countries to develop their own technological platforms.]. REN TV. September 1, 2025. URL: https://amp.ren.tv (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Mezhdunarodnaya konferenciya "Shanhajskij duh i sila molodezhnogo dejstviya" proshla v Siane [The international conference "The Shanghai Spirit and the Power of Youth Action" was held in Xi'an]. CGTN. November 16, 2025. URL: https://russian.cgtn.com/news/2025-11-16/1989901716714332161/index.html (data of accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Molodezh' ShOS vysoko ocenila dinamichnoe razvitie i tekhnologicheskie dostizheniya Sin'czyana [SCO youth highly appreciated the dynamic development and technological achievements of Xinjiang]. Sin'hua. November 13, 2025. URL:https://russian.news.cn/20251113/aabf650d8939421daaadb5192433ded5/c.html (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Na ploshchadkah ShOS sozdayutsya novye vozmozhnosti dlya molodezhi [New opportunities for young people are being created at the SCO venues]. UzA. September 2, 2025. URL: https://uza.uz (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

O zasedanii ekspertov gosudarstv-chlenov ShOS po voprosam nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [On the meeting of experts from the SCO member states on issues of scientific and technical cooperation]. SCO Secretariat. December 9, 2025. URL: https://rus.sectsco.org/20251209/2099200.html (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Ob uchastii delegacii Sekretariata ShOS v Mezhdunarodnom tekhnologicheskom kongresse [On the participation of the SCO Secretariat delegation in the International Technology Congress]. SCO Secretariat. September 17, 2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250917/ (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Tokaev predstavil v Bishkeke masshtabnuyu programmu modernizacii ShOS // [Tokayev presented a large-scale programme for modernising the SCO in Bishkek]. Kursiv. SCO Secretariat. September 1, 2025. URL: https://kz.kursiv.media (accessed: 10.08.2026). (In Russ.).

Digital connectivity and strategic space for the SCO. Strategic Culture. September 6, 2026. URL: https://strategic-culture.su/news/2026/09/06/digital-connectivity-and-strategic-space-for-the-sco/ (accessed: 10.08.2026).

From alley of friendship to technologies of the future: Minsk is the center of the SCO education diplomacy. Ministry of Education of the Republic of Belarus. 17 June 2026. URL: https://www.edu.gov.by (accessed: 10.08.2026).

Opening Ceremony of China-SCO Center for Scientific, Technical and Innovative Cooperation. SCO Secretariat. 5 September 2025. URL: https://eng.sectsco.org/20250905/1978915.html (SCO Secretariat: 10.08.2026)

Поступила в редакцию: 22.09.2026 Received: Sept 22, 2026
Принята к публикации: 05.10.2026 Accepted: Oct 05, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.89.96.004

Р.А. Полончук

Производство в КНР универсальных транспортов снабжения в интересах обеспечения деятельности ВМС НОАК в удаленных акваториях: современное состояние и перспективы развития

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и перспектив развития производства универсальных транспортов снабжения пр. 903А в КНР в контексте обеспечения деятельности военно-морских сил (ВМС) Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в удаленных акваториях. Рассматриваются исторические этапы формирования китайского флота материально-технического обеспечения, начиная с приобретения первого современного корабля снабжения в 1996 г., а также современные возможности универсальных транспортов снабжения (УТС) пр. 903А, включая участие в формировании авианосных ударных групп и крупных международных операциях.

В работе изучена роль верфей «Гуанчжоу» и «Уху» в строительстве и достройке кораблей, а также значимость национальных судостроительных корпораций для обеспечения потребностей ВМС НОАК. Особое внимание уделяется описанию тактико-технических характеристик УТС пр. 903А и особенностей их задействования в интересах обеспечения действий китайского флота в удаленных акваториях.

В заключении автор делает вывод о том, что дальнейшее развитие судостроительной инфраструктуры и расширение участия национальных компаний будет способствовать укреплению возможностей Китая по длительному развертыванию сил флота в удаленных акваториях и поддержке автономной деятельности авианосных ударных групп (АУГ).

Ключевые слова: Китай, ВМС НОАК, УТС пр. 903А, материально-техническое обеспечение, плавучие базы, авианосные ударные группы, удаленные акватории, судостроительные предприятия.

Автор: *Полончук Руслан Андреевич*, *кандидат политических наук, старший научный сотрудник*, Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0009-0000-5495-3016. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

Для цитирования: Полончук Р.А. Производство в КНР универсальных транспортов снабжения в интересах обеспечения деятельности ВМС НОАК в удаленных акваториях: современное состояние и перспективы развития // *Современная Азия: политика, экономика, общество.* 2026. № 3. С. 21—29.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.89.96.004.

R.A. Polonchuk

The Status and Prospects of Supply Ship Production in China in Support of PLAN Operations in Distant Waters

Abstract. This article analyzes the current status and development prospects of Project 903A universal supply transports (LSTs) in China in the context of supporting the People's Liberation Army Navy (PLA) in remote waters. It examines the historical stages of the development of the Chinese logistics fleet, beginning with the acquisition of the first modern supply ship in 1996, as well as the current capabilities of the Project 903A universal supply transports (LSTs), including their role in forming carrier strike groups and participating in major international operations.

The paper examines the role of the Guangzhou and Wuhu shipyards in the construction and completion of the ships, as well as the importance of national shipbuilding corporations in meeting the needs of the PLA Navy. Particular attention is given to the description of the tactical and technical characteristics of the Project 903A LSTs and the specifics of their deployment to support the Chinese Navy's operations in remote waters.

In conclusion, the author concludes that further development of shipbuilding infrastructure and increased participation of national companies will contribute to strengthening China's capabilities for the long-term deployment of naval forces in remote waters and supporting the autonomous operations of aircraft carrier strike groups.

Keywords: China, PLAN, Type 903A supply ships, logistics support, floating bases, aircraft carrier strike groups, distant waters, shipbuilding enterprises.

Author: *Polonchuk Ruslan A., PhD (Politics), Senior Researcher*, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0009-0000-5495-3016. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

For citation: Polonchuk R. A. The Status and Prospects of Supply Ship Production in China in Support of PLAN Operations in Distant Waters. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, p. 21—29. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.89.96.004.

Введение

В свете расширения национальных интересов Китайской Народной Республики (КНР) далеко за пределы страны, а также необходимости обеспечить деятельность китайского флота в удаленных акваториях, политическое и военное руководство Китая уделяет пристальное внимание ВМС НОАК [«Новая холодная война»...]. При этом с учетом необходимости проецирования силы в прибрежных и удаленных акваториях в интересах защиты национальных интересов КНР, командование ВМС НОАК реализует мероприятия по модернизации материально-технического обеспечения флота. Наряду с появлением первой зарубежной военной базы в Джибути и пунктов материально-технического обеспечения насущным вопросом для ВМС НОАК остается создание плавучих баз снабжения, которые должны обеспечить устойчивость китайского флота в ходе противостояния с флотами вероятных противников, например ВМС США [Конкуренция между США и КНР...].

В этих условиях приоритетное внимание уделяется модернизации старых и разработке новых УТС. В свете реализации в КНР программы по формированию АУГ значимость универсальных транспортов снабжения непрерывно увеличивается, поскольку количество планируемых к постройке авианосцев и кораблей их охранения в перспективе до 2049 г. постоянно растет [Wuthnow...][1]. В связи с этим китайские кораблестроители находятся в постоянном поиске оптимального УТС, способного в полной мере выполнить задачи материально-технического обеспечения на море. Представляется, что на современном этапе оптимальным кораблем для решения данной задачи является УТС пр. 903А [Saunders...].

Концепция применения универсальных транспортов снабжения ВМС НОАК

Анализ китайских доктринальных документов, включая «Белые книги по национальной обороне КНР» (中国的国防白皮书[2]), а также публикации китайских военных исследователей (军事论文), позволяет утверждать, что применение УТС ВМС НОАК встроено в более широкую концепцию перехода флота к действиям в «дальних морях» (远海护卫). Данная концепция предполагает обеспечение устойчивого военно-морского присутствия за пределами прибрежной зоны КНР и формирование возможностей для защиты национальных интересов на глобальном уровне [Expanding the dragon's reach...].

Согласно положениям китайских стратегических документов, развитие ВМС осуществляется в рамках концепции «локальной войны в условиях информатизации» (信息化 条件下局部战争), что требует высокой мобильности, автономности и устойчивости морских группировок. В этих условиях УТС рассматриваются как ключевой элемент обеспечения боевой устойчивости флота, позволяющий компенсировать ограниченность зарубежной инфраструктуры базирования и снизить зависимость от иностранных портов.

Китайская концепция применения УТС базируется на принципе их интеграции в состав оперативных соединений. Практика применения ВМС НОАК (в частности, антипиратские операции в Аденском заливе) показывает, что типовая корабельная группа включает один транспорт снабжения на 2—3 боевых корабля, что подчеркивает роль УТС в обеспечении непрерывности боевой деятельности. При этом снабжение осуществляется преимущественно на ходу, что соответствует современным требованиям ведения морских операций [Там же].

Особое значение в китайской концепции придается многоформатному снабжению. УТС пр. 903А обеспечивают передачу жидких и сухих грузов одновременно нескольким кораблям, включая использование вертолетов для вертикального снабжения. Это позволяет существенно сократить время проведения операций снабжения и повысить живучесть соединений в условиях потенциального

[1] По состоянию на середину 2026 г. представляется возможным говорить о подтвержденных планах командования ВМС НОАК иметь в составе флота 5 авианосцев к 2049 г.

[2] Для того чтобы сделать статью максимально полезной читателям, в том числе и тем, кто знает или изучает китайский язык, специфические китайские термины, географические названия и имена при первом их появлении в тексте сопровождаются иероглифической записью в принятом в КНР упрощенном написании.

противодействия противника. Таким образом, реализуется принцип многоточечного и непрерывного материально-технического обеспечения [China increases Type 903A replenishment...].

Концептуально УТС рассматриваются как мобильный элемент многоуровневой системы морской логистики, включающей береговые базы, пункты материально-технического обеспечения и плавучие средства снабжения. Ограниченное количество зарубежных баз (в первую очередь база в Джибути) усиливает значение УТС как основного инструмента поддержания боевой деятельности флота на удалении от территории КНР. В этом контексте развитие флота снабжения является необходимым условием реализации стратегии «дальнего присутствия».

Связь концепции применения УТС с развитием АУГ является ключевой. Китайские аналитики и зарубежные эксперты отмечают, что именно наличие достаточного количества современных судов снабжения определяет способность ВМС НОАК к развертыванию и длительному применению авианосных соединений. УТС пр. 903А и более крупные суда нового поколения обеспечивают снабжение топливом, боеприпасами и авиационными ресурсами, что делает возможным функционирование АУГ в удаленных районах Мирового океана [China increases Type 903A replenishment...].

Таким образом, концепция применения универсальных транспортов снабжения ВМС НОАК заключается в их использовании в качестве ключевого элемента морской логистической системы, обеспечивающего непрерывность и устойчивость действий оперативных соединений флота в удаленных акваториях [Chinese Navy Inducts Additional Type 903 Fleet...].

Современное состояние производства УТС пр. 903А в интересах ВМС НОАК

Первым современным кораблем снабжения в составе китайского флота стал закупленный в 1996 г. на Украине недостроенный в Херсоне советский коммерческий танкер «Владимир Перегудов» пр. 1596 (типа «Командарм Федько»). После достройки на судостроительном заводе в г. Далянь (大连) корабль вошел в состав китайского флота под названием «Наньчан» (南昌), а в дальнейшем был переименован в «Цяньдаоху» (青海湖) [Hillman...].

Производимые в настоящее время УТС пр. 903А (по классификации НАТО — модернизация транспортов снабжения класса «Фучи» («福池级»)) являются основным судном материально-технического обеспечения ВМС НОАК. Водоизмещение кораблей данного проекта составляет около 23 400 т. УТС пр. 903А обладают возможностями горизонтального, вертикального и продольного снабжения и широко используются командованием ВМС НОАК в удаленных акваториях, значительно повышая устойчивость китайского флота при решении учебно-боевых задач в дальних походах. УТС пр. 903А спроектированы в интересах снабжения топливом, авиационным топливом, боеприпасами, продовольствием и другими припасами кораблей ВМС НОАК. Особая роль отводится им в ходе всестороннего обеспечения формируемых на настоящем этапе АУГ, кото-

рые будут действовать в удаленных акваториях. Основным отличием УТС пр. 903 от УТС пр. 903А является увеличенное с 20 530 т до 23 400 т водоизмещение, что обеспечивает транспорту большую грузоподъемность и широкие возможности для пополнения запасов [Hu...]. Представляется возможным привести различия в тактико-технических характеристиках обоих проектов (табл. 1).

Таблица 1. **Тактико-технические характеристики УТС пр. 903 и пр. 903А**[1]

Характеристика	Пр. 903	Пр. 903А
Водоизмещение	20 500 т	23 400 т
Длина	н/д	178,5 м
Ширина	н/д	24,8 м
Осадка	н/д	8,7 м
Вооружение	Артиллерийские установки для самообороны	4-спаренные 37-мм артиллерийские установки H/PJ76F
Средства снабжения	Станции для передачи грузов на ходу (по бортам и на корме), вертолетная площадка	Станции для многоточечной передачи грузов. Вертолетная палуба и ангар для вертолета

Изучение открытых источников информации показывает, что на настоящем этапе строительство пр. 903А ведется на верфях в г. Уху (芜湖) и г. Гуанчжоу (广州). При этом, значительная часть кораблей на этапе достройки перемещается в район устья реки Янцзы (长江), где они проходят достройку и дооснащение (табл. 2)[2].

Таблица 2. **Данные о построенных УТС пр. 903А**[3]

Год	Номер корпуса	Название	Производитель	Приписка к флоту	Примечание
2013	889	«Тайху»	Guangzhou Shipyard International Company	СФ	Головной корабль в серии
2013	890	«Чаоху»	Hudong-Zhonghua Shipbuilding Group	ВФ	—
2015	902	«Дунпинху»	Guangzhou Shipyard International Company	СФ	Ранее был присвоен номер 960
2016	904	«Гаоюху»	Guangzhou Shipyard International Company	ВФ	Ранее был присвоен номер 966
2016	906	«Хунху»	Guangzhou Shipyard International Company	ЮФ	Введены в строй в один день

[1] Составлено автором на основе источника: [«海上粮仓». 中国补给舰规模及参数指标, 903A 型补给舰].

[2] Судостроительные корпорации КНР отвечают за производство вспомогательных судов в соответствии с принятой кораблестроительной программой НОАК. Мощности предприятий позволяют осуществлять строительство всех типов кораблей. Компании в полном объеме обеспечивают потребности национальных вооруженных сил в производстве данных образцов вооружения.

[3] Составлено автором на основе источника: ["Hǎishàng liángcāng"...; 903A xíng bǔjǐ jiàn...].

Окончание табл. 3

Год	Номер корпуса	Название	Производитель	Приписка к флоту	Примечание
	964	«Луомаху»	Hudong-Zhonghua Shipbuilding Group		
2019	903	«Кэкэсили»	Guangzhou Shipyard International Company	СФ	Ранее был присвоен номер 968
Строящиеся УТС пр. 903А					
н/д	н/д	н/д	Guangzhou Shipyard International Company	н/д	Проводятся испытания в море
н/д	н/д	н/д	Wuhu shipyard Co., Ltd.	н/д	Проводятся испытания в море
н/д	н/д	н/д	Guangzhou Shipyard International Company	н/д	Устанавливается судовое оборудование
н/д	н/д	н/д	Wuhu shipyard Co., Ltd.	н/д	Сегментированная сборка
н/д	н/д	н/д	Wuhu shipyard Co., Ltd.	н/д	Сегментированная сборка

УТС пр. 903А давно участвуют в крупных операциях, таких как эскортные миссии в Аденском заливе, совместные военные учения (например, российско-китайское учение «Морское взаимодействие-2015» “海上联合-2015”) и эвакуация в 2023 г. китайских граждан из Судана (более 940 чел.). УТС пр. 903А «Дунпинху» принимал участие со стороны ВМС НОАК в учении «Аман — 2021» в составе 36-й оперативной группы кораблей, которая в январе 2021 г. совершила переход после выполнения задач в Аденском заливе [中国无人机的高度发展: 无人母机, 无人母舰, 无人机两栖航母和核动力航母].

Основные направления развития

Анализ открытых источников информации показывает, что, возможно, новое крупное судно снабжения строится для ВМС НОАК на верфи COMEC Longxue недалеко от Гуанчжоу. Спутниковый снимок, сделанный 25 марта 2026 г., показывает внушительный корпус корабля, занимающий один из строительных доков верфи, наряду с несколькими другими судами на разных этапах строительства. Американские военные эксперты оценивают это судно как УТС семейства пр. 903А, исходя из его размеров, пропорций и характеристик [China constructs new large naval replenishment ship...]. Судя по масштабу относительно длины дока, козловых кранов и корпусов близлежащих судов, длина корабля оценивается примерно в 271 м, а ширина — около 37 м. Это ставит судно в число крупнейших строящихся в настоящее время кораблей снабжения в мире, и его размеры соответствуют существующим быстроходным боевым кораблям поддержки ВМС НОАК по пропорциям. Форма корпуса широкая, борта — пло-

ские, а средняя часть оптимизирована скорее для увеличения объема, чем для скорости[1].

Строительство, по-видимому, продвинулось дальше стадии базовой сборки корпуса, поскольку на снимках видно, что корабль структурно завершен до главной палубы, при этом палубная обшивка в основном установлена по всей длине корпуса. В нескольких местах видны вертикальные конструкции и фундаменты надстройки, что указывает на то, что судно вступило в раннюю фазу возведения надстройки. Внутренняя каркасная конструкция, которая преобладала на ранних этапах строительства, теперь в значительной степени скрыта, что свидетельствует о существенном завершении интеграции блоков [China constructs new large naval replenishment ship...].

Выводы

Проведенный анализ производства в КНР универсальных транспортов снабжения в интересах обеспечения деятельности ВМС НОАК в удаленных акваториях позволяет сформулировать следующие основные выводы и наблюдения.

1. Строительство и ввод в эксплуатацию текущей серии УТС пр. 903А существенно повысят возможности ВМС НОАК по длительному развертыванию сил в удаленных океанских акваториях. На фоне наращивания деятельности китайского флота с развертыванием корабельных группировок вдали от своих берегов строительство судов является логичным шагом. Своевременное снабжение топливом на море АУГ ВМС НОАК позволит им дольше оставаться в боевом походе и действовать автономно, например, в водах Тихого океана.

2. УТС пр. 903А представляют собой качественную модернизацию предыдущего поколения (пр. 903), что выражается в увеличении водоизмещения, расширении номенклатуры перевозимых грузов и совершенствовании средств передачи запасов на ходу. Это свидетельствует о переходе китайского флота к более универсальным и эффективным решениям в сфере материально-технического обеспечения.

3. Наращивание серийного строительства УТС пр. 903А на нескольких судостроительных предприятиях КНР указывает на высокий приоритет развития вспомогательного флота. Географическая диверсификация производства (верфи в Уху и Гуанчжоу) позволяет ускорить темпы строительства и обеспечить устойчивость судостроительной программы.

4. Практика применения УТС пр. 903А в международных операциях (антипиратские миссии, учения, эвакуационные операции) подтверждает их высокую эксплуатационную эффективность и универсальность. Данные суда уже выполняют функции обеспечения не только в национальных, но и в международных форматах, что отражает растущую глобальную роль ВМС НОАК.

5. В целом развитие УТС в КНР демонстрирует системный и опережающий характер, направленный на формирование полноценной океанской логистиче-

[1] Это характерная черта крупных вспомогательных кораблей флота, предназначенных для перевозки топлива, сухих грузов и боеприпасов для авианосных ударных групп.

ской инфраструктуры. В совокупности с развитием зарубежных пунктов базирования это создает предпосылки для устойчивого военно-морского присутствия КНР в ключевых районах Мирового океана.

Библиографический список

«Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2025. 285 с.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Е.Н. Грачиков, В.А. Данилов, Д.А. Дегтерев [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

China constructs new large naval replenishment ship. URL: https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/sea/china-constructs-new-large-naval-replenishment-ship (accessed: 23.04.2026).

China increases Type 903A replenishment oiler fleet to extend naval reach across the Pacific. URL: https://www.armyrecognition.com/news/navy-news/2025/china-increases-type-903a-replenishment-oiler-fleet-to-extend-naval-reach-across-the-pacific (accessed: 23.04.2026).

Chinese Navy Inducts Additional Type 903 Fleet Replenishment Ships. URL: https://www.navalnews.com/naval-news/2026/03/chinese-navy-inducts-more-type-903-fleet-replenishment-ships/ (accessed: 23.04.2026).

Expanding the dragon's reach: the rise of China's anti-access naval doctrine and forces. URL: https://researchers.mq.edu.au/en/publications/expanding-the-dragons-reach-the-rise-of-chinas-anti-access-naval-/ (accessed: 23.04.2026).

Hillman B. China's New Era, The Australian National University, 2024. 284 p.

Hu A., Zhou S. China in 2035. Towards a Society of Common Prosperity for All: Institute for Contemporary China Study, and School of Public Policy and Management, 2nd Edition, Tsinghua University, 2024. 204 p.

Saunders P. Chairman Xi Remakes the PLA: Assessing Chinese Military Reforms, National Defense University Press, 2019. 782 p.

Wuthnow J. Chinese Military Operations in Regional and Global Context, National Defense University Press, 2021. 371 p.

903A 型补给舰 [Корабль снабжения типа 903A]. URL: https://www.junyou.com.cn/content/2103091 6031877911093 (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

«海上粮仓», 中国补给舰规模及参数指标 ["Sea Granary": размеры и характеристики китайских судов снабжения]. URL: https://k.sina.com.cn/article_7857201856_1d45362c0019047118.html? (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

中国无人机的高度发展：无人母机、无人母舰、无人机两栖航母和核动力航母 [The rapid development of Chinese drones: unmanned aircraft carriers, unmanned carrier ships, unmanned amphibious aircraft carriers, and nuclear-powered aircraft carriers.]. URL: https://news.qq.com/rain/a/20250522A025JH00 (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

References

"Novaya xolodnaya vojna" v Azii. Global`noe i regional`noe izmerenie ["New Cold War" in Asia. Global and Regional Dimension]. Ed. by D. V. Streltsov. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2025. 285 p. (In Russ.).

Konkurenciya mezhdu SShA i KNR: vozmozhnosti dlya Rossii [Competition between the United States and China: Opportunities for Russia]. E.N. Grachikov, V.A. Danilov, D.A. Degterev [et al.]. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2024. 300 p. (In Russ.).

China constructs new large naval replenishment ship. URL: https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/sea/china-constructs-new-large-naval-replenishment-ship (accessed: 23.04.2026).

China increases Type 903A replenishment oiler fleet to extend naval reach across the Pacific. URL: https://www.armyrecognition.com/news/navy-news/2025/china-increases-type-903a-replenishment-oiler-fleet-to-extend-naval-reach-across-the-pacific (accessed: 23.04.2026).

Chinese Navy Inducts Additional Type 903 Fleet Replenishment Ships. URL: https://www.navalnews.com/naval-news/2026/03/chinese-navy-inducts-more-type-903-fleet-replenishment-ships/ (accessed: 23.04.2026).

Expanding the dragon's reach: the rise of China's anti-access naval doctrine and forces. URL: https://researchers.mq.edu.au/en/publications/expanding-the-dragons-reach-the-rise-of-chinas-anti-access-naval-/ (accessed: 23.04.2026).

Hillman B. China's New Era, The Australian National University, 2024. 284 p.

Hu A., Zhou S. China in 2035. Towards a Society of Common Prosperity for All: Institute for Contemporary China Study, and School of Public Policy and Management, 2nd Edition, Tsinghua University, 2024. 204 p.

Saunders P. Chairman Xi Remakes the PLA: Assessing Chinese Military Reforms, National Defense University Press, 2019. 782 p.

Wuthnow J. Chinese Military Operations in Regional and Global Context, National Defense University Press, 2021. 371 p.

903A 型补给舰 [Type 903A replenishment ship]. URL: https://www.junyou.com.cn/content/21030916031877911093 (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

«海上粮仓»，中国补给舰规模及参数指标 ["Sea Granary": Size and Specifications of Chinese Supply Ships]. URL: https://k.sina.com.cn/article_7857201856_1d45362c0019047118.html? (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

中国无人机的高度发展：无人母机、无人母舰、无人机两栖航母和核动力航母 [The rapid development of Chinese drones: unmanned aircraft carriers, unmanned carrier ships, unmanned amphibious aircraft carriers, and nuclear-powered aircraft carriers]. URL: https://news.qq.com/rain/a/20250522A025JH00 (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 01.05.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: May 1, 2026
Accepted: Aug 31, 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.46.005

И.С. Васин, Т.М. Мамахатов

Об определенных аспектах реализации формулы «Одна страна — две системы» на примере Гонконга и способах ее адаптации под другие территории

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации формулы «Одна страна — две системы» на примере Гонконга. Статья отвечает на вопрос: «Смог ли Гонконг остаться в рамках этой формулы сохранить свои преимущества как бизнес хаба и свое право?» Также рассматривается возможность адаптации данной системы к тайваньскому вопросу. Исследуются особенности автономного статуса Гонконга и его роль в международной торговле, финансовой системе и системе судов. Особое внимание уделяется значению Гонконга как международного финансового и арбитражного центра, а также его месту в системе защиты интеллектуальной собственности. В статье рассматриваются современные подходы китайских исследователей к созданию «тайваньского варианта» модели «Одна страна — две системы». Делается вывод о необходимости глубокой институциональной модернизации формулы для ее потенциального применения к Тайваню.

Авторы: *Васин Иван Сергеевич, студент* 4-го курса Российского университета транспорта. E-mail: ivan.tantsor@gmail.com
Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Ключевые слова: Одна страна — две системы, Гонконг, Тайвань, Китай, автономия, арбитраж, интеллектуальная собственность, международная торговля, международный бизнес.

Для цитирования: Васин И.С., Мамахатов Т.М. Об определенных аспектах реализации формулы «Одна страна — две системы» на примере Гонконга и способах ее адаптации под другие территории // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 30—39. DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.46.005.

I.S. Vasin, T.M. Mamakhanov

On certain aspects of implementing the “One Country, Two Systems” formula in Hong Kong and how it can be adapted to other territories

Abstract. This article analyses the implementation of the ‘One Country, Two Systems’ principle using Hong Kong as a case study, examining whether Hong Kong has been able to retain its advantages as a business hub and its legal system within the framework of this principle. It also explores the possibility of adapting this system to the Taiwan issue. The article examines the distinctive features of Hong Kong’s autonomous status and its role in international trade, the financial system and the judicial system. Particu-

lar attention is paid to Hong Kong's significance as an international financial and arbitration centre, as well as its role in the intellectual property protection system. The article examines contemporary approaches by Chinese researchers to creating a 'Taiwanese variant' of the 'One Country, Two Systems' model. It concludes that a profound institutional modernisation of the formula is necessary for its potential application to Taiwan.

Authors: *Vasin Ivan S., 4th-year Student*, Russian University of Transport.
E-mail: ivan.tantsor@gmail.com
Mamakhanov Tlesh M., PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
ORCID 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Keywords: One country, two systems; Hong Kong, Taiwan, China; autonomy; arbitration; intellectual property; international trade; international business.

For citation: Vasin I. S., Mamakhanov T. M. On certain aspects of implementing the "One Country, Two Systems" formula in Hong Kong and how it can be adapted to other territories.*Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, p. 30—39. (In Russ.).
DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.46.005.

Принципы функционирования формулы «Одна страна — две системы»

В 1984 г. в Пекине между Великобританией и КНР была подписана совместная декларация о передачи Гонконга Китаю. В данной декларации указывались основы положения Гонконга. В том числе основы формулы «Одна страна — две системы»[1].

В рамках формулы у Гонконга остается определенная автономность со своими ветвями власти и возможность управлением полицией. Специальный административный район Гонконг наделен правом самостоятельно заключать соглашения в таких областях, как экономика, торговля, финансы, судоходство, связь, туризм, культура и спорт. Это осуществляется под пометкой «Гонконг, Китай». Гонконг сохраняет отдельное членство во многих международных организациях и форумах, включая Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Международный валютный фонд (МВФ) и Азиатский банк развития (АБР) [Рода Мушкат, 1997]

Определенные ограничения в такой системе существуют, но фактическая автономия Гонконга в осуществлении международных прав и обязанностей весьма велика и, по существу, сопоставима с уровнем, доступным суверенным государствам в большинстве экономических и социальных областей.

[1] Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong (Sino-British Joint Declaration, Beijing, 19 December 1984. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/HK15th/2007-06/20/content_15483595.htm (дата обращения: 24.04.2026).

Роль Гонконга, как китайской бизнес-площадки

Благодаря своему стратегическому географическому положению, хорошо развитой инфраструктуре и обширной международной сети Гонконг играет важную роль перевалочного пункта в торговле между материковым Китаем и остальным миром. В 2025 г. стоимость товаров, реэкспортированных через Гонконг из материкового Китая и в материковый Китай, составила 4 265,3 млрд гонконгских долл. (547,0 млрд долл. США), что составило 82,4 % от общей стоимости[1].

Общая же торговля Китая на 2025 г. составила 6,6 трлн долл. [Статистическое коммюнике КНР...]. Таким образом, доля Гонконга в китайской торговле составляет около 8,5 %. Это значительно меньше, чем в нулевые годы, однако все еще остается существенной цифрой и доказательством того, что Гонконг по-прежнему может считаться «китайскими финансовыми воротами». Также стоит сказать, что здесь учитывается исключительно торговля китайскими товарами и игнорируются гонконгские товары и различные бизнес-услуги.

Гонконг является безопасным и экономически выгодным бизнес-хабом, в котором компании со всего мира держат свои штаб-квартиры и офисы. Число компаний в Гонконге с материнскими структурами за рубежом достигло 11 070 в 2025 г., 9960 в 2024 г. и 9040 в 2023 г. Число региональных штаб-квартир выросло до 1510 в 2025 г. против 1410 в 2024 г.[Гонконг как центр региональных...]. Приведенные цифры говорят о высоком уровне интереса международных компаний в ведении бизнеса в Гонконге. Из этого можно сделать вывод, что бизнес-инфраструктура Гонконга действительно очень развита и является определенным мировым стандартом.

В Гонконге ежегодно проводится саммит финансовых лидеров с 2022 г. На саммите в ноябре 2025 г. глава гонконгского управления денежного обращения Эдди Юэ прямо обозначил задачу мероприятия: «Руководители, приезжающие на саммит, могут встречаться с местными сотрудниками и клиентами, некоторые из них посещают материковый Китай. Делясь впечатлениями о Гонконге по возвращении домой, они помогают рассказывать правильную историю о городе». На нем присутствовали: сооснователь BlackRock Ларри Финк, председатель и главный исполнительный директор General Atlantic Уильям Форд, главный исполнительный директор Macquarie Шемара Викраманаяке и председатель Brookfield Брюс Флатт. Постоянные участники — главный исполнительный директор Standard Chartered Билл Уинтерс и председатель UBS Колм Келлехер. Саммит открыл видеообращением вице-премьер Госсовета КНР Хэ Лифэн[2].

[1] Trade and Industry Department (Government of the Hong Kong Special Administrative Region). Hong Kong — Mainland Trade Relations. URL: https://www.tid.gov.hk/en/our_work/trade_relations/mainland/overview.html (дата обращения: 26.04.2026).

[2] Hong Kong Monetary Authority (HKMA). Global Financial Leaders' Investment Summit. URL: https://www.hkma.gov.hk/eng/key-functions/international-financial-centre/global-financial-leaders-investment-summit/ (дата обращения: 09.05.2026).

В Гонконге также проходит ежегодный саммит «Пояса и пути». Так, в сентябре 2025 г. прошел десятый саммит «Пояса и пути», собравший более 6000 участников, в том числе более 90 представителей правительств и бизнеса, а также более 100 делегаций для изучения возможностей в таких областях, как торговля и коммерция, инновации и технологии [Мой Гонконг].

Судебная система и интеллектуальное право Гонконга

Главным плюсом Сянгана являются его суды и правовая система в принципе. Она признается во всем мире и уважается. По данным на 2025 г. Гонконгский международный суд зарегистрировал 388 арбитражных дел, что на 10 % больше, чем годом ранее[1]. Для сравнения, Лондон в 2024 г. провел 318 арбитражных судов[2].

Почти 85 % всех арбитражных дел и 93 % всех дел, рассматриваемых в рамках административной процедуры, носили международный характер и включали по крайней мере одну сторону, не являющуюся резидентом Гонконга. Стороны представляли 61 юрисдикцию, что свидетельствует о растущем разнообразии участников из разных стран мира. В состав арбитражных судов по делам, рассматриваемым в рамках HKIAC[3], входили представители 26 различных стран или регионов. В пятерку лидеров вошли Гонконг, Великобритания, Австралия, материковый Китай/Сингапур и Канада. Что касается применимого права, то остальные страны и регионы охватывали большинство регионов мира, включая граждан Объединенных Арабских Эмиратов, Египта, Чили, Швейцарии, Германии, России, Турции и Малайзии[4].

Еще одной составляющей Гонконга, выделяющей его на фоне других городов Китая, являются его услуги по регистрации товарного знака. Гонконг остается одной из наиболее развитых и значимых с коммерческой точки зрения юрисдикций в Азии в сфере интеллектуальной собственности. Действуя в рамках конституционной модели «Одна страна — две системы», Гонконг поддерживает полностью автономный режим защиты товарных знаков, основанный на принципах общего права и подкрепленный прозрачной судебной системой, пользующейся международным уважением. Для транснациональных компаний, разрабатывающих стратегию защиты бренда в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Гонконг — это не просто юрисдикция для подачи заявок, а стратегические ворота в

[1] HKIAC's 2025 Statistics Highlight Record Caseload and Reinforce Hong Kong's Advantages as an Arbitral Seat // Morrison Foerster, 2026 4 марта. URL: https://www.mofo.com/resources/insights/260304-hkiac-s-2025-statistics-highlight-record-caseload (дата обращения: 21.05.2026).

[2] LCIA's 2024 Casework Annual Report // London Court of International Arbitration, 2025 3 июля. URL: https://www.lcia.org/News/lcias-2024-annual-casework-report.aspx (дата обращения: 21.05.2026).

[3] Hong Kong International Arbitration Centre — Гонконгский международный арбитражный центр

[4] HKIAC Releases 2025 Case Statistics Highlighting Strong Growth and Global Reach // Hong Kong International Arbitration Centre, 2026 13 февраля. URL: https://hkiac.org/news/hkiac-releases-2025-case-statistics-highlighting-strong-growth-and-global-reach/ (дата обращения: 21.05.2026).

Китайский регион и ключевой узел в системе управления рисками бренда на региональном уровне [Регистрация товарного знака в Гонконге...].

Число заявок на регистрацию товарных знаков в Гонконге стабильно растет: в 2022 г. подано 29 432 заявки, в 2023 г. — 29 835, в 2024 г. — 33 149, в 2025 г. — 37 491. Число фактических регистраций в 2025 г. составило 30 285, а суммарное количество действующих товарных знаков на 2025 г. достигло 498 166 [Статистика регистрации товарных знаков...]. Данные цифры показывают растущую международную заинтересованность в том, чтобы зарегистрировать товарный знак именно в Гонконге. Это подтверждает тезис о высоком уровне интеллектуального права в Гонконге.

Адаптация формулы «Один Китай — две системы» под сценарий Тайваня

Говоря о Гонконге, нельзя не вспомнить о самой большое проблеме КНР — Тайване. Сразу возникает вопрос о том, а насколько релевантным будет перенос формулы «Одна страна — две системы» на кейс Тайваня и как себя показывает PR относительно Тайваня?

Данный вопрос не новый. Е Цзяньин, Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, в интервью корреспонденту агентства Синьхуа еще 30 сентября 1981 г. изложил политику, касающуюся возвращения Тайваня на родину в целях осуществления мирного воссоединения Китая. В третьем пункте его речи говорится: «После воссоединения страны Тайвань может пользоваться высокой степенью автономии в качестве особого административного района и сохранить свои вооруженные силы. Центральное правительство не будет вмешиваться в местные дела Тайваня»[Е Цзяньин]. Данное высказывание сильно походит на позднее использованную формулу «Одна страна — две системы». Далее Дэн Сяо Пин и предложил ее Тайваню в 1984 г. [Дэн Сяопин].

Для успешной и мирной реализации плана интеграции обсуждаемой формулы необходимо, чтобы сами тайваньцы поддержали данный проект. Сейчас на территории острова преобладают два лагеря: «зеленый лагерь», в котором главенствует Демократическая прогрессивная партия, и «синий лагерь», в котором главенствует Гоминьдан[1]. Сторонники «зеленого лагеря» придерживаются идеи независимости Тайваня, в то время как «синий лагерь» склоняется к мнению, что Тайвань должен развиваться в рамках одного Китая[2].

По данным опросов TOPF за ноябрь 2025 г. среди людей старше 20 лет 26 % поддерживают «синий лагерь», 31 % поддерживают «зеленый лагерь». Остальные либо не придерживаются какой-либо партии, либо отдают предпочтение другим

[1] Китайская националистическая партия.

[2] Chen, Chih-Jou Jay, and Victor Zheng. Changing Attitudes toward China in Taiwan and Hong Kong in the Xi Jinping Era. Journal of Contemporary China 31, no. 134 (2022), p. 250—266. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945738.

партиям. По данным этого же опроса только около 11 % тайваньцев поддерживают объединение с континентальным Китаем[1].

Стоит сказать, что мнение тайваньцев в большинстве своем сформировано тремя факторами: случайными действиями КНР, экономическими выгодами и идеологией. Ключевым в данном перечне выступает идеология и самоопределение тайваньцев. События во время протестов 2019 г. сильно изменили мнение тайваньцев в сторону независимости[2]. Вышеприведенные данные показывают, что формула, которая существует в Гонконге, вызывает недоверие у населения Тайваня.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин произнес речь о политике Китайской Народной Республики в отношении Тайваня в 2019 г. Он призвал к разработке «тайваньского варианта двух систем» («两制»台湾方案»). Таким образом Си Цзиньпин косвенно признал, что формулу следует модернизировать[3]. Исследователи КНР откликнулись на призыв, проведя исследования по вопросам разработки и реализации новой версии ОСДС [4] для Тайваня. Одно из ключевых различий, которое они подчеркивают, состоит в том, что «гонконгская модель» была хорошо принята, поскольку предоставляла жителям этих территорий беспрецедентные права на самоуправление в качестве особых административных районов, тогда как Тайвань уже располагает развитыми институтами и способностью управлять подконтрольной ему территорией на основе конституции Китайской Республики. В своих опубликованных статьях ученые КНР утверждают, что после объединения Тайвань должен пользоваться большими правами и свободами, чем Гонконг и Макао [Хуан Цинсянь, 2022].

Ван Ин Цзинь, профессор и директор Центра изучения межпроливных отношений Китайского народного университета, пишет: «Товарищ Дэн Сяопин в 1980-х годах выдвинул концепцию применения “одной страны, двух систем” к Тайваню и наметил институциональную рамку. “Тайваньский вариант” “одной страны, двух систем” в новую эпоху — это, опираясь на данную институциональную рамку, выдвижение механизмов исполнения, надзора и политических мер, обеспечивающих реализацию системы; в противном случае его нельзя именовать “вариантом”. Иными словами, вариант должен включать не только концептуальные представления, но и конкретные институциональные договоренности по их воплощению. В этом смысле “тайваньский вариант” “одной страны, двух систем” отличается от концептуальных представлений товарища Дэн Сяопина о применении “одной страны, двух систем” к Тайваню: представления являются

[1] Taiwan Public Opinion Foundation (TPOF). November 2025 Nation-wide Poll (110th Monthly Survey). Taipei : TPOF, November 18, 2025. URL: https://www.tpof.org/wp-content/uploads/2025/11/20251118-TPOF-November-2025-Public-Opinion-Poll-—-English-Excerpt.pdf (дата обращения: 26.04.2026).

[2] Chen, Chih-Jou Jay, and Victor Zheng. Changing Attitudes toward China in Taiwan and Hong Kong in the Xi Jinping Era. Journal of Contemporary China 31, no. 134 (2022): 250—266. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945738.

[3] Taiwan Affairs Office of the State Council. Speech / statement (12 April 2019). URL: http://www.gwytb.gov.cn/wyly/201904/t20190412_12155687.htm (дата обращения: 26.04.2026).

[4] Далее везде: одна страна — две системы.

основой и важным ориентиром для варианта, тогда как вариант представляет собой углубление и расширение представлений. По сравнению с “представлениями” задача проектирования “варианта” является более конкретной и сложной; таким образом, “тайваньский вариант” “одной страны, двух систем” в новую эпоху (основу которого составляют распределение полномочий и институциональное строительство) является многоотраслевой, многоуровневой и многоаспектной институциональной системой, состоящей из ряда институтов и механизмов» [Ван Ин цзинь, 2023].

Иными словами, данная система раньше рассматривалась исключительно с позиции институтов и не затрагивала другие инструменты методы надзора, исполнения, политического влияния и более подробного устройства данной системы. Тайваньский вариант ОСДС должен быть не просто вариантом, а пакетом предложений, который будет рассматривать отдельные политические и социальные аспекты.

Ву Либин в своей работе «Попытка обсудить суть высокой степени автономии Тайваня после мирного воссоединения: на основе практического опыта Гонконга» говорит о различных идеях по адаптации Гонконгского сценария под Тайваньский вопрос. В данной работе утверждается, что «Одна страна, две системы» теоретически не исключает федеративные элементы. Считается, что модель может включать элементы разделения властей. По другой идее предлагается концепция «первичных полномочий», принадлежащих народу Тайваня. Согласно этой мысли, часть полномочий передается центральному правительству, а оставшаяся часть сохраняется Тайванем как «остаточные полномочия». Это означает не делегирование сверху вниз, а разделение исходных полномочий. В этой модели отношения между центром и Тайванем становятся не просто центрально-местными, а близкими к федеративным, с элементами «квази-центра» [Ву Либин, 2022].

В рамках этого же исследования предлагается, что Тайвань после воссоединения будет обладать исполнительной, законодательной и судебной властью с элементами федерализма. Это не делегирование, а разделение первичных полномочий. Иными словами, согласно этой точке зрения, автономия Тайваня является совместной властной автономией, а не делегированной [Там же].

Несмотря на достаточно низкий процент поддержки воссоединения тайваньцами, 10 апреля 2026 г. председатель партии Гоминьдан Чжэн Ливэнь приехала в Пекин с визитом, впервые со времен «Революции зонтиков». Она также заявила: «Я очень надеюсь, что все политические партии на Тайване поставят отношения между берегами Тайваньского пролива над партийными разногласиями и будут прилагать совместные усилия во имя мира... Мы не можем допустить того, чтобы Тайвань превратился в поле боя. Поэтому мы и вышли в авангард. И чем дальше мы будем идти по этому пути, тем ровнее и шире он будет становиться» [Председатель партии Гоминьдан...].

Учитывая достаточно тяжелые отношения в данном регионе, такой жест является прямым показателем построения курса на улучшение данных отношений. Помимо этого, можно сделать предположение о том, что у гонконгской формулы ОСДС с учетом определенных политических противоречий все равно получается доказывать свою эффективность.

Заключение

Подходя к оценке эффективности формулы «Один Китай — две системы», отметим, что формула демонстрирует себя как эффективная. Гонконг показывает впечатляющие экономические показатели как бизнес-центр. Он способен привлекать не только иностранные инвестиции, но и притягивать внимание влиятельных держателей международного бизнеса.

Сформированная во времена британского колониализма судебная система также смогла улучшиться. Приведенные в статье данные свидетельствуют о перманентном росте заявок и регистраций судов. Цифры, впечатляющие даже в сравнении с другими судебными системами.

Иными словами, формула не только позволила сохранить гонконгские преимущества, но и развить их.

Анализируя возможность адаптации данной формулы под другие кейсы, такое решение возможно, но с определенными видоизменениями. Вполне вероятно, что будущая тайваньская формула «Один Китай — две системы» получит больше автономии и в целом пересмотрит работу определенных политических институтов. Тем не менее недавний приезд председателя партии Гоминьдан в Китай может означать определенные движения к перенятию формулы ОСДС на тайваньскую ситуацию и, как логичный вывод, успешной ее реализации в Гонконге.

Библиографический список

Гонконг как центр региональных штаб-квартир: рост числа иностранных компаний и стратегическое расширение в Азии // Woodburn Accountants & Advisors. 2026, 11 февраля. URL: https://www.woodburnglobal.com/post/hong-kong-as-a-regional-headquarters-hub-growth-in-foreign-companies-and-strategic-expansion-across (дата обращения: 21.05.2026).

Дэн Сяопин. Одна страна — две системы: речь (1984) // Марксистский интернет-архив. URL: https://www.marxists.org/reference/archive/deng-xiaoping/1984/111.htm (дата обращения: 26.04.2026).

Мой Гонконг. Открытие саммита пояса и пути. URL: https://my-hk.ru/news/2289 (дата обращения: 09.05.2026).

Председатель партии Гоминьдан призвала помнить об исторической ответственности // CGTN на русском. 2026, 11 апреля. URL: https://russian.cgtn.com/news/2026-04-11/2042825190880219137/index.html (дата обращения: 27.04.2026).

Регистрация товарного знака в Гонконге: стратегические соображения для международного бизнеса // China Briefing. 2026, 16 марта. URL: https://www.china-briefing.com/news/trademark-registration-hong-kong-international-businesses/ (дата обращения: 21.05.2026).

Рода Мушкат. Одна страна — два международных юридических лица. Гонконг, Издательство Гонконгского университета, 1997. 220 с.

Статистика регистрации товарных знаков, патентов и промышленных образцов в Гонконге // Департамент интеллектуальной собственности Гонконга. 2026. URL: https://www.ipd.gov.hk/filemanager/ipd/en/content_156/A1_D28_Stat_ENG.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

Статистическое коммюнике КНР о социально-экономическом развитии за 2025 год. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202602/t20260228_1962661.html (дата обращения: 26.04.2026).

Е Цзяньин. «Девять пунктов о возвращении Тайваня на Родину и мирном воссоединении». Заявление, зачитанное агентству Синьхуа, Пекин. 30 сентября 1981 г. URL: http://www.china.org.cn/english/7945.htm (дата обращения: 25.04.2026).

Хуан Цинсянь. Исследование содержания и путей реализации тайваньского варианта модели «Одна страна — две системы» // Тайваньские исследования. 2022. № 4. С. 15—27.

王英津 [Ван Ин цзинь]. 探索和建构"一国两制"适应于台湾的制度体系 [Исследование и построение институциональной системы «одна страна — две системы», адаптированной к Тайваню] // 统一论坛 [Форум объединения] / Китайская ассоциация содействия мирному объединению. 2023. № 5. URL: http://www.zhongguotongcuhui.org.cn/tylt/202305/202311/t20231106_12579544.html (дата обращения: 27.04.2026).

试论和平统 [Ву Либин]. 后台湾地区高度自治权的性质：基于香港的实践经验 [К вопросу о природе высокой степени автономии тайваньского региона после мирного воссоединения: на основе практического опыта Гонконга] // 台湾研究 [Тайваньские исследования]. 2022. № 1 С. 1—15

References

Deng Xiaoping. Odna strana — dve sistemy`: rech` (1984) [One Country, Two Systems: Speech]. Marxists Internet Archive. URL: https://www.marxists.org/reference/archive/deng-xiaoping/1984/111.htm (accessed: 26.04.2026). (In Russ.).

Gonkong kak centr regional`ny`x shtab-kvartir: rost chisla inostranny`x kompanij i strategicheskoe rasshirenie v Azii [Hong Kong as a Regional Headquarters Hub: Growth in Foreign Companies and Strategic Expansion across Asia]. Woodburn Accountants & Advisors. 2026, February 11. URL: https://www.woodburnglobal.com/post/hong-kong-as-a-regional-headquarters-hub-growth-in-foreign-companies-and-strategic-expansion-across (accessed: 21.05.2026).

My-HK.ru. Otkrytie sammita poyasa i puti [Opening of the Belt and Road Summit]. URL: https://my-hk.ru/news/2289(accessed: 09.05.2026). (In Russ.).

Predsedatel' partii Gomindana prizvala pomnit' ob istoricheskoy otvetstvennosti [KMT Party Chair Called for Remembering Historical Responsibility]. CGTN na russkom [CGTN in Russian]. 2026, April 11. URL: https://russian.cgtn.com/news/2026-04-11/2042825190880219137/index.html (accessed: 27.04.2026).

Registraciya tovarnogo znaka v Gonkonge: strategicheskie soobrazheniya dlya mezhdunarodnogo biznesa [Trademark Registration in Hong Kong: Strategic Considerations for International Business]. China Briefing. 2026, March 16. URL: https://www.china-briefing.com/news/trademark-registration-hong-kong-international-businesses/ (accessed: 21.05.2026). (In Russ.).

Statistika registracii tovarny`x znakov, patentov i promy`shlenny`x obrazczov v Gonkonge [Intellectual Property Department of Hong Kong]. Trademark, Patent and Design Registration Statistics in Hong Kong, 2026. URL: https://www.ipd.gov.hk/filemanager/ipd/en/content_156/A1_D28_Stat_ENG.pdf (accessed: 21.05.2026).

National Bureau of Statistics of China. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on National Economic and Social Development in 2025. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202602/t20260228_1962661.html(accessed: 26.04.2026).

Roda Mushkat. One Country, Two International Legal Personalities. Hong Kong, Hong Kong University Press, 1997. 220 p.

Ye Jianying. Nine Points on the Return of Taiwan to the Motherland and Peaceful Reunification. Statement Read to Xinhua Agency, Beijing, September 30, 1981. URL: http://www.china.org.cn/english/7945.htm (accessed: 25.04.2026). (In Chinese).

Huang Qingxian. Research on the Content and Implementation Paths of the Taiwan Version of the: One Country, Two Systems" Model. Taiwan Studies, 2022, no. 4, p. 15—27. (In Chinese).

王英津 [Wang Yingjin]. 探索和建构"一国两制"适应于台湾的制度体系 [Exploring and Constructing an Institutional System of "One Country, Two Systems" Adapted to Taiwan]. 统一论坛 [Unification Forum]. Chinese Association for Peaceful Unification, 2023, no. 5. URL: http://www.zhongguotongcuhui.org.cn/tylt/202305/202311/t20231106_12579544.html (accessed: 27.04.2026). (In Chinese).

试论和平统 [Wu Libin]. 后台湾地区高度自治权的性质：基于香港的实践经验 [On the Nature of a High Degree of Autonomy in the Taiwan Region after Peaceful Reunification: Based on the Practical Experience of Hong Kong]. 台湾研究 Taiwan Studies], 2022, no. 1, p. 1—15. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 28. 05.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: May 28, 2026
Accepted: Aug 31, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.12.006

А.В. Хайндрава, С.Д. Булатникова

Развитие торгово-экономических отношений России и Индии: анализ динамики и структуры внешней торговли в 2020—2025 гг.

Аннотация. В статье анализируется динамика и структура торгово-экономических отношений между Россией и Индией в 2020—2025 гг. Актуальность исследования обусловлена переориентацией российских внешнеторговых потоков на азиатские рынки в условиях санкционного давления западных стран. Цель работы — выявить основные факторы роста двустороннего товарооборота, а также системные проблемы и перспективы сотрудничества до 2030 г. Методологическую основу составил анализ статистических данных Федеральной таможенной службы России, Росстата, министерства торговли и промышленности Индии, а также обзор аналитических докладов и публикаций в открытых источниках. Применялись методы сравнительного анализа, структурных и динамических рядов. Результаты показывают, что товарооборот за указанный период вырос с 8,5 млрд долл. в 2020 г. до рекордных 70 млрд долл. в 2024 г. Основу российского экспорта в Индию составляют нефть и нефтепродукты (более 65 % от общего объема), удобрения, алмазы, металлы и продукция АПК. Индия поставляет в Россию фармацевтическую продукцию, химические товары, машины, оборудование, электронику, а также чай, кофе и специи. Ключевыми факторами роста стали переориентация энергопотоков после 2022 г., развитие транспортного коридора «Север—Юг» и расчеты в национальных валютах (рубль/рупия). Среди проблем — устойчивый дисбаланс торговли с превышением российского экспорта над импортом почти в 12 раз, логистические ограничения, накопление рупий на счетах российских экспортеров и санкционное давление на финансовую инфраструктуру. Перспективы до 2030 г. связаны с реализацией планов по наращиванию товарооборота до 100 млрд долл., переходом к более диверсифицированной структуре взаимной торговли и углублением промышленной кооперации в автомобилестроении, фармацевтике и высоких технологиях. Сделан вывод, что на основе проведенного анализа для устойчивого развития партнерства необходимы активные меры по выравниванию торгового баланса и расширению номенклатуры индийского экспорта в Россию.

Ключевые слова: Россия, Индия, международная торговля, товарооборот, экспорт, импорт, экономическое сотрудничество, 2020—2025.

Авторы: *Хайндрава Анна Викторовна, студент*, Институт мировой экономики и бизнеса ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». ORCID: 0009-0000-9288-8243. E-mail: 1132239107@rudn.ru

Булатникова София Дмитриевна, студент, Институт мировой экономики и бизнеса ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». ORCID: 0009-0009-9260-7320. E-mail: 1132239104@rudn.ru

Для цитирования: Хайндрава А.В., Булатникова С.Д. Развитие торгово-экономических отношений России и Индии: анализ динамики и структуры внешней торговли в 2020—2025 гг. // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 40—48. DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.12.006.

A. V.Heindrava, S. D. Bulatnikova

Development of Trade and Economic Relations between Russia and India: Analysis of Dynamics and Structure of Foreign Trade in 2020—2025

Abstract. The article analyzes the dynamics and structure of trade and economic relations between Russia and India in 2020—2025. The relevance of the study is due to the reorientation of Russian foreign trade flows to Asian markets in the context of sanctions pressure from Western countries. The aim of the work is to identify the main factors of the growth of bilateral trade, as well as systemic problems and prospects for cooperation until 2030. The methodological basis was the analysis of statistical data from the Federal Customs Service of Russia, Rosstat, the Ministry of Trade and Industry of India, as well as a review of analytical reports and publications in open sources. Methods of comparative analysis, structural and dynamic series were used. The results show that the trade turnover during the specified period increased from $8.5 billion in 2020 to a record $70 billion in 2024. Russian exports to India are based on oil and petroleum products (more than 65 % of the total volume), fertilizers, diamonds, metals and agricultural products. India supplies pharmaceutical products, chemical goods, machinery, equipment, electronics, as well as tea, coffee and spices to Russia. The key growth factors were the reorientation of energy flows after 2022, the development of the North—South transport corridor and settlements in national currencies (ruble/rupee). Among the problems are a persistent trade imbalance with Russian exports exceeding imports by almost 12 times, logistical constraints, the accumulation of rupees in the accounts of Russian exporters, and sanctions pressure on financial infrastructure. Prospects until 2030 They are related to the implementation of plans to increase trade turnover to $ 100 billion, the transition to a more diversified structure of mutual trade and the deepening of industrial cooperation in the automotive industry, pharmaceuticals and high technologies. It is concluded that based on the analysis, for the sustainable development of the partnership, active measures are needed to equalize the trade balance and expand the range of Indian exports to Russia.

Keywords: Russia, India, international trade, trade turnover, export, import, economic cooperation, 2020—2025.

Authors: *Heindrava Anna V., Student*, Institute of World Economy and Business, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.
ORCID: 0009-0000-9288-8243. E-mail: 1132239107@rudn.ru

Bulatnikova Sofia D., *Student*, Institute of World Economy and Business, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0009-0009-9260-7320. E-mail: 1132239104@rudn.ru

For citation: Heindrava A. V., Bulatnikova S. D. Development of Trade and Economic Relations between Russia and India: Analysis of Dynamics and Structure of Foreign Trade in 2020—2025. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, p. 40—48. (In Russ.).
DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.12.006.

Введение

В период с 2020 по 2025 г. торгово-экономические отношения между Россией и Индией претерпели значительные изменения, отличавшиеся высокой динамичностью и нередко характеризовавшиеся резкими колебаниями. Вначале эти

связи испытывали давление на фоне восстановления мировой торговли после пандемического кризиса, затем на них наложилось усложнение ситуации в связи с введением санкций, направленных против российской экономики. Одновременно происходила перестройка структуры энергетического экспорта России, а азиатские рынки, в частности Индия, приобретали все большую значимость для формирующегося внешнеэкономического курса страны. Для России Индия стала одним из ключевых направлений внешнеполитического и торгового разворота, в то время как для индийской стороны взаимодействие с Россией послужило инструментом повышения энергетической безопасности и возможностью приобретать сырьевые ресурсы на относительно выгодных условиях. Вместе с тем следует отметить, что на фоне общего роста объемов взаимной торговли сложился определенный дисбаланс, поскольку экспорт России в Индию существенно превысил импорт, приобретаемый из этой страны.

Данное исследование направлено на всесторонний анализ изменений и текущих особенностей внешнеторговых отношений России и Индии в период с 2020 по 2025 г. Особое внимание уделяется выявлению основных факторов, способствующих расширению торговых связей, а также барьеров, которые ограничивают развитие двустороннего товарооборота. Кроме того, в рамках работы предполагается построение возможных сценариев эволюции экономического сотрудничества между двумя странами с прогнозом до 2030 г. Практическая значимость данной темы обусловлена тем, что взаимодействие России и Индии приобретает более комплексный характер, выходящий за рамки традиционного политического партнерства и сделок отдельных крупных контрактов, что требует нового подхода к оценке перспектив и механизмов развития совместной внешней торговли. Сейчас это более плотная система: энергетика, логистика, расчеты в рублях и рупиях, промышленная кооперация, выход компаний на новые рынки [Ministry of External Affairs, Government of India. Brief on India—Russia Relations; Embassy of India in Moscow]. Значимость анализа именно периода 2020—2025 гг. определяется тем, что в эти годы произошла фундаментальная перестройка конфигурации российской внешней торговли. Если в 2020 г. доля стран Азии в товарообороте РФ составляла около 45 %, то к 2025 г. она превысила 70 %. Индия в этом процессе заняла особенное место, так как стала не только крупным покупателем энергоносителей, но и потенциальным технологическим партнером. В отличие от Китая, отношения с которым уже очень давно имеют сложившуюся структуру, российско-индийское торгово-экономическое взаимодействие находится в стадии активного формирования новой модели, что требует детального изучения его динамики и структурных характеристик.

Обзор литературы и методы

В работе использованы сравнительный, структурный и динамический анализ. Информационная база — официальная статистика Министерства торговли и промышленности Индии, материалы Министерства иностранных дел Индии, данные WITS/UN Comtrade и аналитические публикации о российско-индий-

ской торговле [Department of Commerce, Government of India; World Bank]. Отдельно учитывался формат индийской статистики: значительная часть данных публикуется не по календарным, а по финансовым годам. Без этой поправки сравнение быстро становится неточным.

В источниках чаще всего выделяются две черты нынешнего этапа сотрудничества. Первая — резкий рост индийских закупок российских энергоносителей после 2022 г. Вторая — слабая сбалансированность торговли. Товарооборот вырос, но его структура пока держится главным образом на сырье. На ближайшие годы ключевая задача выглядит вполне конкретно: расширить индийский экспорт в Россию. Речь прежде всего о фармацевтике, машиностроительной продукции, электронике, продовольствии и потребительских товарах. Кроме того, в академической литературе последних лет акцентируется внимание на проблеме неконвертируемости рупий. Как отмечает Поливач [Polivach, 2024], накопление средств на счетах российских экспортеров в индийских банках создает риски для дальнейшего наращивания поставок, поскольку эти средства сложно репатриировать или инвестировать в индийскую экономику без дополнительных административных барьеров. Фомин [Fomin, 2025] дополняет эту картину детальным анализом вторичных санкционных рисков для индийских кредитных организаций, что также влияет на скорость и стоимость трансграничных переводов. В настоящей работе эти аспекты учитываются при обсуждении перспектив

Результаты

Анализ изменения объемов взаимной торговли между двумя странами свидетельствует о значительном переломном моменте в 2022—2023 гг. В этот период Индия значительно увеличила объемы импорта российских энергоносителей. В начальные годы рассматриваемого временного промежутка показатели двусторонней торговли оставались сравнительно скромными и умеренными. Однако уже к финансовому году 2024/25 наблюдается выход на новый исторический максимум, что указывает на существенное расширение торговых связей. При этом вклад энергетического сектора в данное увеличение оказался ведущим и наиболее заметным, хотя нельзя утверждать, что он полностью исчерпывает причины роста. Энергетика выступила в роли ключевого фактора, способствующего активизации и углублению торговых отношений между странами, что отражает изменение экономических приоритетов и стратегических интересов в указанный период.

По данным таблицы, за 2020/21—2024/25 гг. товарооборот увеличился более чем в восемь раз. Однако прибавка распределилась неравномерно. Почти весь скачок обеспечил импорт Индии из России. В 2024/25 гг. он составил около 63,8 млрд долл., тогда как индийский экспорт в Россию — около 4,9 млрд долл. Разрыв получился очень большим: торговый дефицит Индии в отношениях с Россией приблизился к 59 млрд долл. Это и есть главная асимметрия нынешней модели. Чтобы понять масштаб дисбаланса, стоило бы сравнить показатели 2020/21 и 2024/25 финансовых годов. Экспорт Индии в Россию за пять лет уве-

Таблица 1. **Динамика товарооборота России и Индии, млрд долл. США**

Период	Экспорт Индии в Россию	Импорт Индии из России	Общий товарооборот
2020/21	2,66	5,49	8,14
2021/22	3,26	9,86	13,2
2022/23	Около 4,2	Около 44,8	Около 49,0
2023/24	4,26	61,44	65,70
2024/25	4,90	63,80	68,70

Источник: составлено авторами по данным Министерства торговли и промышленности Индии, MEA India и WITS/UN Comtrade [World Bank].

личился с 2,66 млрд до 4,90 млрд долл., то есть менее чем вдвое. В то же время импорт Индии из России вырос более чем в 11 раз — с 5,49 млрд до 63,80 млрд долл. Из этого ясно, что российский экспорт растет гораздо быстрее индийского. Если такое положение дел сохранится и дальше, на следующие пять лет, то для Индии этот дефицит станет совсем уж катастрофическим. Поэтому индийская сторона уже сейчас активно ведет переговоры, чтобы снять все нетарифные барьеры для своих товаров.

Российский экспорт в Индию остается преимущественно сырьевым. В его основе — нефть и нефтепродукты; заметную роль играют удобрения, уголь, металлы, алмазы и отдельные позиции агропромышленного комплекса. Индийский экспорт в Россию выглядит разнообразнее по набору товаров, но сильно уступает по объему. В него входят фармацевтическая продукция, органические химикаты, машины и оборудование, электроника, чай, кофе, специи, морепродукты, текстиль. Потенциал для расширения есть, но сам по себе он не реализуется: мешают логистика, сертификация, платежи и ограниченный доступ к устойчивым каналам сбыта [Gulati, 2025].

Обсуждение

Основным фактором, обусловившим рост в энергетическом секторе после 2022 г., стало перераспределение потоков ресурсов. Индия, являющаяся одним из крупнейших мировых импортеров нефти, осуществила значительное увеличение закупок российского сырья, что способствовало более разнообразному формированию портфеля поставок и снижению зависимости от традиционных источников [Ministry of External Affairs; Ministry of External Affairs]. Для России же это открытие существенного нового рынка сбыта стало особенно важным, учитывая возросшие ограничения на поставки в западные регионы, что негативно сказалось на ранее сложившихся экспортных путях. Кроме того, необходимо отметить роль продуктов, таких как удобрения и уголь, которые занимают ключевое место в структуре индийской промышленной деятельности и аграрного сектора. Их приобретение напрямую связано с конкретными потребностями экономики Индии, что усилило взаимовыгодное взаимодействие между странами и

добавило дополнительную динамику развитию торговых отношений в условиях изменившихся международных реалий.

Не менее важна логистика. Наибольшие ожидания связаны с международным транспортным коридором «Север—Юг», который должен сократить путь между Россией и Индией через Иран и Каспийский регион. Обсуждаются и маршруты через Дальний Восток, включая морскую линию Владивосток—Ченнаи. Если эти направления заработают устойчиво, торговля станет дешевле и менее зависимой от привычных маршрутов [Embassy of India in Moscow]. Однако практическое осуществление логистических проектов сопряжено с рядом сложностей. В частности, необходима гармонизация таможенных регламентов по всему маршруту транспортировки грузов — от балтийских и черноморских портов до портовых терминалов в западной Индии. Кроме того, наблюдаются инфраструктурные ограничения: текущая пропускная способность железнодорожных сетей в Иране и Прикаспийском регионе является недостаточной для существенного увеличения объемов контейнерных перевозок. Также следует отметить, что страховые организации, в особенности европейские, проявляют осторожность в страховании грузов, перемещающихся через территории, подверженные международным санкциям. Несмотря на это, согласно официальным заявлениям [Ministry of External Affairs], предпринимаются активные меры по преодолению данных препятствий, и результаты первых тестовых перевозок уже продемонстрировали сокращение сроков доставки с 40—60 до 25—30 дней.

Ограничения при этом никуда не исчезли. Высокая доля сырья в российском экспорте делает товарооборот зависимым от мировых цен на нефть и нефтепродукты. Торговый дисбаланс создает проблему расчетов: у российских экспортеров накапливаются рупии, которые не всегда удобно направить на закупку индийских товаров или инвестиции [Polivach, 2024]. Санкционные риски дополнительно усложняют банковские операции, страхование грузов и работу с международными платежными системами [Fomin, 2025].

Помимо ограничений банковского характера, препятствия возникают и из-за различий в стандартах сертификации промышленной продукции. Индийские фармацевтические предприятия, заинтересованные в расширении ассортимента лекарственных средств для поставок в Россию, сталкиваются с необходимостью прохождения длительных и затратных процедур регистрации в Росздравнадзоре. Сравнимая ситуация наблюдается в сегменте продовольственных товаров: несмотря на высокую репутацию индийских специй, риса и морепродуктов, проблемы с логистическими цепочками и фитосанитарным контролем остаются существенными ограничениями [Gulati, 2025].

До 2030 г. основная развилка будет не в том, сможет ли товарооборот расти дальше. Скорее вопрос в качестве этого роста. Цель в 100 млрд долл. [Ministry of External Affairs] выглядит достижимой только при расширении товарной номенклатуры, развитии расчетов в национальных валютах и более активной промышленной кооперации. Наиболее перспективными направлениями остаются фармацевтика, автомобилестроение, производство компонентов, электроника, агропродовольственная продукция, информационные технологии, а также инфраструктурные проекты [Gulati,2025].

Рекомендации

Рекомендации по уравновешиванию торговых отношений основаны на проведенном анализе и включают ряд предложений. Со стороны России представляется целесообразным упростить процедуры сертификации лекарственных средств и продуктов питания, импортируемых из Индии, а также организовать пилотный кластер для индийских производителей электроники и текстиля на территории одной из специальных экономических зон, например, в Калининградской области или Приморье. Кроме того, следует рассмотреть возможность разрешения использования индийских рупий для инвестиций в совместные проекты на российской территории. В свою очередь, Индии рекомендуется содействовать открытию представительств российских банков в ключевых городах, таких как Нью-Дели и Мумбаи, для ускорения процессов расчета, а также уменьшить административные барьеры при ввозе российских комплектующих и удобрений. Дополнительно представляется полезным создание постоянной рабочей группы, ответственной за мониторинг торгового дисбаланса и разработку программ импортозамещения индийских товаров. Реализация этих мер может способствовать значительному увеличению доли несырьевого российского импорта из Индии к 2027—2028 гг.

Заключение

Анализ показывает, что в 2020—2025 гг. российско-индийские торгово-экономические отношения перешли в новую фазу. Товарооборот вырос с относительно низких значений до рекордного уровня, а Индия стала одним из важнейших направлений российской внешней торговли. Рост обеспечили, прежде всего, поставки нефти, нефтепродуктов, удобрений и других сырьевых товаров.

Но нынешняя модель не выглядит полностью устойчивой. Ее слабые места — сильный дисбаланс, сырьевая концентрация российского экспорта, логистические ограничения и сложности финансовых расчетов. Для обеспечения долгосрочной устойчивости и развития стратегического партнерства до 2030 г. представляется необходимым предпринять ряд системных мер, направленных на преодоление выявленных барьеров. Во-первых, приоритетным направлением является стимулирование и расширение индийского экспорта в Россию, что позволит сократить торговый дисбаланс и обогатить товарную номенклатуру, создавая более сбалансированную экономическую базу и способствуя развитию многосторонних связей. Во-вторых, критически важным является ускоренное развитие и полноценное задействование международного транспортного коридора «Север—Юг», который способен существенно оптимизировать логистические потоки, сократить сроки и стоимость доставки товаров, тем самым увеличивая конкурентоспособность двусторонней торговли. В-третьих, необходимо последовательно укреплять систему расчетов в национальных валютах — рубле и рупии — что требует не только технического совершенствования платежных систем, но и формирования правовой и инфраструктурной основы для их широкого применения в коммерческих операциях, снижая зависимость от третьих валют и

повышая финансовую устойчивость отношений. Наконец, стратегическим императивом является переход от преимущественно сырьевой торговли к углубленной промышленной и технологической кооперации, включающей совместные инвестиционные проекты, передачу технологий, создание совместных производств в таких секторах, как фармацевтика, машиностроение, высокие технологии и оборонная промышленность, что позволит создать устойчивые цепочки добавленной стоимости. В числе приоритетных направлений, обладающих значительным потенциалом для дальнейшего расширения взаимных поставок, можно выделить фармацевтические субстанции, которые поставляются из Индии на российский рынок, а также специализированное высокотехнологичное оборудование, используемое для переработки сельскохозяйственной продукции, которое экспортируется из России в Индию. Эти области представляют собой важные векторы сотрудничества, учитывая текущие экономические реалии и технологические запросы сторон. Кроме того, наблюдается растущий интерес с обеих сторон к совместным проектам в сфере разработки цифровых платформ, ориентированных на взаимодействие между предприятиями в сегменте B2B. Такая инициатива может оказать существенное влияние на снижение транзакционных издержек, а также повысить уровень прозрачности и эффективности деловых процессов, что в конечном счете способствует более прочному и сотрудничеству между российскими и индийскими хозяйствующими субъектами. В этом контексте необходимо более подробно рассмотреть механизмы интеграции цифровых решений, направленных на оптимизацию логистики, финансовых расчетов и управления цепочками поставок, которые способны вывести двусторонние торгово-экономические отношения на новый уровень. Кроме того, стоит учесть вызовы, связанные с гармонизацией технических стандартов и нормативных требований, что требует согласованных усилий обеих сторон для обеспечения долгосрочной и устойчивой кооперации. Будущее российско-индийских отношений будет определяться не только количественными показателями товарооборота, но, в значительно большей степени, их способностью трансформироваться в качественно иную форму взаимодействия — более сбалансированную, технологически продвинутую и основанную на принципах взаимной выгоды и долгосрочной стратегической целесообразности, предполагающей формирование глубоко интегрированных экономических связей [Ministry of External Affairs; Ministry of External Affairs; Gulati, 2025].

Библиографический список/References

Department of Commerce, Government of India. Trade Intelligence and Analytics Portal. 2026.

Embassy of India in Moscow. Fact Sheet: Russia. 2025.

Fomin M. Banks of India: the threat of secondary sanctions // World Economy and International Relations. 2025.

Gulati A., Wardhan H., Rao S., Das R. Rebalancing India—Russia Trade. ICRIER Policy Brief. 2025.

Ministry of External Affairs, Government of India. Brief on India—Russia Relations. 2025.

Ministry of External Affairs, Government of India. Joint Statement following the 22nd India—Russia Annual Summit. 2024.

Polivach A. Rupee vs World Reserve Currencies in Russo-Indian Trade // World Economy and International Relations. 2024.

World Bank. WITS / UN Comtrade: India—Russia product-level trade data. 2024.

Поступила в редакцию: 13.05.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: May 13, 2026
Accepted: Aug 31, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.94.007

Г.А. Лепесин, У.А. Кукина

Транскаспийский международный транспортный маршрут как стратегический путь поставок урана: перспективы экспорта казахстанского урана во Францию

Аннотация. В статье рассматривается возможность увеличения поставок урана из Республики Казахстан во Французскую Республику через Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ). Исследование охватывает ключевые аспекты атомной отрасли Казахстана, представляет логистические характеристики ТМТМ, а также включает в себя текущее состояние атомной энергетики Франции. Особое внимание уделяется проблемам и рискам, которые возникают при транспортировке урана, геополитическим факторам, способствующим сближению Франции со странами региона Средней Азии. Результаты исследования показывают высокий потенциал ТМТМ в обеспечении стабильных поставок урана в условиях изменяющегося глобального рынка ядерного топлива.

Ключевые слова: уран, экспорт урана, транспортировка урана, энергетическая безопасность, атомная энергетика, Транскаспийский международный транспортный маршрут, Средний коридор.

Авторы: *Лепесин Глеб Артемович*, *аспирант*, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). ORCID: 0009-0000-1589-2257. E-mail: gle5bba@gmail.com

Кукина Ульяна Андреевна, младший научный сотрудник Сектора монгольских исследований, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. ORCID: 0000-0003-3226-4142. E-mail: uliana.ocean7@gmail.com

Для цитирования: Лепесин Г.А., Кукина У.А. Транскаспийский международный транспортный маршрут как стратегический путь поставок урана: перспективы экспорта казахстанского урана во Францию // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 49—59. DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.94.007.

G.A. Lepesin, U.A. Kukina

Trans-Caspian International Transport Route as a strategic uranium supply route: prospects for Kazakh uranium exports to France

Abstract. This paper is devoted to the possibility of increasing uranium supplies from the Republic of Kazakhstan to the French Republic via the Trans-Caspian International Transport Route (TITR). The study covers key aspects of Kazakhstan's nuclear industry, presents the logistical features of the TITR, and includes the current status of the French nuclear power industry. Special attention is paid to the problems and risks that stem from uranium transportation, geopolitical factors that enhance France's rapprochement with the countries of the Central Asian region. The results of the study

show the high potential of TITR in maintaining a stable uranium supply in a dynamic global nuclear fuel market.

Keywords: uranium, uranium export, uranium transportation, energy security, nuclear energy, the Trans-Caspian International Transport Route, TITR, the Middle Corridor.

Authors: *Lepesin Gleb A.*, *Postgraduate Student*, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
ORCID: 0009-0000-1589-2257. E-mail: gle5bba@gmail.com
Kukina Uliana A., *Junior Research Fellow*, Sector of Mongolian Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0003-3226-4142. E-mail: uliana.ocean7@gmail.com

For citation: Lepesin G.A., Kukina U.A. Trans-Caspian International Transport Route as a strategic uranium supply route: prospects for Kazakh uranium exports to France. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, p. 49—59. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.94.007.

Введение

Атомная отрасль после 2011 г. переживает период своего расцвета, вызванного проблемой изменения климата и стремлением государств обеспечить себе энергетический суверенитет. В декабре 2023 г. на конференции COP28 в ОАЭ не менее 20 стран зафиксировали в совместной декларации решение о трехкратном увеличении генерирующих мощностей атомных электростанций (далее — АЭС). Решение является частью усилий по достижению нулевых показателей выбросов парниковых газов. На 2024 г. в не менее чем 30 странах действуют 442 ядерных энергетических реактора; вырабатываемая ими электроэнергия составляет от 10 % в мировом энергетическом балансе; количество реакторов и АЭС продолжит расти в ближайшие 10—15 лет [Huerta-Rosas, 2026]. Вовлеченность в проектирование и строительство новых АЭС демонстрирует Франция, где не менее 56 ядерных реакторов производят более 2/3 электричества в республике[1]. Президент Французской Республики Э. Макрон делает ставку на энергию мирного атома в контексте глобального стремления к климатической нейтральности, готовит Францию к появлению новых водо-водяных EPR (European Pressurized Water Reactor) поколения 3+ в 2035—2045 гг. По состоянию на начало 2026 г. во Франции официально работает один водо-водяной реактор, 3-й энергоблок АЭС «Фламанвиль», подключенный к сети в конце 2025 г. Французские цепочки поставок урана переживают беспрецедентный кризис, который возник на почве ухудшения отношений с Республикой Нигер в 2023 г., которая покрывала 15—20 % нужд Франции в уране (для Европейского союза (далее — ЕС) — 20 %)[2]. Наряду с потерей своего влияния в Африке Париж намерен отдалиться от Российской Федерации, которая занимает первые позиции по экспорту товаров и услуг

[1] Ядерный ренессанс Франции. Новый атомный эксперт. URL: https://atomicexpertnew.ru/frances_nuclear_renaissance (дата обращения: 01.06.2026).

[2] Niger coup sparks concerns about French, EU uranium dependency. POLITICO. URL: https://www.politico.eu/article/niger-coup-spark-concerns-france-uranium-dependency/ (дата обращения: 01.06.2026).

атомной отрасли, в контексте диаметрально противоположных взглядов на причины и пути разрешения украинского кризиса. Возможным решением «уранового уравнения» для Франции могут стать страны Средней Азии, где главным партнером Парижа по урану можно назвать Республику Казахстан [Guembou Shouop, 2026]. В связи с этим актуальным становится рассмотрение возможности использования Францией Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ) для выхода из уранового кризиса.

Атомная отрасль Республики Казахстан: достижения и вызовы

С момента зарождения советской атомной программы уран представляет стратегическую значимость для Казахстана; на 2023 г. количество разведанных запасов составляло 990 тыс. т, что выводит республику на второе место по этому показателю. Отправной точкой в поиске урансодержащих пород принято считать 1948 г. [Kieval, 2025]. После обретения независимости Казахстан предотвратил утечку кадров и выработанную экспертизу по добыче урана, и с начала 2000-х гг. атомная отрасль стала одной из главных статей прибыли республики. Сегодня атомная отрасль Казахстана включает в себя:

- доказанные запасы урана;
- уранодобывающую и ураноперерабатывающую промышленность;
- разноплановую атомную науку, к которой относят исследования в ядерной медицине (производство медицинских радиофармпрепаратов), и опыт работы с термоядерными и ускорительными технологиями;
- высококвалифицированную базу профильных специалистов[1].

Главной компанией отрасли является АО «Национальная атомная компания «Казатомпром», через которую правительство осуществляет контроль разведки и добычи урана на территории государства[2]. С 2009 г. Казахстан занимает первое место в мире по объемам добытого урана. В 2023 г. АО «НАК «Казатомпром» извлекло 39 % от мирового объема добытого урана, что эквивалентно 21,1 тыс. т.

По данным на 2021 г. в разработке у зарубежных компаний находилось 21 из 26 урановых месторождений; важными условиями для иностранных стейкхолдеров являются обязательная кооперация с АО «НАК «Казатомпром», а также инвестирование в отрасль и трансфер технологий[3]. Казахстан стабильно экспортирует на внешние рынки природный уран, одновременно упуская выгоды добавленной стоимости от его обогащения. По итогам референдума 2024 г. принято решение о строительстве первой атомной станции (проект «Балхаш») в районе пос. Улькен Алматинской области. Генеральным подрядчиком выступает рос-

[1] Country Nuclear Power Profiles: Kazakhstan (Updated 2021). IAEA. URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/cnpp2022/countryprofiles/Kazakhstan/kazakhstan.htm (дата обращения: 01.06.2026).

[2] Uranium and Nuclear Power in Kazakhstan. World Nuclear Association. URL: https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/kazakhstan (дата обращения: 01.06.2026).

[3] Какие иностранные компании добывают уран в Казахстане. Kursiv Media. URL: https://kz.kursiv.media/2021-02-12/kakie-inostrannye-kompanii-dobyvayut-uran-v-kazakhstane/ (дата обращения: 01.06.2026).

сийская ГК «Росатом», строительство планируется завершить к 2035—2036 гг., Казахстан станет ее единоличным собственником.

АО «НАК «Казатомпром» входит в число компаний дореакторного полного цикла, и ключевым в этом аспекте является АО «Ульбинский металлургический завод», который специализируется на выпуске высокотехнологичных изделий из урана, бериллия, тантала, востребованных в атомной, аэрокосмической, металлургической отраслях.

Дополнительно АО «Ульбинский металлургический завод» принимает на переработку трудно раскрываемые урансодержащие материалы — золу, лом; в число его клиентов в разное время входили АО «ТВЭЛ», Cogema (сейчас состоит в Orano S.A.), Sogin S.p.A., Westinghouse Electric Company[27].

Одним из катализаторов технологической трансформации АО «НАК «Казатомпром» является компания Cameco Corporation, которая поделилась опытом организации работы с урановым концентратом, выработанным на предприятии Blind River. Также наработки Cameco Corporation по конверсии будут применены при строительстве профильного объекта после 2026 г.[28]

Основная добыча казахстанского урана происходит в западной Мангистауской области и в южных Кызылординской и Туркестанской областях; применяется метод подземного скважинного выщелачивания (ПСВ), утвержденный МАГАТЭ наиболее безопасным для окружающей среды, и на данный момент 70 % мировой добычи урана осуществляется через ПСВ. Весь добываемый АО «НАК «Казатомпром» уран получен в ходе подземного скважинного выщелачивания (далее — ПСВ). В будущем компании предстоит перейти с использования серной кислоты в качестве выщелачивателя на смесь бикарбоната натрия и кислорода, которая более экологична. По итогам 2025 г. по объему продаж «НАК «Казатомпром» реализовал 18 495 т. урана (консолидированный объем), что на 11 % превышает показатели 2024 г. Объем экспорта делится поровну между странами АТР и Западом. Доля казахстанского урана в общем импорте Европейского союза составила 21 %. Продукция АО «НАК «Казатомпром» следует по железной дороге из Казахстана в Санкт-Петербург, откуда морским транспортом доставляется международным заказчикам.

В 2022 г. АО «НАК «Казатомпром» столкнулся с рисками для своего основного канала экспорта. Новые юридические барьеры ощутимо повысили для компании издержки экспорта[1]. В то же время западная доля объема экспорта может быть компенсирована растущим спросом к урану со стороны географически более близких партнеров — России, Китая и стран Глобального Юга, среди которых уже проявили инициативу ОАЭ, подписав с компанией соглашение. В связи с сохраняющимся риском усиления санкционного давления на Российскую Федерацию и последующим потенциальным закрытием традиционного для АО «НАК «Казатомпром» канала экспорта компания рассматривает альтернативный путь — Транскаспийский международный транспортный маршрут.

[1] Казахстан может отказаться от экспорта урана в западные страны из-за санкций в отношении РФ. Neftegaz.RU. URL: https://neftegaz.ru/news/nuclear/854616-kazakhstan-mozhet-otkazatsya-ot-eksporta-urana-v-zapadnye-strany-iz-za-sanktsiy-v-otnoshenii-rf/ (дата обращения: 01.06.2026).

Транспортировки урана по ТМТМ: вызовы и перспективы

Транскаспийский международный транспортный маршрут, или Средний коридор, — это мультимодальное логистическое сообщение Китая и стран Европы[1]. ТМТМ представляет собой международный проект, в работе которого задействованы Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Грузия и Турецкая Республика [Kenderdine, 2021]. Отправными точками маршрута можно считать казахстанские транспортные хабы Достык и Алтынколь[2]. Из этих точек грузы следуют по железной дороге до каспийских портов Актау и Курык, откуда на морском транспорте экспортируемая номенклатура доставляется в порт Баку. Следом идет очередная перевалка грузов, и маршрут их дальнейшего следования проходит по железной дороге Баку—Тбилиси—Карс (БТК), из чего складывается развилка: грузы могут быть отправлены из грузинских портов Батуми и Поти по акватории Черного моря в Румынию, Республику Болгария или далее по БТК до Стамбула[3]. Мультимодальность ТМТМ заключается в замене нескольких видов транспорта при транспортировке номенклатуры. Он был введен в эксплуатацию в 2017 г. и является полезной платформой для стран Средней Азии и Южного Кавказа с точки зрения формирования новых каналов коммуникации с другими экономическими партнерами и выхода на отдаленные зарубежные рынки; схожей выгоды от ТМТМ ищут и в ЕС. Для Китая этот маршрут представляет решение в вопросе развития западных и центральных провинций за счет транзита поставок[31]. Заинтересованные в Среднем коридоре стороны желают установить многосторонние отношения взаимовыгодного характера. Для ЕС и Китая это возможность распространить свое геополитическое влияние на Среднюю Азию и Южный Кавказ. На фоне охлаждения отношений России и стран Запада Европа и Китай встраивают ТМТМ в сложившуюся парадигму двустороннего товарооборота. Главной причиной роста популярности Среднего коридора эксперты называют его географическое расположение, удаленность от санкционных ограничений. Для Казахстана ТМТМ имеет стратегическую значимость в достижении цели по становлению региональным логистическим хабом[4].

За период 2017—2021 гг. 53,8 % перевезенных по ТМТМ грузов относились к экспортируемой Казахстаном продукции, среди которой:

- ферросплавы;
- нефтехимические позиции;

[1] Eurasian Rail Alliance Index. Анализ и перспективы Транскаспийского международного транспортного маршрута, 2023. С. 1—15.

[2] Транскаспийский коридор: значение, проблемы и перспективы. IA-CENTR. URL: https://ia-centr.ru/experts/ia-centr-ru/transkaspiyskiy-koridor-znachenie-problemy-i-perspektivy/ (дата обращения: 01.06.2026).

[3] TITR unveiling economic impact of a 14-fold increase in container shipments. Azernews.az. URL: https://www.azernews.az/analysis/229904.html (дата обращения: 01.06.2026).

[4] World Bank Presents Key Findings of Latest Study on Middle Corridor in Tbilisi. The Astana Times. URL: https://astanatimes.com/2024/03/world-bank-presents-key-findings-of-latest-study-on-middle-corridor-in-tbilisi/ (дата обращения: 01.06.2026).

- уголь;
- угольный кокс;
- агропромышленные товары;
- металлические изделия.

Однако Средний коридор будет приносить дивиденды республике при условии сохранения интереса Китая и ЕС к маршруту и при государственном финансировании, которое будет эффективным, если будет направлено на модернизацию инфраструктуры Среднего коридора и цифровизацию маршрута [Rentschler, 2025]. Возможным развитием ТМТМ в течение следующих лет станет расширение номенклатуры перевозимых по маршруту грузов товарами из Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана [Palu, 2023].

Впервые АО «НАК «Казатомпром» обратилось к возможностям Среднего коридора летом 2018 г., когда была проведена первая доставка урана по новому маршруту. Заказчиком 308 т сырья были США. Использование инфраструктуры ТМТМ было обусловлено проведением Чемпионата мира по футболу в России: экспорт ядерных материалов из порта Санкт-Петербурга на период международного события был ограничен. Начиная с сентября 2022 г., после предъявления требований по разработке логистической альтернативы со стороны руководства Cameco Corporation АО «НАК «Казатомпром» вернулся к Транскаспийскому маршруту, и доставка ядерного материала заняла не менее 3 месяцев. В течение следующего года компания переориентировала 64 % экспорта в страны Запада на мощности Среднего коридора. Заказчиками продукции стали компании из США, Канады и Румынии. Известно, что за 2023 г. по акватории Каспийского моря прошли 228 контейнеров сырья[1]. Компания использует 20-футовые контейнеры для перевозки урана на железнодорожном и морском видах транспорта. Упаковка радиоактивных материалов соответствует стандартам МАГАТЭ. Подготовка контейнеров происходит на станциях Жанатас и Оскемен. Подряд на доставку выполняют АО «KTZ Express» и дочерняя компания АО «КазМунайГаз» — АО «Казмортрансфлот». В парке АО «Казмортрансфлот» находятся 3 морских судна, сертифицированных для транспортировки ядерных материалов по Каспийскому морю. Цикл отправки морских контейнеровозов с ураном — 2—3 месяца — обусловлен мерами безопасности обращения с ядерными материалами и защитой других грузов: каждое из трех судов ждет полной загрузки сырьем в Актау, из чего складывается продолжительный цикл.

Контейнеры с ураном после пересечения Каспийского моря и территорий Азербайджана и Грузии достигают порта Поти, откуда через пролив Босфор следуют в США, Канаду и другие страны Запада[2]. Сценарий модернизации мощностей грузинских портов, в частности Поти, прорабатывается, и с этой целью была создана компания Caspian Integrated Maritime Solutions (CIMS) под управ-

[1] «Дочка» «КазМунайГаза» утроила число судов для перевозки урана через нейтральные воды Каспия. Kursiv Media. URL: https://kz.kursiv.media/2023-10-04/zhnb-kmgkazatomprom/ (дата обращения: 01.06.2026).

[2] Kazatomprom completes trans-Caspian uranium delivery. World Nuclear News. URL: https://www.world-nuclear-news.org/articles/kazatomprom-completes-trans-caspian-uranium-delive (дата обращения: 01.06.2026).

лением АО «КазМунайГаз» и Abu Dhabi Ports Group из Объединенных Арабских Эмиратов. Таким образом, поставки казахстанского урана по Среднему коридору осуществляются на базе железнодорожной и морской инфраструктур.

Несмотря на большую гибкость логистических операций в сравнении с доставкой углеводородов, перевозка ядерных материалов сопряжена с четким следованием инструкциям по безопасности в соответствии с международными стандартами по транспортировке грузов класса 7 и особым порядком организации процесса, при этом какие-либо риски должны быть заблаговременно учтены[1].

Среди слабых мест ТМТМ фигурируют:

- общий парк железнодорожной техники стран проекта (вагоны, платформы, локомотивы), который характеризуется высокой степенью износа;
- малое количество морских контейнеровозов и сертифицированных контейнеров;
- децентрализованный характер обмена информацией между участниками перевозок и странами ТМТМ.

Также необходимо учитывать нестабильность погодных условий Каспийского моря. Погода влияет на график движения судов и на функционирование порта Актау, который не приспособлен к работе в ветреные дни. Вторым аспектом успешной трансформации ТМТМ в канал профильных поставок является стабилизация международной безопасности на Южном Кавказе — недопущение нового витка конфликта между Азербайджаном и Арменией.

Текущее состояние атомной энергетики Франции

Два года назад Франция пересмотрела свое отношение к атомной энергетике. Теперь в Париже рассчитывают достичь полной энергетической независимости на мощностях АЭС, что является одной из долгосрочных национальных целей. Обгоняя Китай, Франция входит в тройку стран — лидеров по совокупной мощности атомных электростанций. На 2024 г. около 70 % электроэнергии республики производит парк АЭС — не менее 57 ядерных реакторов. Атомная отрасль Франции включает в себя:

- более 220 000 рабочих мест (6,7 % рынка труда);
- около 2600 компаний;
- ежегодный оборот до 50 млрд долл.[2]

Кризис обнажил проблемы, стоящие перед ядерным сектором Франции; для Парижа первостепенными задачами являются:

- недопущение перебоев в поставках электричества конечным потребителям;

[1] Global Uranium Enrichment & Future World Nuclear Energy. Enerdata. URL: https://www.enerdata.net/publications/executive-briefing/uranium-enrichment.html (дата обращения: 01.06.2026).

[2] Country Nuclear Power Profiles 2022 Edition: France (Updated June 2022). IAEA. URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/cnpp2022/countryprofiles/France/France.htm (дата обращения: 01.06.2026).

• выработка дорожной карты по своевременному обслуживанию и модернизации АЭС;

• актуализация стратегии по развитию ядерной отрасли в связи с растущим спросом и нагрузкой на внутреннюю генерацию.

К четвертому кварталу 2023 г. основные планы по капитальному ремонту атомного парка были завершены. За 22 года в республике был построен только третий реактор для АЭС «Фламанвиль», который является наиболее мощным в стране — 1600 МВт.

Главной компанией ЯТЦ Франции является Orano S.A., под контролем которой находятся добыча урана, его конверсия и обогащение, а также переработка радиоактивных отходов (РАО), изготовление смешанного оксидного (МОКС-) топлива.

Несмотря на высокие достижения в атомной отрасли, Франция полностью зависима от импорта урана из других стран: последний рудник на территории республики был закрыт в 2001 г.[1]

По разным оценкам, ежегодно для производства ядерного топлива поставляется 7—8 тыс. т урана природного обогащения в форме уранового концентрата, что в денежном выражении составляет от 500 млн до 1 млрд евро. К третьему кварталу 2023 г. Orano S.A. столкнулась с последствиями государственного переворота в Республике Нигер. Новая политическая элита ограничила доступ Франции к своим трем рудникам, и процесс экспорта U_3O_8 был нарушен. Компания рассчитывает воспользоваться рудником на севере африканской страны, который называют одним из крупнейших в мире с оцениваемыми запасами в 200 тыс. т.

Полный отказ Франции от выстроенных с ГК «Росатом» отношений произойдет не раньше 2034 г. Примером неподготовленности к полному разрыву французской атомной отрасли с ГК «Росатом» является полная зависимость Électricité de France S.A. от российских услуг по конверсии и обогащению регенерированного урана. Одновременно Франция совместно с другими участниками Европейского сообщества по атомной энергии участвует в создании альтернативного российскому топлива для водо-водяных энергетических реакторов (ВВЭР) советского дизайна в Болгарии, Чехии, Финляндии, Венгрии, Словакии и Украине[2].

Новые горизонты сотрудничества Франции и Казахстана

Во Франции последствия, образовавшиеся после кризиса отношений с Россией и Республикой Нигер, компенсируются путем установления тесных отношений с Казахстаном и Узбекистаном [Nyshanbayev, 2024]. Через год после визитов президентов К.-Ж. Токаева и Ш.М. Мирзиёева во Францию. Э. Макрон в

[1] Uranium en France: Origine, approvisionnement, importation. Connaissance des Énergies. URL: https://www.connaissancedesenergies.org/questions-et-reponses-energies/dou-vient-luranium-naturel-importe-en-france (дата обращения: 01.06.2026).

[2] A new Euratom project will help diversify nuclear fuel supply. European Commission. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/news/all-research-and-innovation-news (дата обращения: 01.06.2026).

сопровождении первых лиц французских холдингов 1—2 ноября 2023 г. посетил страны в рамках официального турне [Muratova, 2025].

Наблюдается высокий потенциал роста перевозок урана через ТМТМ при условии развития практики доставки казахстанского U_3O_8 к порту Мерсин с выходом в Средиземное море. Текущими барьерами в организации доставки урана через Мерсин являются:

- нехватка опыта у Турции в обеспечении регулярного движения грузов класса 7;
- необходимость подготовки инфраструктуры для хранения урана перед его отправкой.

Второй проблемой может стать закон США о запрете на импорт обогащенного урана российского происхождения[1]. При введении вторичных санкций АО «НАК «Казатомпром» может переориентировать свои западные поставки на рынки стран Азии с планами по отказу от углеводородов. Китай, где на стадии строительства находятся 23 ядерных реактора, в этом случае может оказаться выгодным решением.

Сложности встречаются на стадии производства сырья в Казахстане[2]. Рассматривается возможность подключения Монголии к урановым поставкам по ТМТМ. В октябре 2023 г., по итогам официального визита монгольского лидера и его встречи с французским визави, было подписано соглашение между Orano S.A. и инвестиционной компанией Erdenes Mongol по добыче и эксплуатации уранового рудника в пустыне Гоби методом ПСВ. Запуск добычи урана начнется на месторождении Зоовч-Овоо (аймак Дорноговь) в 2028 г. Во Франции отдаление Республики Нигер и других стран Африки от системы французского влияния считают результатом политического успеха России на континенте и экономических выгод от сотрудничества стран Африки с Китаем.

Выводы

Транскаспийский международный транспортный маршрут для АО «НАК «Казатомпром» и Республики Казахстан в условиях сложившейся геополитической турбулентности представляет собой стратегически важную артерию для экспорта урана в страны Европы и Северной Америки. Республика Казахстан, обладая значительными запасами урана, стремится развивать свою атомную отрасль, постепенно внедряя передовые практики и технологии. Анализ существующих проблем и рисков экспорта радиоактивных материалов по ТМТМ демонстрирует сложность организации перевозки грузов класса 7 на мультимодальных маршрутах, однако потенциал ТМТМ в рамках экспорта казахстанского урана остается высоким.

[1] США оставляют себе лазейки, чтобы продолжать закупать уран у России. Российская газета. URL: https://rg.ru/2024/05/14/ssha-ostavliaiut-sebe-lazejki-chtoby-prodolzhat-zakupat-uran-u-rossii.html (дата обращения: 01.06.2026).

[2] Kazatomprom 'action plan' addresses supply chain. World Nuclear News. URL: https://www.world-nuclear-news.org/articles/kazatomprom-action-plan-addresses-supply-chain-ris (дата обращения: 01.06.2026).

Франция является одной из ведущих стран в мировой атомной энергетике и на протяжении более 10 лет создает спрос на казахстанский уран. На фоне кризиса поставок урана из Африки и напряженных отношений с ГК «Росатом» сотрудничество с Республикой Казахстан становится весьма актуальным, и регион Средней Азии превращается в стратегического партнера не только для Франции, но и для всего Европейского союза.

Библиографический список

Guembou Shouop C.J. Uranium at the nexus of energy security and sustainable development in a renuclearised world: market dynamics, environmental-social risks, and geopolitical imperatives // BMC Energy. 2026. DOI: /10.1186/s44329-026-00049-7.

Huerta-Rosas B., Sánchez-Ramírez E. Nuclear Fuel Revival: Uranium Markets, SMRs, and Global Energy Security // Commodities. 2026. Vol. 5. No. 1. Art. 7. DOI: 10.3390/commodities5010007.

Kenderdine T., Bucsky P. Middle Corridor — Policy Development and Trade Potential of the Trans-Caspian International Transport Route. ADBI Working Paper 1268. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2021.

Kieval M., Miravalle G. The diverging nuclear histories and futures of Kazakhstan and Uzbekistan // Renewable and Sustainable Energy. 2025. No. 1. Art. 0004. DOI: 10.55092/rse20250004.

Muratova M., Sadri H., Medeubayeva Z., Issayeva A. The EU and Kazakhstan in the Latest Geopolitical and Geoeconomic Conditions: New Dimensions of Partnership // Journal of Eurasian Studies. 2025. DOI: 10.1177/18793665231215799.

Nyshanbayev N., Bekov K. The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy: Re-evaluation // Kasetsart Journal of Social Sciences. 2024. Vol. 45. No. 3. DOI: 10.34044/j.kjss.2024.45.3.21.

Palu R., Hilmola O.-P. Future Potential of Trans-Caspian Corridor: Review // Logistics. 2023. Vol. 7. No. 3. Art. 39. DOI: 10.3390/logistics7030039.

Rentschler J., Reinhardt A., Elbert R., Hummel D. The Trans-Caspian Corridor — Geopolitical implications and transport opportunities // Journal of Transport Geography. 2025. Vol. 125. Art. 104211. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2025.104211.

References

Guembou Shouop C.J. Uranium at the nexus of energy security and sustainable development in a renuclearised world: market dynamics, environmental-social risks, and geopolitical imperatives. BMC Energy, 2026. DOI: 10.1186/s44329-026-00049-7.

Huerta-Rosas B., Sánchez-Ramírez E. Nuclear Fuel Revival: Uranium Markets, SMRs, and Global Energy Security. Commodities, 2026, vol. 5, no. 1, art. 7. DOI: 10.3390/commodities5010007.

Kenderdine T., Bucsky P. Middle Corridor — Policy Development and Trade Potential of the Trans-Caspian International Transport Route. ADBI Working Paper 1268. Tokyo, Asian Development Bank Institute, 2021.

Kieval M., Miravalle G. The diverging nuclear histories and futures of Kazakhstan and Uzbekistan. Renewable and Sustainable Energy, 2025, no. 1, art. 0004. DOI: 10.55092/rse20250004.

Muratova M., Sadri H., Medeubayeva Z., Issayeva A. The EU and Kazakhstan in the Latest Geopolitical and Geoeconomic Conditions: New Dimensions of Partnership. Journal of Eurasian Studies, 2025. DOI: 10.1177/18793665231215799.

Nyshanbayev N., Bekov K. The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy: Re-evaluation. Kasetsart Journal of Social Sciences, 2024, vol. 45, no. 3. DOI: 10.34044/j.kjss.2024.45.3.21.

Palu R., Hilmola O.-P. Future Potential of Trans-Caspian Corridor: Review. Logistics, 2023, vol. 7, no. 3, art. 39. DOI: 10.3390/logistics7030039.

Rentschler J., Reinhardt A., Elbert R., Hummel D. The Trans-Caspian Corridor — Geopolitical implications and transport opportunities. Journal of Transport Geography, 2025, vol. 125, art. 104211. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2025.104211.

Поступила в редакцию: 12.06.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: June 12, 2026
Accepted: Aug 31, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.70.30.008

М.Ф. Улфатшоева, Лян Лэнлэн

Китайская народная революция в советской историографии после Второй мировой войны

Аннотация. Статья посвящена анализу развития этапов советской историографии китайской народной революции в послевоенный период. Автором рассматриваются основные идеи и подходы советских историков к интерпретации революционных событий в Китае, их идеологическая обусловленность в контексте международных и внутренних политических процессов.
Особое внимание в статье уделяется роли коммунистической партии Китая, ключевым причинам и этапам революции, а также критическому переосмыслению событий. В статье анализируется влияние советской идеологии на формирование научных представлений о китайской революции, а также особенности развития исторического анализа в условиях обострения отношений внутри социалистического лагеря. Анализ содержания советской историографии позволяет понять специфику историографической традиции, сложившейся в СССР в оценке одного из значимых событий мировой истории XX века.

Ключевые слова: советская историография, Китайская народная революция, коммунистическая партия, историографическая традиция, исторический анализ.

Авторы: *Улфатшоева Манижа Фирузовна, студентка* 2-го курса магистратуры направления «Международные отношения», ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». E-mail: 1032245346@rudn.ru
Лян Лэнлэн, студентка 2-го курса магистратуры направления «Международные отношения», ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». E-mail: 1032245222@rudn.ru

Для цитирования: Улфатшоева М.Ф., Лян Лэнлэн. Китайская народная революция в советской историографии после Второй мировой войны // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 60—68.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.70.30.008.

M. F. Ulfatshoeva, Liang Lengleng

The Chinese People's Revolution in Soviet Historiography after World War II

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of the stages of the Soviet historiography of the Chinese People's Revolution in the post-war period. The author examines the main ideas and approaches of Soviet historians to the interpretati-

on of the revolutionary events in China, their ideological conditionality in the context of international and domestic political processes. The article focuses on the role of the Chinese Communist Party, the key causes and stages of the revolution, as well as a critical rethinking of events. The article analyzes the influence of Soviet ideology on the formation of scientific ideas about the Chinese revolution, as well as the peculiarities of the development of historical analysis in the context of the aggravation of relations within the socialist camp. An analysis of the content of Soviet historiography makes it possible to understand the specifics of the historiographical tradition established in the USSR in assessing one of the most significant events in the world history of the 20th century.

Keywords: Soviet historiography, Chinese People's Revolution, Communist Party, historiographical tradition, historical analysis.

Authors: *Ulfatshoeva Manizha F.,* 2nd year Student of the Master's degree in International Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.
E-mail: 1032245346@rudn.ru
Liang Lengleng, 2nd year Student of the Master's degree in International Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.
E-mail: 1032245222@rudn.ru

For citation: Ulfatshoeva M.F., Liang Lengleng. The Chinese People's Revolution in Soviet Historiography after World War II. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, pp. 60—68. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.70.30.008.

Введение

В период после Второй мировой войны китайская народная революция стала одним из ключевых событий в мировой истории, которое вызывало значительный интерес советской историографии. В этот период советские ученые и историки стремились осмыслить причины, ход и последствия революционных преобразований в Китае, а также оценить роль Китая в общем процессе формирования социализма и борьбы за национальное освобождение.

В течение длительного периода у советских историков был непосредственный доступ к историческим источникам революционного движения в Китае, включая и документы Коммунистической партии Китая. Это объясняется тем, что политический режим в Китае, господствующий после революций и политический режим в СССР были близкими по идеологии.

Основные этапы развития советской историографии китайской народной революции в послевоенный период

После окончания Второй мировой войны и победы Советского Союза в борьбе против фашизма в советской историографии все более значимыми вопросами становились исследования процессов, происходящих в других государствах, в том числе и революционных событий в Азии.

Китайская революция, завершившаяся в 1949 г. установлением Народной Республики Китая, рассматривалась как важный этап в глобальной борьбе социалистических сил и как подтверждение марксистско-ленинских идей о воз-

можности революционного преобразования колониальных и полуколониальных стран [Черникова, 2021].

Первым этапом развития советской историографии о Китайской народной революции следует считать организацию Института востоковедения. Он был сформирован в 1950 г. в результате слияния Ленинградского Института востоковедения наук и Тихоокеанского института. Местом деятельности нового Института востоковедения стала Москва.

Одним из структурных элементов Института востоковедения стал Отдел Китая, деятельность которого была связана с историческим анализом событий, происходящих в Китае, а также исследованием актуальных международных вопросов китайского государства. В 1956 г. создается еще одно научное учреждение, в компетенцию которого входит исследование истории Китая. Данным учреждением являлся Институт китаеведения Академии наук СССР, который был основан в 1956 г. С 1957 г. начинает издаваться журнал «Советское китаеведение», освещающий социальную и политическую обстановку в Китае [Тихвинский, 2006]. Для данного хронологического этапа характерны исторические исследования Г.В. Ефимова, Г.Б. Эренбурга, М.Ф. Юрьева и В.Н. Никифорова. Данная группа исследователей сформировала теорию разделения Китайской народной революции на три хронологических периода.

В.Н. Никифоров указывает, что период 1950-х гг. характеризуется как «очерковый» период исследований китайской революции [Никифоров, 1961]. Однако следует отметить, что в основной степени научные работы по истории Китайской народной революции 1950-х гг. носят справочный характер, а материал, изложенный в них, является обзорным.

Советские историки подчеркивали, что Китайская народная революция стала логическим продолжением и развитием революционных идей, заложенных Октябрьской революцией 1917 г. [Титаренко, 1989]. Такая точка зрения была представлена в научных исследованиях Б.Г. Сапожникова «Первая гражданская революционная война в Китае 1924—1927 гг.» [Сапожников, 1954], В.И. Глунина «Третья гражданская революционная война в Китае (1946—1949 гг.)» [Глунин, 1958] и В.П. Илюшечкина «Борьба КПК за победу народно-демократической революции в 1931—1940 гг.» [Илюшечкин, 1952]. В рамках этой концепции она воспринималась как часть мировой борьбы рабочего класса и крестьянства против империализма и феодализма. В частности, в научных работах Г.Б. Эренбурга [Эренбург, 1951] прослеживались идеи о революционной силе Китая, а также о ее роли в укреплении социалистического лагеря и о необходимости поддержки китайского народа в его борьбе.

В 1950-х гг. советскими историками был написан научный труд «Очерки Китая в новейшее время» [Очерки истории Китая в новейшее время, 1959]. Научный труд принадлежит коллективу авторов, входящих в состав Института китаеведения. Основными вопросами историографии, которые рассматривались в научном труде «Очерки Китая в новейшее время», являлись:

- оценка внутренней политической ситуации в китайском государстве;
- оценка развития системы международных отношений в период Китайской народной революции;

- характер революционной освободительной борьбы в китайском государстве;
- роль Коммунистической партии Китая в Китайской народной революции;
- особенности формирования социалистического строя в революционный и послереволюционный периоды [Там же].

В 1960-х гг. в связи с ухудшением отношений между СССР и Китаем, формированием осуждения культа личности И.В. Сталина, к которому негативно отнесся китайский лидер Мао Цзэдун, созданием концепции мирного сосуществования, которая была воспринята Китаем как противоречащая коммунистической идеологии, начинается новый этап развития советской историографии китайской народной революции. В 1960-х гг. происходила реорганизация научно-исследовательских учреждений.

В советской историографической традиции выделяются следующие основные причины Китайской народной революции:

- экономическая эксплуатация;
- социальное неравенство;
- внутренние противоречия [Картунова, 2015].

Особое внимание уделялось роли коммунистической партии Китая во главе с Мао Цзэдуном, которая, по мнению советских ученых, стала движущей силой революционных перемен. Работы Т.Н. Акатовой [Акатова, 1959] и Н.Д. Коробова [Коробов, 1959] в этом направлении подчеркивали крестьянскую мобилизацию как ключевой фактор успеха революционного движения в китайском государстве.

Следующим этапом развития советской историографии о Китайской народной революции является период 1960—1980-х гг. В данный хронологический период происходит развитие критического подхода советских историков к событиям Китайской народной революции.

В 1960—1980-х гг. советская историография начала приобретать более критический характер. В этот период появились исследования, анализирующие внутренние противоречия внутри китайского революционного процесса, а также причины разногласий между СССР и Китаем. В работах Ю.М. Галеновича [Галенович, 1988] рассматриваются «белые пятна» в китайской революционной истории, что свидетельствовало о росте научной объективности и критического анализа советских историков к событиям Китайской народной революции.

Особое место в советской историографии занимали исследования роли международных факторов в начале и в ходе Китайской народной революции. Такими факторами назывались:

- влияние Советского Союза;
- борьба с империализмом;
- роль СССР в поддержке китайского революционного движения [Березный, 1990].

В то же время советскими историками анализировались противоречия внутри социалистического лагеря, производилась критика деятельности Коммунистической партии Китая, что в конечном итоге послужило фактором ухудшения советско-китайских отношений.

В советской историографии отмечалось, что победа китайского народа над силами империализма и феодализма в 1949 г. стала возможной благодаря тому,

что победа Советского Союза над фашистской Германией и империалистической Японией изменила международную обстановку и способствовала укреплению социализма.

В работах советских историков подчеркивалось, что победа над Гоминьданом и приход к власти Коммунистической партии Китая в большой степени стали возможны благодаря всесторонней поддержке со стороны Советского Союза. В качестве подтверждения историками приводились следующие аргументы:

- в декабре 1949 г. Мао Цзэдун в знак признательности посетил СССР;
- в 1950 г. был подписан советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи [Глунин, 1996].

В 1966 г. создается Институт Дальнего Востока, который и способствует развитию критического анализа Китайской народной революции в трудах советских историков. В 1960—1970-х гг. в советской историографии издается ряд учебников и учебных пособий, интерпретирующих развитие Китайской народной революции. К ним относятся работы «Новейшая история Китая» В.И. Глунина, А.М. Григорьева, К.В. Кукушкина и В.Н. Никифорова, учебное пособие «История Китая с древнейших времен до наших дней» Л.И. Симоновской и М.Ф. Юрьева, «Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921—1927 гг.)» В.И. Глунина.

Основой научных исследований Китайской народной революции в 1970-х гг. являются архивные источники и документы. Преимущественно научные исследования носили закрытый характер. Нередко научные исследования данной тематики имели гриф «секретно». В открытом доступе научные исследования данного хронологического периода появились только в 1990-х гг. после распада СССР.

Историографические исследования, которые были изданы до середины 1980-х гг., характеризовались научным стилем изложения, были политизированы и направлены на «разоблачение империалистических и шовинистических концепций истории страны» [Глунин, 1991]. Также в них присутствовал критический анализ политики китайского лидера Мао Цзэдуна и его основных идей.

Следующим этапом развития историографической традиции в научных исследованиях о Китайской народной революции является период середины 1980-х — начала 1990-х гг. В данный хронологический период отношения между СССР и Китаем улучшились, что сказалось и на развития советской историографии. В 1982 г. происходит формирование Центра исследований Китая в СССР. Характеризуя 1980-е гг. в отношениях СССР и Китая, М.Л. Титаренко отмечает, что ключевыми характеристиками советского китаеведения на данном этапе выступают «принципиальность, объективность, независимость и непредвзятость в оценках фактов и явлений Китайской народной революции» [Титаренко, 1989].

В период 1980—1990-х гг. актуальными вопросами исследования Китайской народной революции, которые носили проблемный характер, были:

- характер китайской революции — по мнению некоторых советских ученых китайская революция в отличие от народно-демократических революций в Европе носила ярко выраженный крестьянский характер и являлась революцией не социалистического, а буржуазно-демократического типа;
- анализ военной формы национальной борьбы.

Советская историческая школа традиционно приближалась к государственной политике, что проявлялось в акценте на позитивных аспектах советско-китайских отношений, особенно в периоды «дружбы народов» и стратегического сотрудничества. Например, работы М.С. Капицы [Капица, 1958] о советско-китайских отношениях подчеркивали солидарность между государствами и стратегический партнерский дух, что, по мнению советских ученых, стало фактором успеха Коммунистической партии Китая в Китайской народной революции.

Заключение

Таким образом, в развитии советской историографии по истории Китайской народной революции в послевоенный период можно выделить три этапа: 1950-е гг., 1960—1970-е гг., 1980-е — начало 1990-х гг. На начальном этапе в 1950-х гг. происходило создание Института востоковедения и Института китаеведения, а также публикация первых обзорных работ и статей, в которых революция рассматривалась как логическое продолжение и развитие идей Октябрьской революции 1917 г., подчеркивалась ее роль в мировой борьбе против. В центре внимания советских историков находилась оценка внутренней ситуации в Китае и роль Коммунистической партии Китая в развитии Китайской народной революции, а также характер революционных процессов.

В 1960—1970-х гг. в советской историографии произошел переход к более критическому подходу, включающему анализ внутреннего противоречия, противоречий внутри социалистического лагеря и международных факторов. В этот период усилилось критическое осмысление роли Мао Цзэдуна в Китайской народной революции.

Период 1980—1990-х гг. характеризуется более сбалансированным подходом к характеристике китайской революции, включая признание ее крестьянского характера и анализ военных аспектов борьбы.

Советская историография китайской революции прошла путь от идеологизированных и обзорных работ к более критическому, архивному и аналитическому осмыслению событий Китайской народной революции, при этом оставаясь в рамках государственной политики и стратегического партнерства.

В советской историографии после Второй мировой войны китайская народная революция рассматривалась как историческое событие, подтверждающее марксистско-ленинские идеи о революционной силе народа и необходимости борьбы за социализм. В течение этого периода произошли как идеологические оценки, так и постепенное развитие критического подхода, что способствовало более объективному пониманию революционных процессов в Китае.

Библиографический список

Акатова Т.Н. Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка. М., 1959. 149 с.

Березный Л.А. Дискуссионные проблемы общей концепции истории китайской революции // Вестник ЛГУ. 1990. Сер. 2. Вып. 2. С. 10—20.

Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966—1969 гг.). М., 1988. 304 с.

Герасимова Т.Г. Об изучении истории КПК в СССР и России // Отечественная историография КНР: некоторые направления. 2015. С. 129—159.

Глунин В. И. Изучение истории Китая в ИДВ РАН // ПДВ. 1996. № 5. С. 95—102.

Глунин В.И., Григорьев А.М. Концепции истории Китая в новейшее время: поиск новых подходов // ПДВ. 1991. № 2. С. 71—79.

Глунин В.И. Третья гражданская революционная война в Китае (1946—1949 гг.). Очерк политической истории / Отв. ред. Г.В. Астафьев. М., 1958. 199 с.

Ефимов Г.В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая. Ч. IV. Л., 1980. 177 с.

Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1949. 436 с.

Илюшечкин В.П. Борьба КПК за победу народно-демократической революции в 1931—1940 гг. / дисс. ... канд. ист. наук. М., 1952. 17 с.

История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М.: Наука, 1974. 534 с.

Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. 423 с.

Картунова А.И. Новая волна интереса историков к проблемам китайской революции 1925—1927 гг. И необоснованная попытка предать ее забвению// Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № . 1. С. 437—456.

Коробов Н.Д. Борьба КПК за мир и демократию в Китае в 1944—1946 гг./ Политическое консультативное совещание 1946 г. Саратов, 1959.

Лукин А.В. Советское китаеведение и политика // Восток. 1991. № 2. 144 с.

Никифоров В. Н., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф. Народная революция в Китае. М., 1953. 144 с.

Никифоров В.Н. Конец очеркового этапа в изучении полуколониального периода в истории Китая // НАА. 1961. № 6. С. 160—165.

Никифоров В.Н. Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937—1945 гг.). М., 1950. 32 с.

Очерки истории Китая в новейшее время / Под ред. А.С. Перевертайло. М., 1959. 696 с.

Сапожников Б.Г. Первая гражданская революционная война в Китае 1924—1927 гг. Военно-исторический очерк. М., 1954. 100 с.

Титаренко М.Л. Советское китаеведение и перестройка // ПДВ. 1989. № 2. Тихвинский С.Л. Институт китаеведения АН СССР (1956—1960). Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды: инф.-библиогр. справочник / Сост. В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова. М., 2006. С. 17—29.

Черникова Л.П. Историография, источниковедение // Современная научная мысль. 2021. С. 158—174.

Эренбург Г.Б. Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время / Под ред. А.А. Губера. М., 1951. 238 с.

Юрьев М.Ф. Роль революционной армии на первом этапе китайской революции / Под ред. Г.Б. Эренбурга. М., 1952. 142 с.

References

Akatova T.N. Syangan-Guanchzhouskaya (Gonkong-Kantonskaya) zabastovka [Hong Kong—Canton Strike]. Moscow, 1959.149 p. (In Russ.).

Bereznyy L.A. Diskussionnye problemy obshchey kontseptsii istorii kitayskoy revolyutsii [Debatable Problems of the General Concept of the History of the Chinese Revolution]. Vestnik LGU, 1990, no. 2 (2), p. 10—20. (In Russ.).

Galenovich Yu. M. Iz istorii politicheskoy borby v KPK (1966—1969 gg.) [From the History of Political Struggle within the CPC (1966—1969)]. Moscow, 1988. 304 p. (In Russ.).

Gerasimova T.G. Ob izuchenii istorii KPK v SSSR i Rossii [On the Study of CPC History in the USSR and Russia]. Otechestvennaya istoriografiya KNR: nekotoryye napravleniya [Domestic historiography of the PRC: some directions], 2015, p. 129—159. (In Russ.).

Glunin V.I. Izucheniye istorii Kitaya v IDV RAN [Study of Chinese History at the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences]. PDV, 1996, no. 5, p. 95—102. (In Russ.).

Glunin V.I., Grigoryev A.M. Kontseptsii istorii Kitaya v noveysheye vremya: poisk novykh podkhodov [Concepts of Modern Chinese History: The Search for New Approaches]. PDV, 1991, no. 2, p. 71—79. (In Russ.).

Glunin V.I. Tretya grazhdanskaya revolyutsionnaya voyna v Kitaye (1946—1949 gg.). Ocherk politicheskoy istorii [The Third Civil Revolutionary War in China (1946—1949). Essay on Political History]. Ed. Astafyev G.V. Moscow, 1958. 199 p. (In Russ.).

Efimov G.V. Istoriko-bibliograficheskiy obzor istochnikov i literatury po novoy i noveyshey istorii Kitaya. Ch. IV [Historical and Bibliographic Review of Sources and Literature on Modern and Contemporary Chinese History. Part IV]. Leningrad, 1980. 177 p. (In Russ.).

Efimov G.V. Ocherki po novoy i noveyshey istorii Kitaya [Essays on Modern and Contemporary History of China]. Moscow, 1949. 436 p. (In Russ.).

Ilyushechkin V.P. Borba KPK za pobedu narodno-demokraticheskoy revolyutsii v 1931—1940 gg. [The CPC's Struggle for the Victory of the People's Democratic Revolution in 1931—1940]. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1952. 17 p. (In Russ.).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of China from Ancient Times to the Present Day]. Ed. Simonovskaya L.V., Yuryev M.F. Moscow, Nauka Publ., 1974. 534 p. (In Russ.).

Kapitsa M.S. Sovetsko-kitayskiye otnosheniya [Sino-Soviet Relations]. Moscow, 1958. 423 p. (In Russ.).

Kartunova A.I. Novaya volna interesa istorikov k problemam kitayskoy revolyutsii 1925—1927 gg. I neobosnovannaya popytka predat yeyo zabveniyu [A New Wave of Historians' Interest in the 1925—1927 Chinese Revolution and an Unfounded Attempt to Consign It to Oblivion]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye, 2015, no. 45 (1), p. 437—456. (In Russ.).

Korobov N.D. Borba KPK za mir i demokratiyu v Kitaye v 1944—1946 gg. Politicheskoye konsultativnoye soveshchaniye 1946 g. [The CPC's Struggle for Peace and Democracy in China in 1944—1946. The 1946 Political Consultative Conference]. Saratov, 1959. 144 p. (In Russ.).

Lukin A.V. Sovetskoye kitayevedeniye i politika [Soviet Sinology and Politics]. Vostok [East], 1991, no. 2, p. 144—152. (In Russ.).

Nikiforov V.N., Erenburg G.B., Yuryev M.F. Narodnaya revolyutsionnaya voyna v Kitaye [People's Revolutionary War in China]. Moscow, 1953. 144 p. (In Russ.).

Nikiforov V.N. Konets ocherkovogo etapa v izuchenii polukolonialnogo perioda v istorii Kitaya [The End of the Descriptive Stage in the Study of the Semicolonial Period of Chinese History]. NAA, 1961, no. 6, p. 160—165. (In Russ.).

Nikiforov V.N. Natsionalno-osvoboditelnaya voyna kitayskogo naroda protiv yaponskogo imperializma (1937—1945 gg.) [National Liberation War of the Chinese People Against Japanese Imperialism (1937—1945)]. Moscow, 1950. 32 p. (In Russ.).

Ocherki istorii Kitaya v noveysheye vremya [Essays on Contemporary History of China]. Ed. Perevertaylo A.S. Moscow, 1959. 696 p. (In Russ.).

Sapozhnikov B.G. Pervaya grazhdanskaya revolyutsionnaya voyna v Kitaye 1924—1927 gg. Voyenno-istoricheskiy ocherk [The First Civil Revolutionary War in China 1924—1927. Military Historical Essay]. Moscow, 1954. 100 p.

Titarenko M.L. Sovetskoye kitayevedeniye i perestroyka [Soviet Sinology and Perestroika]. PDV, 1989, no. 2. (In Russ.).

Tikhvinskiy S.L. Institut kitayevedeniya AN SSSR (1956—1960) [Institute of Sinology of the USSR Academy of Sciences (1956—1960)]. Institut Dalnego Vostoka: Gody, lyudi, trudy: informatsionno-bibliograficheskiy spravochnik [Institute of the Far East: Years, people, works: inf.-bibliogr. Handbook] Zhuravleva V.P., Ipatova A.S., Popova O.N. Moscow, 2006, p.17—29. (In Russ.).

Chernikova L.P. Istoriografiya, istochnikovedeniye [Historiography and Source Studies]. Sovremennaya nauchnaya mysl [Modern scientific thought], 2021, p. 158—174. (In Russ.).

Erenburg G.B. Ocherki natsionalno-osvoboditelnoy borby kitayskogo naroda v noveysheye vremya [Essays on the National Liberation Struggle of the Chinese People in Modern Times]. Ed. Guber A.A. Moscow, 1951. 238 p. (In Russ.).

Yuryev M.F. Rol revolyutsionnoy armii na pervom etape kitayskoy revolyutsii [The Role of the Revolutionary Army at the First Stage of the Chinese Revolution]. Ed. Erenburg G.B. Moscow, 1952. 142 p. (In Russ.).

Поступила в редакцию: 08.05.2026 Received: May 8, 2026
Принята к публикации: 31.08.2026 Accepted: Aug 31, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.44.94.009

Т.А. Николаева

Влияние социальных сетей на межкультурные коммуникации КНР и России в контексте стратегического партнерства

Аннотация. Статья посвящена исследованию изменений, которые претерпевают межкультурные коммуникации между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой под влиянием социальных медиа. С опорой на работы российских авторов, опубликованные в рецензируемых научных периодических изданиях, авторы анализируют механизмы, обеспечивающие взаимодействие официальных нарративов стратегического партнерства и пользовательских практик в цифровых экосистемах КНР. Эмпирическая база включает в себя исследования деятельности RT в китайской социальной сети Weibo, анализ функционирования платформ WeChat и VK как инструментов мягкой силы, а также исследования по межкультурной коммуникации в образовательной сфере. Выявлено, что социальные сети формируют гибридное коммуникационное пространство, отличающееся политико-коммуникационными асимметриями, где российские пользователи и медиа осуществляют стратегическую адаптацию к локальным правилам китайских платформ.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, Китай, Россия, социальные сети, публичная дипломатия, стратегическое партнерство, RT, Weibo, WeChat, VK.

Автор: *Николаева Татьяна Андреевна*, *студент* 4-го курса, НИУ ВШЭ, образовательная программа «Медиакоммуникации». E-mail: taniaknnv@gmail.com

Для цитирования: Николаева Т.А. Влияние социальных сетей на межкультурные коммуникации КНР и России в контексте стратегического партнерства // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 69—78. DOI: 10.48647/ICCA.2026.44.94.009.

T.A. Nikolaeva

The Impact of Social Networks on Intercultural Communications between China and Russia in the Context of Strategic Partnerships

Abstract. The article is devoted to the study of the changes that intercultural communications between the Russian Federation and the People's Republic of China are undergoing under the influence of social media. Based on the work of Russian authors published in peer-reviewed scientific periodicals, the authors analyze the mechanisms that ensure the interaction of official narratives of strategic partnerships and user practices in the digital ecosystems of the PRC. The empirical base includes research on RT's activities on the Chinese social network Weibo, an analysis of the functioning of the WeChat and VK platforms as tools of soft power, as well as research on intercultural communication in the educational field. It was revealed that social networks form a hybrid communication space, distinguished by political and communication asymmet-

ries, where Russian users and media carry out strategic adaptation to the local rules of Chinese platforms.

Keywords: intercultural communication, China, Russia, social networks, public diplomacy, strategic partnership, RT, Weibo, WeChat, VK.

Author: *Nikolaeva Tatiana A., 4th year Student,* HSE, Educational Program "Media Communications". E-mail: taniaknnv@gmail.com

For citation: Nikolaeva T.A. The impact of social networks on intercultural communications between China and Russia in the context of strategic partnerships. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, p. 69—78. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.44.94.009.

Введение

На современном этапе межкультурная коммуникация между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой представляет собой сложный и многоуровневый феномен, претерпевающий значительные изменения под воздействием цифровых технологий. Как указывает М.А. Ефимец в своем исследовании, напечатанном в журнале «Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика» (2022 г.), проявляется устойчивая тенденция интеграции России и Китая, развития линий межкультурных связей двух великих держав, расширения форматов коммуникаций как в реальном, так и в виртуальном режимах.

Если традиционно процесс межкультурного обмена был прерогативой государственных институтов, крупных СМИ и академических обменов, то с распространением социальных сетей он стал массовым, интерактивным и децентрализованным. Социальные медиа, выступая в роли нового коммуникационного моста, не только интенсифицировали контакты между гражданами двух стран, но и породили ряд вызовов, связанных с формированием образов, стереотипов и управлением информационными потоками.

В контексте стратегического партнерства, которое в условиях роста международной напряженности приобретает особое значение, цифровые платформы становятся важнейшим инструментом публичной дипломатии. Особый интерес представляет деятельность российских медиа и пользователей в китайском цифровом пространстве, которое имеет свои специфические правила коммуникации, включая механизмы модерации и селективного продвижения контента.

Предметом данного исследования является влияние социальных сетей на межкультурные коммуникации между КНР и Россией, выявление ключевых трендов, доминирующие платформы и проблемные узлы на основе актуальных российских академических исследований. Гипотеза исследования заключается в том, что социальные сети создают гибридное пространство межкультурной коммуникации, где официальные нарративы стратегического партнерства взаимодействуют со спонтанными пользовательскими практиками, формируя сложную систему координат взаимного восприятия.

Российско-китайское стратегическое партнерство как контекст цифровых коммуникаций

В эпоху современности всестороннее стратегическое партнерство между России и Китаем в новые времена продолжает углубляться, а двусторонние отношения находятся на самом высоком уровне по сравнению с историей их существования. Как замечает Кун Мэннань в статье, опубликованной в журнале «Филология: научные исследования», образ России в китайских социальных сетях стал значительно более позитивным и благоприятным, нежели был в минувшие годы. Исторически осмысление России в Китае проходит через три этапа: от образа СССР как «старшего брата» до образа «врага» в период холодной войны, а затем трансформировался в образ «стратегического партнера» в условиях новой международной действительности [Кун Мэннань, 2025]. Эта историческая динамика прямо воздействует на современные коммуникативные практики в цифровом пространстве обитания.

В настоящее время фиксируется позитивный образ Китая для российской аудитории, а также фиксируется образ России, транслируемый в средствах массовой информации КНР Взаимные культурные практики являются опорой для межкультурных коммуникаций по радиусу осуществления которых Китай и Россия должны плотно «опираться», что будет полезным и для внутреннего развития каждой из стран, и для прочного гуманитарного сотрудничества в недалеком будущем.

Ключевое значение для понимания цифровых коммуникаций имеет культурно-образовательное измерение их взаимовлияния. Изложение вопросов исторического развития межкультурной коммуникации открывает новые возможности для настоящего эффективного взаимодействия в образовании и успешной интеграции их вертикалей в глобальные смешанные образовательные пространства. Знакомство с вопросами межкультурной коммуникации способствует стимулированию и развитию эффективности преподавания иностранного языка и культурного диалога, помогает китайским и русским преподавателям и студентам глубже изучать вопросы межкультурной коммуникации в области образования.

Политико-коммуникационные асимметрии в цифровом пространстве

Важное значение для анализа межкультурных коммуникаций имеет деятельность российского телеканала Russia Today (RT) в китайских соцсетях. Кун Мэннань провела углубленный анализ содержания официального аккаунта RT в Weibo с октября 2019 г. по март 2025 г., используя методы качественного анализа и количественного анализа. Результаты исследования показывают, что RT осознанно усиливает распространение контента, посвященного стратегическому партнерству России и Китая. В повестке RT заметна тенденция согласования с официальной позицией Китая, выделение идеи «многополярности» и акцентирование нарратива России о противостоянии гегемонии Запада. Особенно следует подчеркнуть, что RT развивает мягкую силу российской культуры, транслируя литературу, науку и технику, искусство, туризм и образование, через что знакомит китайского зрителя с современным образом России как великой державы [Кун Мэннань, 2025].

Анализ стратегий подстраивания российских медиа к китайской системе модерации контента представляет особую ценность. В отличие от западных соцсетей является наглядным способом исследовать стратегии подстраивания российских медиа к китайской системе цензуры и к медиасреде.

Включение в аналитическую рамку российско-китайских отношений позволяет посмотреть, как RT в Weibo создает общие нарративы и пространство для единой позиции, формируя образ страны-партнера. «Разъяснение позиции России», «трансляция российской точки зрения» и «восстановление имиджа России» стали конечными целями деятельности RT на китайском цифровом пространстве. Это свидетельствует о том, что социальные сети воспринимаются российскими государственными медиа не просто как каналы распространения информации, но как инструменты стратегической коммуникации, требующие специальных подходов и адаптации.

В процессе исследования, выполненного с опорой на контент-анализ публикаций на русском WeChat и на китайском VK за 2021—2025 гг., дополненного сетевым анализом распространяемого контента и дискурсивным картированием ключевых нарративов, было установлено, что имеются катастрофические различия в подходах к политической коммуникации.

В частности, анализ показал, что китайская модель, представленная WeChat, является таковой высокоэффективной системой централизованного управления политическими нарративами, обеспечивающей исключительную синхронию освещения стратегического партнерства. В свою очередь, российская платформа VK — альтернатива, сочетающая в себе государственное регулирование с относительной свободой публичного дискурса, формирующая более плюралистическое, но менее контролируемое коммуникационное пространство [Бирюков, Чирун, 2025, с. 136—146].

Эти различия — не только следствие технических особенностей платформ, но и отражение более глубоких расхождений в политических культурах и концепциях цифрового суверенитета. Социальные медиа, полагают они, не просто новый канал распространения политических нарративов — они кардинально изменили саму природу международной коммуникации — она сделалась более интерактивной, зависимой от алгоритмов, архитектуры платформ. Это требует разработки новых аналитических рамок, учитывающих как технологические особенности цифровых экосистем, так и их взаимодействие с традиционными внешнеполитическими институтами.

Проблемы и перспективы межкультурной цифровой коммуникации

Вместе с тем есть и серьезные вызовы. Обычно китайские социальные медиа имеют свою специфическую систему управления контентом, что добавляет препятствий для иностранных медиа и пользователей. С другой стороны, даже в жесткие схемы на китайских платформах есть место спонтанным пользовательским практикам. Эффективная работа требует как формальных институциональных рамок, так и развития горизонтальных связей между преподавателями и студентами.

Если проанализировать динамику российско-китайских межкультурных коммуникаций, то можно заметить, что линии межкультурных связей двух вели-

ких стран развиваются как в реале, так и в виртуале, а современная публичная цифровая дипломатия способствует выстраиванию коммуникации, способствующей повышению взаимопонимания между народами двух стран.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Динамичная адаптация российских медиа к китайскому цифровому ландшафту. Российским медиа, включая RT, приходится разрабатывать специальные коммуникационные стратегии, которые предназначены для работы в китайских социальных сетях. В эти стратегии входят и выбор контента, соответствующего китайским ценностям, и адаптация нарративов под ожидания аудитории, и строгое следование платформенным правилам.

Значительные политико-коммуникационные асимметрии. Сравнительный анализ платформ WeChat и VK показывает принципиальную разницу моделей управления политической коммуникацией в китайской и российской цифровых экосистемах. Китайская модель предполагает централизацию и высокий уровень контроля, в то время как российская более плюралистична.

Углубление межкультурных коммуникаций в образовательной сфере. Как следует из исследований Хэ Яньли и М.А. Ефимец, одним из важных направлений межкультурного взаимодействия является образовательная и культурная сфера, где социальные сети становятся инструментом для выстраивания горизонтальных связей между преподавателями, студентами и широкой аудиторией [Хэ Яньли, 2024, с. 148—159; Ефимец, 2022].

Создание позитивного имиджа России в китайских социальных сетях. Исследования фиксируют ведущее улучшение восприятия Китайской аудиторией России в цифровом пространстве, что связано как с углублением стратегического партнерства, так и с деятельностью российских медиа, активно приспосабливающихся к китайскому цифровому ландшафту.

Дальнейшее развитие межкультурного диалога между Россией и Китаем в цифровой среде требует не только овладения новыми платформами и технологиями, но и более глубокого понимания межкультурной коммуникации и культурных особенностей восприятия контента, специфики регулирования в каждой из стран.

Социальные сети выступают не просто техническим средством коммуникации, а важнейшим элементом инфраструктуры российско-китайского стратегического партнерства, требующим пристального внимания со стороны исследователей и практиков международных отношений.

Библиографический список

Бирюков С.В., Чирун С.Н., Лин Д. Политико-коммуникационные асимметрии в цифровом пространстве: WeChat и VK как инструменты «мягкой силы» в российско-китайских отношениях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 136—146.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2006. 39 с.

Виноградов А.В., Воронцов А.В., Воскресенский А.Д. и др. Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (часть I) // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 3. С. 101—127.

Ефимец М.А. Диалог культур: динамика российско-китайских межкультурных коммуникаций // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11. № 5. С. 17—22. DOI: 10.12737.2587-9103-2022-11-5-17-22.

Кун Мэннань. Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo) // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256.2454-0749.2025.6.73866

Хэ Яньли. Межкультурная коммуникация в Китае: анализ исторического развития и взаимодействия России и Китая в международном образовании // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30, № 1. С. 148—159.

References

Biryukov S.V., Chirun S.N., Lin D. Politiko-kommunikacionny`e asimmetrii v cifrovom prostranstve: WeChat i VK kak instrumenty` “myagkoj sily`” v rossijsko-kitajskix otnosheniyax [Political and communication asymmetries in the digital space: WeChat and VK as soft power tools in Russian-Chinese relations]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2025, no. 86, p. 136—146. (In Russ.). DOI: 10.17223.1998863X.86.12.

Efimets M.A. Dialog kul`tur: dinamika rossijsko-kitajskix mezhkul`turny`x kommunikacij. Nauchny`e issledovaniya i razrabotki [Dialogue of cultures: dynamics of Russian-Chinese intercultural communications]. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Research and development. Modern communicative studies], 2022, no. 11 (5), p. 17—22. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-5-17-22.

He Yanli. Mezhkul`turnaya kommunikaciya v Kitae: analiz istoricheskogo razvitiya i vzaimodejstviya Rossii i Kitaya v mezhdunarodnom obrazovanii [Intercultural communication in China: an analysis of the historical development and interaction of Russia and China in international education]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [News of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture], 2024, no. 30 (1), p. 148—159. (In Russ.). DOI: 10.15826. — izv1.2024.30.1.013.

Kun Mengnan. Nacional`ny`j imidzh Rossii v kitajskix social`ny`x setyax (na primere deyatel`nosti akkaunta RT v Weibo) [The national image of Russia in Chinese social networks (using the example of the RT account on Weibo)]. Filologiya: nauchnye issledovaniya [Philology: scientific research], 2025, no. 6. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.73866.

Vinogradov A.V. Kitajskaya model` modernizacii: social`no-politicheskie i sociokul`turny`e aspekty` [Chinese model of modernization: socio-political and socio-cultural aspects]. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2006. 39 p. (In Russ.).

Vinogradov A.V., Vorontsov A.V., Voskresensky A.D. et al. Rossijsko-kitajskie otnosheniya: mezhdu Evropoj i Indo-Pasifikoj (chast` I) [Russian-Chinese relations: between Europe and Indo-Pacific (part I)]. Sravnitel'naya politika [Comparative politics], 2018, no. 9 (3), p. 101—127. (In Russ.).

Поступила в редакцию: 04.06.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: June 4, 2026
Accepted: Aug 31, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.65.81.010

Шэнь Ихао, Юй Цзелун

Освещение деятельности ШОС в медиапространстве Киргизстана: стратегии и медиаобразы

Аннотация. В статье анализируются особенности, медиастратегии и специфика конструирования медиаобразов при освещении деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в ведущих средствах массовой информации Киргизской Республики. На основе контент-анализа материалов государственных и независимых цифровых изданий Киргизии автор выявляет ключевые фреймы, используемые при репрезентации многостороннего сотрудничества в сферах безопасности, экономики и гуманитарных связей. В работе исследуется баланс между национальными интересами республики и региональными интеграционными процессами в зеркале киргизской прессы. По итогам исследования сделаны выводы о роли молодых журналистов в формировании конструктивной информационной повестки на евразийском пространстве.

Ключевые слова: медиапространство Киргизстана, ШОС, международная журналистика, медиаобраз, конструирование повестки дня, фрейминг, интеграционные процессы.

Авторы: *Шэнь Ихао, аспирант,* Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына. E-mail: shenyihao8@gmail.com

Юй Цзелун, аспирант, Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына. E-mail: kaaabe8@gmail.com

Для цитирования: Шэнь Ихао, Юй Цзелун. Освещение деятельности ШОС в медиапространстве Кыргызстана: стратегии и медиаобразы // *Современная Азия: политика, экономика, общество.* 2026. № 3. С. 75—78.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.65.81.010.

Shen Yihao, Yu Zelong

Coverage of SCO activities in the media space of Kyrgyzstan: strategies and media images

Abstract. The article analyzes the features, media strategies and specifics of media image construction when covering the activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the leading mass media of the Kyrgyz Republic. Based on a content analysis of materials from state and independent digital publications in Kyrgyzstan, the author identifies key frameworks used in representing multilateral cooperation in the fields of security, economics, and humanitarian ties. The paper examines the balance between the national interests of the republic and regional integration processes in the mirror of the Kyrgyz press. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the role of young journalists in shaping a constructive information agenda in the Eurasian space.

Keywords: media space of Kyrgyzstan, SCO, international journalism, media image, agenda construction, framing, integration processes.

Authors: *Shen Yihao, Postgraduate Student,* Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. E-mail: shenyihao8@gmail.com
Yu Zelong, Postgraduate Student, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. E-mail: kaaabe8@gmail.com

For citation: Shen Yihao, Yu Zelong. Coverage of SCO activities in the media space of Kyrgyzstan: strategies and media images. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, pp. 75—78. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.65.81.010.

Введение

В условиях геополитической турбулентности середины 2020-х гг. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) выступает в качестве одного из ключевых гарантов стабильности и экономического развития в Центрально-Азиатском регионе. Киргизская Республика, являясь одним из государств — основателей организации, активно интегрирована во все сферы ее деятельности.

В данном контексте национальные масс-медиа Киргизии играют стратегическую роль: они не просто транслируют официальные пресс-релизы, но и выступают институтом формирования общественного мнения, конструируя определенные медиаобразы партнеров по организации (в частности, России и Китая) и оценивая эффективность многосторонних проектов. Исследование медийных дискурсов и стратегий киргизской прессы в отношении ШОС обладает высокой научной актуальностью для теории международной журналистики [Шестакова, 2024, с. 141—146].

Методология исследования

Методологическую основу работы составили теория установления повестки дня (Agenda-setting) и концепция фрейминга (Framing). В качестве эмпирического материала были взяты публикации за период 2024—2026 гг. из таких репрезентативных источников, как КТРК (Национальная телерадиовещательная корпорация Киргизии), государственное информагентство «Кабар», а также ведущие независимые онлайн-ресурсы (AkiPress, Вечерний Бишкек). Основными методами послужили качественный и количественный контент-анализ, а также дискурс-анализ текстов.

Результаты исследования и дискуссия

1. Основные тематические фреймы в киргизских СМИ.

Контент-анализ показал, что освещение деятельности ШОС в медиапространстве Киргизии четко разделено на три доминирующих фрейма.

Фрейм «Безопасность и стабильность» — исторически базовый. Государственные СМИ Киргизстана акцентируют внимание на совместной борьбе с «тремя силами зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм). Публикации носят подчеркнуто позитивный или нейтрально-официальный характер.

Фрейм «Экономическая интеграция и инфраструктура» наиболее дискуссионный. Независимые медиа Киргизстана уделяют пристальное внимание практической выгоде для республики от участия в проектах ШОС (транспортный коридор Китай—Киргизстан—Узбекистан, инвестиционные проекты, логистические хабы). Здесь журналисты часто используют аналитический подход, взвешивая экономические риски и выгоды.

Гуманитарный фрейм: освещение культурных обменов, образовательных грантов Университета ШОС, молодежных форумов.

2. Специфика конструирования медиаобразов стран-партнеров.

В киргизско- и русскоязычной прессе республики наблюдается различие в акцентах:

• русскоязычные медиа Киргизстана чаще опираются на информационные поводы, связанные с российско-киргизским взаимодействием в рамках ШОС, подчеркивая традиционные союзнические отношения и общее евразийское информационное пространство [Вартанова, Вихрова, 2022, с. 15—22];

• киргизскоязычные ресурсы больше концентрируются на прагматических аспектах сотрудничества с КНР и соседними центральноазиатскими республиками (Казахстан, Узбекистан), уделяя внимание вопросам приграничной торговли и суверенитета.

3. Проблемы международной журналистики в КР.

Анализ материалов выявил системную проблему профессиональных кадров. Молодые журналисты Киргизстана при освещении саммитов и инициатив ШОС часто сталкиваются с дефицитом глубокой аналитики. Большинство публикаций (более 70 %) носят репортажный или сугубо хроникальный характер, являясь перепечатками официальных заявлений. Наблюдается нехватка пула профессиональных политических обозревателей, способных переводить сложный дипломатический язык организации на уровень запросов и интересов рядовых граждан республики [Сатыбалдиева, 2025, с. 77—83].

Заключение

Медиапространство Киргизстана демонстрирует взвешенный и прагматичный подход к освещению деятельности ШОС. Конструируемый в прессе медиаобраз организации ассоциируется у аудитории со стабильностью и экономическими возможностями. Для повышения качества международной журналистики в республике необходимо стимулировать создание специализированных программ магистратуры и докторантуры (PhD), направленных на изучение медиадипломатии и интеграционных процессов, что позволит молодым журналистам Киргизии более эффективно представлять национальные интересы в глобальном информационном поле.

Библиографический список

Вартанова Е.Л., Вихрова О.Ю. Медиасистема России в контексте евразийской интеграции // Медиаскоп. 2023. Вып. 2. С. 15—22.

Сатыбалдиева А.Т. Роль масс-медиа в формировании имиджа интеграционных объединений (на примере ШОС и ЕАЭС в КР) // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. 2025. № 2. С. 77—83.

Шестакова Н.А. Внешнеполитические приоритеты Кыргызстана и их отражение в национальных СМИ // Известия вузов Кыргызстана. 2024. № 5. С. 141—146.

References

Satybaldieva A.T. Rol' mass media v formirovanii imidja integracionnih obedinenii (na primere ShOS i EAES v KR) [The Role of Mass Media in Shaping the Image of Integration Associations (the Case of the SCO and EAEU in the Kyrgyz Republic)]. *Vestnik KNU im. Zh. Balasagyna* [Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn], 2025, no. 2, p. 77—83. (In Russ.).

Shestakova N.A. Vneshnepoliticheskie prioriteti Kirgizstana i ih otrajenie v nacionalnih SMI [Foreign Policy Priorities of Kyrgyzstan and Their Reflection in the National Media]. *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana* [Proceedings of Higher Educational Institutions of Kyrgyzstan], 2024, no. 5, p. 141—146. (In Russ.).

Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu. Mediasistema Rossii v kontekste evraziiskoi integracii [The Media System of Russia in the Context of Eurasian Integration]. Mediaskop, 2023, no. 2, p. 15—22. (In Russ.).

Поступила в редакцию: 24.06.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: June 24, 2026
Accepted: Aug 31, 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.11.011

Круглый стол «ИКСА РАН: грядущие 60 лет»

Для цитирования: Круглый стол «ИКСА РАН: грядущие 60 лет» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 79—104.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.11.011.

Round Table “ICCA RAS: next 60 years”

For citation: Round Table «ICCA RAS: next 60 years». *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, pp. 79—104. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.11.011.

В ИКСА РАН 20 мая 2026 г. прошел молодежный круглый стол «ИКСА РАН: грядущие 60 лет», организованный Советом молодых ученых Института. Мероприятие приурочено к 60-летию ИКСА РАН и посвящено разговору о будущем стран и регионов, которые Институт изучает уже многие десятилетия.

Открыли мероприятие директор ИКСА РАН, д. филолог. н. К.В. Бабаев и заместитель директора, к.э.н. Т.Е. Горчакова. Они отметили, что сегодня особенно важно не только анализировать происходящее в мире, но и пытаться смотреть вперед — понимать, как будут меняться международная политика, экономика и роль отдельных регионов в ближайшие десятилетия.

В круглом столе приняли участие:

Е.С. Пыльцина, к.э.н., ученый секретарь ИКСА РАН, с.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;

К.В. Асмолов, к.и.н., в.н.с. Центра корейских исследований ИКСА РАН;

Т.М. Мамахатов, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

А.Ч. Мокрецкий, с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

Е.О. Заклязьминская, к.э.н., руководитель Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;

А.Ю. Фадеева, н.с. Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;

А.В. Волошина, н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН;

И.С. Виноградов, к.и.н., с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

С.Н. Жилкибаев, независимый исследователь, востоковед;

Л.И. Семина, с.н.с. Центра корейских исследований ИКСА РАН;

А.Д. Александрова, н.с. Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН;

А.В. Котов, к.э.н., в.н.с., зав. сектором экономики ФРГ Центра германских исследований Института Европы РАН;

Ю.А. Мамаева, м.н.с. экспертно-аналитической лаборатории Восточной и Юго-Восточной Азии Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН;

Д.А. Юкнелите, ст. лаборант-исследователь Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН;

А.И. Купалов-Ярополк, м.н.с. Центра российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН;

У.А. Кукина, м.н.с. Сектора монгольских исследований ИКСА РАН;

Р.Е. Жилин, м.н.с. Отдела европейской безопасности Института Европы РАН;

М.А. Шапор, к.э.н., с.н.с. Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН;

Н.В. Пичугин, м.н.с. Центра политических исследований и прогнозов ИКСА РАН;

Нгуен Тхи Хаи Ань, ст. лаборант-исследователь Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;

А.А. Попов, аспирант ИКСА РАН.

«Мировая политика и международные отношения»

Е.С. Пыльцина. Доклад Е.С. Пыльциной посвящен анализу нового этапа американо-китайского противостояния — «технологической войне», разворачивающейся по четырем ключевым измерениям: полупроводники и искусственный интеллект, прикладные высокотехнологичные решения (робототехника, электротранспорт, БПЛА), чистая энергетика и критические ресурсы, а также цифровая инфраструктура. Уже во введении задается главная теоретическая рамка: «переход от глобализации к геоэкономической фрагментации превратил технологии из инструмента сотрудничества в рычаг геополитического давления». США и Китай, продвигая несовместимые стандарты и стремясь снизить технологическую взаимозависимость, превратили Юго-Восточную Азию в эпицентр глобального сдвига — «одновременно важный производственный центр и арену борьбы за цифровое влияние».

Автор вводит понятие «неотехнонационализма» как идеологии, консолидировавшейся вокруг группы американских технологических предпринимателей — выходцев из «PayPal-мафии» (Илон Маск, Питер Тиль, Джейкоб Хелберг и др.).

В отличие от традиционных лоббистов, эти акторы предлагают «целостную геополитическую картину, в которой технологическое лидерство США напрямую увязывается со сдерживанием Китая». Практическим воплощением этой идеологии стала инициатива Госдепартамента Pax Silica, позиционируемая как способ обезопасить вычислительные мощности и важнейшие минералы, контролируя цепочки поставок в обход КНР. Само название апеллирует к образу стабильного и процветающего порядка, призванного убедить партнеров в долгосрочных выгодах участия.

Реакция государств АСЕАН на инициативу Pax Silica оказалась глубоко поляризованной, и авторы демонстрируют это через три страновых кейса. Сингапур стал единственным государством Юго-Восточной Азии среди первоначальных подписантов декларации, представив участие как поддержку «критически важных для государства отраслей, таких как ИИ, цифровая инфраструктура и передовые технологии», хотя конкретные механизмы взаимодействия все еще остаются предметом согласований. Филиппины, присоединившись к альянсу тринадцатыми, анонсировали создание Зоны экономической безопасности в коридоре Лусон, которая станет «первым центром ускорения ИИ-инвестиций, предназначенным для поддержки американских цепочек поставок». Малайзия, напротив, демонстрирует стратегию балансирования: готовясь зафиксировать крупные инвестиции от китайских полупроводниковых игроков в особую экономическую зону Джохор-Сингапур, Куала-Лумпур стремится извлекать выгоды из обоих центров силы.

Особое место в докладе занимает анализ институционально-правовых аспектов лусонской Зоны экономической безопасности. Территория будет «предоставлена американской стороне в безвозмездное пользование на два года» и беспрецедентно для зарубежных экономических зон «будет функционировать в юрисдикции американского общего права, обладая при этом дипломатическим иммунитетом». Автор констатирует, что обеспечение американской экономической безопасности фактически требует от государств-партнеров ограничения собственного национального суверенитета на выделенных территориях. Критики проекта характеризуют его как «масштабную распродажу» национального суверенитета, земель и минеральных ресурсов, тогда как сторонники видят в нем трамплин для технологической модернизации. Автор отмечает, что в случае обострения конфликта подобная зона «может мгновенно трансформироваться из производственного кластера в логистический и разведывательный узел двойного назначения».

Центральной ареной противостояния стала сфера искусственного интеллекта. США делают ставку на экспорт полного набора ИИ-инструментов и масштаб экосистемы, одновременно «наращивая давление на страны Юго-Восточной Азии, требуя соблюдения экспортных ограничений и пресечения предполагаемых каналов поставок полупроводниковых чипов в Китай». Китай, напротив, акцентирует открытость: Пекин делает ставку на открытые и нередко бесплатные модели ИИ, адаптируемые под локальные языки и потребности без жесткой привязки к проприетарным экосистемам. Лакмусовой бумажкой дозволенных «границ» для региона стала попытка Малайзии запустить суверенную ИИ-экосисте-

му на базе китайских чипов Huawei, от которой под давлением Вашингтона пришлось отказаться. Если Вашингтон «перегнет палку, навязывая странам ЮВА отказ от китайских технологий, это может дать и обратный эффект и подтолкнуть регион к выбору в пользу Китая».

Особый раздел посвящен борьбе за критические минералы и цифровую инфраструктуру. Китай удерживает около 70 % мировой добычи редкоземельных металлов и 90 % мощностей по их переработке, а страны ЮВА, располагая 20 % их мировых запасов, вынуждены экспортировать сырье в КНР, «фактически закрепляя свою интеграцию в китаецентричную ресурсообеспечивающую модель». В сфере телекоммуникаций большинство государств региона избрали мультивендорный подход, привлекая поставщиков из третьих стран (Японии, Франции, Германии) ради сохранения безопасности и независимости сети. Страны АСЕАН уже обеспечивают около 30 % мирового экспорта полупроводников, однако оборотной стороной этих успехов стало превращение региона в объект протекционистских мер со стороны обеих держав.

В заключение: главной угрозой для ЮВА остается риск «цифрового колониализма» — «перспектива превращения региона исключительно в сборочный цех, полигон для конкуренции чужих стандартов или сырьевой придаток, несущий экологическое бремя добычи критических минералов». Вместе с тем доклад отвергает образ АСЕАН как пассивного игрока: регион «демонстрирует широкий спектр прагматичных и адаптивных стратегий» и «волю государств ЮВА к сохранению собственной политической и экономической субъектности». Путь к снижению рисков видится в углублении региональной интеграции на основе таких инструментов, как Рамочное соглашение по цифровой экономике АСЕАН (DEFA), а ключевой задачей блока называют «сохранение стратегической автономии через диверсификацию партнеров, технологический суверенитет и углубление внутренней интеграции».

К.В. Асмолов. Прогнозирование для себя и для родины отличается только входными данными. Ошибки те же, приемы те же. Прогнозирование состоит из двух разделов: анализ данных и собственно прогнозирование как умение объяснить итог этого анализа. Последнее довольно важно, потому что часто требует комплекса навыков, не связанных напрямую со способностями аналитика.

Аналитик-прогнозист должен очень грамотно идти между своими желаниями и страхами, тогда он обретет объективность и будет смотреть в окно, а не в зеркало, потому что розовые и черные очки одинаково ограничивают зрение.

Прогноз должен иметь основу в виде верных вводных. Можно сделать (формально) совершенно верный прогноз, основанный на неверной или неполной информации. И он окажется ложным.

Хороший прогноз состоит из двух частей: что будет и что должно быть сделано, чтобы это было/этого не было. Прогнозы часто говорятся сегодня, чтобы не сбыться завтра. Если предсказанная катастрофа не сбывается, это был отличный прогноз. Он учитывает те факторы, которые существуют в настоящем, но, как правило, игнорирует факторы, которые могут появиться в будущем. Прогноз может учитывать некоторые тренды и предполагать, что в будущем появится то или

это, но эти представления о том, что будет изобретено, тоже базируется на знании настоящего. Однако на деле прогнозирование будущего — это умение понять, какие принципиально новые тренды могут в нем возникнуть.

Есть четыре группы прогнозов, которые ими не являются — это «антипрогнозы» как предупреждения, апокалипсические прогнозы как предмет продаж и частный случай продажи плохих товаров, долгосрочные прогнозы как разновидность социальной фантастики и псевдопрогнозы, обслуживающие тот или иной политический дискурс.

Т.М. Мамахатов. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) направлена на укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-членами, содействие их сотрудничеству в различных сферах (политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной и др.), а также совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе. ШОС также стремится содействовать построению нового демократического, справедливого и рационального международного политического и экономического порядка.

Озвученная 1 сентября 2025 г. в Тяньцзине на полях саммита ШОС Си Цзиньпином «Инициатива глобального управления» (ИГУ) продолжила линию трех предыдущих глобальных инициатив: «Инициативы глобального развития», «Инициативы глобальной безопасности» и «Глобальной цивилизационной инициативы».

Выдвинутая Инициатива получила полную поддержку от лица стран — членов ШОС, а также российского государства.

На прошедшем Саммите ШОС руководство России и Китая выразили удовлетворение позитивной динамикой российско-китайского всеобъемлющего взаимодействия, углубленно обсудили двустороннюю повестку важности российско-китайских отношений в рамках ШОС. Стороны также коснулись вопросов практического взаимодействия России и Китая, включая их гуманитарную составляющую. Углубленный обмен мнениями состоялся по вопросам взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Руководителями стран была подчеркнута важность укрепления тесной координации между двумя странами на международной арене, в том числе в ООН и ее Совете Безопасности, ШОС, БРИКС, «Группе двадцати» и АТЭС.

Главы России и Китая подтвердили твердую взаимную поддержку в вопросах, затрагивающих коренные интересы друг друга, включая защиту суверенитета, территориальной целостности и государственного единства во всем его региональном и этническом многообразии.

Российская сторона полностью поддерживает и разделяет выдвинутые Китаем глобальные инициативы. ИГУ отражает долгосрочное видение внешней политики КНР и на практике способствуют развитию ключевой внешнеполитической доктрины «сообщества единой судьбы человечества». В среднесрочной перспективе с усилением роли КНР инициативы будут служить для утверждения КНР в роли великой державы, ответственной за решение международных конфликтов и поддержание безопасности, что особенно важно в ситуации,

когда статус США для главного донора безопасности в ряде регионов, снижается.

В рамках «Инициативы глобального управления» было сформулировано пять принципов: соблюдение суверенного равенства, приверженность международному праву, подлинный многосторонний подход, ориентация на человека и акцент на практическую реализуемость. Россия полностью разделяет представленные принципы и считает, что это должно стать ответом на мировую турбулентность, рост протекционизма и кризис глобализации.

Суверенное равенство выступает краеугольным принципом инициативы. Путин и Си Цзиньпин считают, что страны — большие и малые, богатые и бедные, развитые и развивающиеся — должны участвовать в глобальном управлении на равных правах и в равной степени пользоваться его результатами. Китай на протяжении последних лет настаивает на демократизации международных отношений, усилении роли развивающихся стран и поддержке ведущей роли ООН как центра международной системы. Россия же отстаивает свое право на независимость и полный суверенитет во внешней и внутренней политике, без вмешательства мирового гегемона.

А.Ч. Мокрецкий. По заветам В.И. Ленина, внешняя политика является продолжением внутреннего курса страны. Китайская дипломатия не является исключением. Она служит, прежде всего, для активного создания благоприятных международных условий в целях устойчивого развития государства.

На 18-м съезде КПК с 8 по 14 ноября 2012 г. были обнародованы «две столетние цели»: к 100-летию КПК (2021 г.) достичь всестороннего построения общества малого благоденствия «сяокан»; к столетию образования КНР (2049 г.) построить богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное, гармоничное и красивое государство.

В 2017 г. коллектив ученых университета Цинхуа во главе с известным китайским экономистом Ху Аньганом сделал прогноз, согласно которому Китай вступит в «средний этап социализма», как только завершит «две столетние цели», т. е. после 2050 г. При этом предстоит решить как минимум две исторические задачи: во-первых, к столетию начала политики реформ и открытости Китая (2078 г.) построить «высокоразвитое демократическое, цивилизованное, гармоничное и экологичное социалистическое современное государство», то есть реализовать «третью столетнюю цель борьбы»; во-вторых, к концу текущего столетия осуществить великое возрождение китайской нации.

В заключение хотелось бы ответить на вопрос, озвученный в названии доклада. Что ждет китайскую дипломатию спустя 60 лет? Безусловно, страна будет занята достижением двух «столетних целей» и гипотетической третьей. «Головокружения от успехов» возможны и могут влиять на принятие решений руководства. При этом комплекс нерешенных проблем развития вкупе с появлением новых ставит Пекин перед дилеммой: различные сценарии, в том числе самые негативные, не исключаются, но представляются маловероятными.

Е.О. Заклязьминская. Период 1946—1991 гг. был отмечен холодной войной, расколовшей мир на два лагеря во главе с США и СССР, однако уже с середины

1950-х гг. в социалистическом блоке возникла трещина — начался советско-китайский раскол (中苏分裂), когда Пекин сформулировал концепцию «советской угрозы», а в 1969 г. дело дошло до прямых вооруженных столкновений на границе. Параллельно Китай искал выход из изоляции, пытаясь наладить контакты с капиталистическим миром. В 1971 г. «пинг-понговая дипломатия» (乒乓外交) и первые контакты спортсменов США и КНР открыли «новую страницу» двусторонних связей. За ними последовали визиты Г. Киссинджера, возвращение КНР в ООН и историческая поездка президента США Р. Никсона в Китай, завершившаяся подписанием Шанхайского коммюнике. В 1979 г. дипломатические отношения между США и КНР были восстановлены — это стало отправной точкой для будущей экономической интеграции, и в тот же период Советский Союз оказывался в положении «третьего лишнего». С началом политики реформ и открытости Китай активно встраивался в глобальную экономику, и лишь в середине 1980-х гг. Дэн Сяопин инициировал пересмотр отношений с Москвой, призвав «закрыть прошлое, открыть будущее», а распад СССР в декабре 1991 г. окончательно разрушил старую архитектонику. Еще в марте 1990 г. Дэн Сяопин отметил, что «прежняя мировая архитектура рушится, но процесс не завершен», и принципиально важным стало признание, что мир становится многополярным, а Китай — один из его полюсов, однако, по словам самого Дэна, «лидерство Китаю не по силам, в нем нет пользы, поскольку оно сковывает инициативу». Именно тогда были сформулированы знаменитые «заветы Дэн Сяопина в 28 иероглифах» — «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявлять выдержку, держаться в тени, защищать свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть на первое место и при этом делать что-то реальное[1]». Эта стратегия позволила Китаю в 90-е гг. выстроить отношения как с Россией, ставшей стратегическим партнером в 1996 г., так и с США, получившими аналогичный статус в 1998 г.

Первое десятилетие XXI в. стало периодом формирования «Кимерики» (Chimerica, 中美共生体) — феномена глубокой экономической взаимозависимости двух сверхдержав, закрепленной вступлением КНР в ВТО в 2001 г. и подписанием с Россией «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». К 2010 г. Китай стал второй экономикой мира, а в 2013 г. Москва и Пекин провозгласили отношения нового типа между великими державами. Однако уже к середине 2010-х гг. вектор сменился: запуск евразийской инициативы Пекина «Пояс и путь», объявление Россией и Китаем «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающего в новую эпоху» и принятие плана «Сделано в Китае — 2025» были восприняты в Вашингтоне как прямой вызов. С 2017 г. началась торговая война 1.0, к 2018 г. Китай был официально признан «стратегическим конкурентом», а в апреле 2021 г. США приняли «Закон о стратегической конкуренции», в котором Китай был назван основным конкурентом, задействующим политические, экономические, военные и идеологические рычаги для достижения глобального равенства с США — Китай ответил усилением

[1] Кит. 冷静观察、稳住阵脚、沉着应付、韬光养晦、善于守拙、决不当头、有所作为 (прим.авт.).

«дипломатии боевых волков» (战狼外交). Параллельно углублялось стратегическое партнерство Китая и России, которое с 2021 г. было объявлено «не имеющим ни пределов, ни запретных зон, ни высшей ограничительной планки». Углубление украинского кризиса в феврале 2022 г., более выраженный «Поворот на Восток» у России и рост конкурентоспособности у Китая привели к попыткам США затянуть «санкционную петлю» вокруг Москвы и Пекина одновременно.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в январе 2025 г. спровоцировало новый виток торговой войны (2.0), пять раундов напряженных переговоров и жесткий отпор Пекина, который симметрично отвечал и применил крайнюю меру, разыграв «редкоземельную карту». К октябрю 2025 г. было заключено хрупкое годичное перемирие, однако уже в феврале 2026 г. разразились ближневосточные события, которые привели к глубокому энергетическому кризису в мире и поставили под угрозу предстоящий визит Трампа в КНР, который в итоге состоялся на месяц позже, в мае. На фоне глобальных потрясений США и КНР продлили торговое «перемирие» еще на 18 месяцев и зафиксировали на три года доктрину «конструктивной стратегической стабильности» между странами, основанную на трех принципах — сотрудничества как основы, здоровой и контролируемой конкуренции и управляемых разногласиях. Пекин отчетливо демонстрировал всему миру усталость от нестабильного поведения Вашингтона. Последовавший следом визит российского Президента в Китай, напротив, подтвердил надежность и предсказуемость отношений между странами: Россия и Китай отпраздновали 30-летие стратегического партнерства и 25-летие «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», была подписана «Декларация о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа», документ об углублении партнерства, а «Большой договор» был пролонгирован еще на 5 лет.

Делая средне- и долгосрочные прогнозы, приходим к выводу, что с высокой вероятностью поиски баланса в «стратегическом треугольнике» продолжатся. Китай будет придерживаться политики «управляемой конкуренции» с США и «управляемого сближения» с Россией, тогда как Россия продолжит углублять сотрудничество с КНР, одновременно предпринимая попытки возобновить конструктивный диалог с Западом, а США, столкнувшись с крахом попыток восстановить однополярную гегемонию, будут вынуждены смириться с ролью одной из вершин нового многополярного мира, где основной ценностью станет справедливость. Появятся механизмы взаимных сдержек: Россия и Китай будут ограничивать друг друга от гегемонистских амбиций, и такая система «сдержек и противовесов» (制衡机制) станет стабилизирующим фактором международных отношений. Все больше государств обратятся к концепции «государства-цивилизации» (文明国家), переосмысливая свое колониальное и колонизаторское прошлое и обращаясь к истокам национальной идентичности, система контроля над средствами массового уничтожения сохранится, однако страны-изгои постепенно утратят изолированный статус и вольются в мировое сообщество. Среди угроз сохраняется международный терроризм, но тотальный контроль государств и привычка граждан к прозрачности частной и общественной жизни приведут к установлению тотального порядка. Открытыми, на наш взгляд, на долгие

годы останутся три ключевых вызова: пределы использования ИИ, границы национальной пропаганды и вопрос роботизации мира.

А.Ю. Фадеева. В последние годы российская политика в Евразии все чаще становится объектом внимания китайских исследователей. Такой интерес связан как с растущей ролью Евразии в мировой политике, так и с активным участием Китая в региональных интеграционных процессах. Анализ китайских оценок позволяет не только лучше понять восприятие России за рубежом, но и увидеть, каким образом российская политика вписывается в более широкий контекст формирования многополярного мира.

Истоки современной евразийской политики России китайские исследователи связывают с развитием идеи евразийства, возникшей в первой половине XX в. После распада СССР данная концепция получила новое развитие и стала одной из интеллектуальных основ интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), развитие концепции Большого Евразийского партнерства и выдвижение инициатив по формированию новой архитектуры безопасности Евразии рассматриваются как продолжение этой традиции.

По мнению многих китайских экспертов, современная российская политика в Евразии представляет собой стратегию балансирования. Ее основная цель заключается в сохранении стратегической автономии России, укреплении ее позиций в Евразии и участии в формировании многополярного мирового порядка. В китайском экспертном дискурсе обычно выделяются три измерения данной стратегии: силовое, связанное с вопросами безопасности; идейное, основанное на концепциях многополярности и Большой Евразии; и институциональное, реализуемое через развитие интеграционных механизмов, прежде всего ЕАЭС.

Вместе с тем китайские исследователи обращают внимание на существующие ограничения российской стратегии. Среди них выделяются многовекторная политика государств Центральной Азии, экономические ограничения и сложная международная обстановка. В связи с этим все большее значение приобретают не только традиционные инструменты влияния, но и развитие транспортных, финансовых, технологических и гуманитарных связей.

Проведенный анализ показывает, что китайские исследователи рассматривают российскую политику в Евразии не как совокупность отдельных инициатив, а как попытку сформировать собственную модель регионального порядка. В связи с этим ключевой вопрос заключается в том, сможет ли Россия в дальнейшем объединить существующие политические, экономические и интеграционные проекты в единую стратегическую систему и предложить собственную модель организации евразийского пространства в условиях формирования многополярного мира.

А.В. Волошина. По результатам президентских и парламентских выборов в январе 2024 г. на Тайване сложилась ситуация разделенного правления, когда президент и законодательное большинство принадлежат к разным политическим партиям.

С декабря прошлого года на фоне усиливающегося противоборства ДПП и оппозиционных партий, затяжного конфликта в отношениях исполнительной и законодательной ветвей власти, тупика вокруг работы Конституционного суда политическая ситуация на острове приобрела отчетливые признаки конституционного кризиса.

Исполнительная власть создала прецедент превышения полномочий, изначально заложенных в конституции, отказавшись от подписания принятых в декабре 2025 г. законодательных поправок и уже через пару месяцев повторила его. Чжо Жунтай 4 марта 2026 г. отказался подписать принятые парламентом поправки еще к трем законам (к «Положению о партийных активах», «Закону о спутниковом теле- и радиовещании» и «Закону об организации Законодательного юаня»).

В обозримой перспективе путей выхода из кризиса нет: ни одна из сторон не готова к компромиссу, у администрации ДПП нет возможности проактивно распустить парламент, Законодательный юань не решается задействовать механизм вынесения вотума недоверия премьеру Чжо Жунтаю и не обладает эффективными инструментами для принуждения правительства к подписанию принятых законопроектов.

Затяжная политическая конфронтация продлится вплоть до президентских и парламентских выборов 2028 г. и имеет шанс на преодоление лишь в случае выхода Тайваня из ситуации разделенного правления по результатам этих выборов.

И.С. Виноградов. С начала XXI в. Китай превратился из незначительного игрока в доминирующую силу в Латинской Америке (ЛА), наряду с США и ЕС. Китай уже является главным торговым партнером для большинства стран Южной Америки.

Регион имеет стратегическое значение для будущего развития экономики КНР благодаря обилию природных ресурсов и критически важных сырьевых материалов (литий, медь, сельскохозяйственные ресурсы, нефть). Одновременно регион выступает емким потребительским рынком для сбыта китайских товаров.

Параллельно с поддержанием экономических связей с ЛА, Китай также укрепляет свои политические отношения с регионом, прежде всего, через форум Китай—СЕЛАК.

Китай оформляет свои подходы и стратегию в сотрудничестве с регионом в Белых книгах. Последняя, 3-я, Белая книга в отношении политики Китая в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, выпущенная МИД КНР в 2025 г., строится вокруг пяти «программ»: «Солидарность», «Развитие», «Цивилизация», «Мир» и «Связь между людьми», подтверждается роль Латинской Америки в реализации 4 глобальных инициативах, выдвинутых Си Цзиньпином в области развития, цивилизации, безопасности, управления, а также «сотрудничество в рамках Инициативы Пояс и путь (ИПП).

Китай предоставляет обширные возможности в заполнении пробелов развития инфраструктуры в регионе, развитии «зеленой экономики», цифровизации региона. Недавним примером стратегических китайских инвестиций стал запуск

мегапорта Чанкай в Перу, открывший новые логистические возможности для всего тихоокеанского побережья ЛА.

При этом для стран ЛА экспансия КНР имеет и свои издержки: ловушка сырьевой зависимости, деиндустриализация, долговая кабала, экологические риски. Доминирование в западном полушарии (возврат к доктрине Монро) при администрации Трампа вновь стало важным приоритетом внешней политики США. Вашингтон реализует политику вытеснения Китая из региона, что выразилось в давлении на Панаму (выход Панамы из ИПП, аннулирование контрактов с гонконгской СК Hutchison по управлению портами на выходах Панамского канала), захвате президента Венесуэлы Мадуро (что в итоге поставило под контроль США нефтяную отрасль Венесуэлы), усилении блокады Кубы.

Таким образом, ЛА занимает важное место в политике Китая на пространстве Глобального Юга, что подтверждено публикацией последнего официального Документа КНР о политике в отношении ЛАКБ в декабре 2025 г. Однако присутствие Китая сталкивается с растущим противодействием США и требует от Пекина гибкой стратегии защиты своих активов при сохранении своей традиционной «несиловой идентичности».

В текущих условиях перспективы китайской стратегии в регионе сложны и требуют адаптации: Китаю необходимо переходить от количественного наращивания экономических связей к более качественному подходу, качественно углублять соглашения о свободной торговле, учитывать экологические риски и опасения местного населения, глубже учитывать политические риски как в случае с Венесуэлой, мягко усиливать дипломатическую мобилизацию региона против американского гегемонизма.

С.Н. Жилкибаев. В последнее время проблематика современного Китая, находящегося под руководством Коммунистической партии, превратилась в крайне популярную.

В ходе «догоняющей» «мобилизационной» индустриализации КНР в рамках первой пятилетки, авантюр маоизма леворадикального толка и «политики реформ и открытости» рабочий класс КНР рос, но лишь внешне, формально, экстенсивно. Сильно насыщаясь огромным количеством китайского крестьянства. Это приводило к «размыванию» фабрично-заводского рабочего класса в «огромном море» китайского пролетариата (аналогичные процессы происходили среди членов КПК и народных депутатов).

Подобная «мелкобуржуазная деформация», помимо базиса (экономика и социум), затронула и надстройку (государство, право и культура). Это приводило к статусу «третьего сорта» сферу прав и свобод человека и гражданина в формальном, институциональном, а также содержательном и гарантийном плане. Институты, нормы и обеспечение социальной защиты и обеспечения населения КНР были и остаются на «остаточном положении» после макроэкономической, военной и административной политики.

Постепенное и явно недостаточное расширение социального обеспечения для закрепления «борьбы с бедностью», «достижения зажиточности» и «включения внутреннего потребления как основного драйвера экономического роста» на

протяжении истории КНР происходит не столько под весом «увеличения экономического пирога» или «мудрости китайского руководства», сколько под весом массовой усиливающейся, но стихийной и неорганизованной классовой борьбы китайских трудящихся: от протестов против маоизма до протестов против локдауна эпидемии ковида.

В отличие от административного, гражданского и экономического права, социальное право (трудовое право, экологическое право, право социального обеспечения) развивается наиболее медленно, редко, отрывочно и крайне неоднозначно в социальном плане.

Источниковая база для данных исследований крайне ограничена усиливающейся пеленой «информационного шума» и занавесом «цифровой цензуры» КНР внутри и вне страны. Однако широки и весомы перспективы дальнейшего исследования данной тематики в исследованиях, чем отчасти занимаются наши зарубежные коллеги.

«Глобальные тенденции мировой экономики»

Л.И. Семина. Экономика здравоохранения является совсем молодой отраслью научной мысли, ее появление можно отнести ко второй половине XX в. Ее понятийный аппарат и методы исследования только формируются, это мало изученная область. При этом пандемия COVID-19 продемонстрировала необходимость качественных исследований в данном направлении и повысила спрос на них. Кроме того, что данное направление экономики только формируется и ключевые гипотезы проходят этап апробации, ситуация усложняется тем, что мир сейчас находится на стадии глобального перехода, требующего разработки новых подходов, ранее не применяемых. Таким образом, данное направление исследований открывает новые вызовы и перспективы для науки на ближайшие 60 лет.

Население мира стареет, доля пожилых растет. Согласно данным доклада Население мира за 2024 г., именно ближайшие 60 лет, до 2080-х гг. данная тенденция продолжится, после чего будет наблюдаться сокращение населения. Пик достигнет 10,3 млрд человек, а к 2100 г. эта цифра составит уже 10,2 млрд. Стоит отметить, что данный прогноз корректируется, и последняя переоценка произошла из-за снижения уровня рождаемости в Китае, это говорит о том, что хорошие эксперты по Азии, которые постоянно мониторят ситуацию в регионе, очень важны. Через 50—60 лет число людей старше 65 лет превысит число детей до 18 лет и составит более 2 млрд человек. Подобные демографические изменения требуют от правительств пересматривать подходы к организации систем здравоохранения, их финансирования, готовить программы долгосрочного ухода, развивать новые технологии.

Инновации меняют структуры всех отраслей и здравоохранение не является исключением. Уже начали проводить исследования, насколько современные технологии освобождают медицинских работников от нагрузки, поэтому вопрос нехватки персонала, который остро стоит перед многими странами, может решиться и за счет внедрения новых технологий. Все это требует изучения, расчетов, рекомендаций для правительств со стороны ученых.

Что касается специфики азиатского региона, кроме того, что ряд ведущих стран первыми сталкиваются с проблемой стареющего населения и роста числа хронических болезней, что вынуждает их пересматривать существующие подходы к оказанию медицинской помощи и финансирования, еще один вызывающий интерес момент, который был недостаточно исследован, — сочетание традиционной и доказательной современной медицины. Тем самым экономика здравоохранения стран азиатского региона в ближайшие 60 лет будет востребованной темой для исследований, специалистов по которой очень мало.

А.Д. Александрова. С 2016 г. в стране наблюдается ежегодное снижение коэффициента рождаемости, поэтому проблема снижения уровня рождаемости стала одной из ключевых демографических проблем для Китая. В мае 2023 г. повышение рождаемости было признано в Китае главным социальным приоритетом, а в 2024 г. СМИ сообщали об активизации общенациональной кампании по стимулированию рождаемости в Китае. Согласно данным, опубликованным ГСУ КНР, в 2025 г. родились 7,92 млн детей (в 2024 г. — 9,54 млн детей), а численность населения сократилась на 3,39 млн человек. При этом коэффициент рождаемости на тысячу человек снизился до 5,63.

В первом квартале 2026 г. в Китае было зарегистрировано 1,697 млн новых браков, что на 6,2 % меньше, чем за аналогичный период годом ранее. Это самый низкий показатель за все время сбора подобных данных — с 2013 г. Почему так происходит? Прежде всего, это последствия политики «одна семья — один ребенок». Кроме того, сохраняющаяся высокая стоимость воспитания детей и жилья, особенно в городах, проблемы женщин в сфере занятости (например, гендерная дискриминация в отношении работающих женщин), неготовность к вступлению в брак и рождению детей, безработица среди молодежи также оказывают негативное влияние на уровень рождаемости.

Какие меры уже ввел Китай для повышения рождаемости? Были отменены все штрафы и другие санкции за рождение третьего ребенка, смягчены правила регистрации брака, введена государственная система субсидий для поддержки рождаемости и т. д. В чем состоит стратегия национального восстановления? Прежде всего, это поддержка ранее выбранного курса и введение дополнительных субсидий. Кроме того, расширение инвестиций в образование, в политику по уходу за детьми и повышению рождаемости, чтобы снизить высокие затраты на воспитание детей. Были также сняты, например, ограничения на покупку недвижимости: семьи с тремя и более детьми теперь могут покупать до трех квартир в разных городах без ограничений, а для семей без прописки введены «специальные квоты» на покупку жилья в 15 крупнейших городах, что фактически ослабляет систему Хукоу.

Однако, если стратегия национального восстановления не принесет ожидаемого эффекта, то к 2030 г. численность населения страны в возрасте 60 лет и старше достигнет примерно 390 млн, что означает переход от общества среднего возраста к обществу преклонного возраста и приведет к росту расходов на пенсионные выплаты и здравоохранение. В таком случае Китаю придется решать сразу несколько задач: создать устойчивую систему социальной защиты, учитывающую

новую демографическую реальность (например, укрепление пенсионной системы) и развивать «серебряную экономику». И если в начале 2024 г. Государственный совет Китая представил Руководство по укреплению серебряной экономики, то укрепление пенсионной системы — сложный процесс, требующий времени и проведения дополнительных реформ.

Поэтому правительство Китая продолжает реализацию комплекса мер, направленных на стимулирование рождаемости, чтобы стабилизировать демографическую ситуацию и решить проблему старения населения.

А.В. Котов. Необходимость постановки вопроса о стратегическом экономическом прогнозе взаимодействия Европы и Азии обусловлена радикальным перспективным изменением глобального баланса сил. По экспертным оценкам, к 2050 г. совокупный удельный вес Китая и Индии в мировой экономике (40 %) почти вдвое превысит долю США и ЕС вместе взятых (21 %). Зарубежная Азия в стратегическом прогнозе сохраняет лидерство в структуре асимметричной биполярности. При сжатии доли ЕС в мировом ВВП с прогнозируемых 12,6 % в 2030 г. до 9 % в 2050 г. блок встанет перед необходимостью перестроить внешнеэкономическую стратегию. Ключевыми критическими развилками прогноза является зависимость от азиатского импорта (редкоземельные металлы, полупроводники, компоненты для зеленой энергетики) и результативность выстраивания стратегии «снижения рисков» от Китая. В условиях фрагментации мирового технологического пространства прогноз помогает оценить риски технологической автономности и найти возможные точки соприкосновения в особо значимых сферах (цифровые платформы, современные стандарты связи, искусственный интеллект, квантовые вычисления).

Для европейского экономического полюса ключевыми стимулами долгосрочных изменений выступают кризис традиционной модели поставок, двойной (зеленый и цифровой) переход, ускорение развитие общеевропейского ВПК, долгосрочный пересмотр логистики. Макрорегион зарубежной Азии в целом демонстрирует опережающую модернизацию, стимулируемую внутренними факторами роста: обеспечением технологического лидерства, развитием континентальной связности, ростом применения передовых производственных технологий.

Отметим, что взаимодействие Европы и Азии разворачивается на фоне группы макроструктурных факторов, определяющих контуры перспективного хозяйственно-политического пространства Евразии. К ним относятся климатические изменения, способствующие становлению новых логистических направлений, нарастающее технологическое соперничество США и Китая, ведущее к формированию обособленных техно-экономических блоков. Для баланса взаимодействия с Китаем, Европа с высокой вероятностью будет с опережающим темпом наращивать сотрудничество с Индией. Макрорегион Центральной Азии, по нашему мнению, в этих условиях становится ключевым ресурсным ядром как для стагнирующей европейской промышленности, так и для растущих азиатских производств.

В рамках становления мирового технологического уклада экономические взаимодействия между Европой и Азией могут последовательно пройти три ключевые стадии:

— 2026—2040 гг. (период фрагментации): становление в западной и восточной части Евразии автономных технологических платформ. ЕС будет пытаться удержать лидерство за счет собственной регуляторной политики, стандартов зеленой экономики. Экономическое ядро мировой экономики окончательно смещается в Азию;

— 2040—2060 гг. (конкурентно-кооперационное взаимодействие поляризованного мира): стягивание основных мировых экономических взаимодействий в небольшое количество основных полюсов роста (Китай, США, ЕС, Индия), выстраивание пространств экономической безопасности, кристаллизация маршрутов новой морской и сухопутной логистики;

— 2060—2080 гг. (новая интеграция): складывание нового типа взаимодействий на основе роста значимости межотраслевого комплекса «вода—энергия—климат» на фоне обостряющихся природно-климатических проблем.

Контуры стратегического экономического прогноза позволяют спрогнозировать, что попытки ЕС сохранить лидерство за счет нормативного регулирования зеленых и цифровых технологий в 2026—2040 гг. принесут лишь временный эффект. Итоговый вектор развития Евразии направлен безальтернативно в сторону устойчивого роста влияния восточноазиатского экономического ядра.

В этих условиях России целесообразно продолжать долгосрочную эшелонированную работу по укреплению хозяйственно-политических взаимодействий с Центральной Азией, формированию обустроенного Трансарктического транспортного коридора будущего движения между Восточной Азией и Европой и трансазийских коридоров (Арктика — Индия), развертыванию новых промышленно-инновационных баз в Сибири, развитию взаимовыгодной кооперации полимасштабных производственно-территориальных систем Сибири и Дальнего Востока с Китаем, Монголией, государствами АСЕАН.

Ю.А. Мамаева. Китай последовательно реализует масштабную стратегию развития цифрового юаня (e-CNY), превращая его из экспериментального инструмента в ключевой элемент как внутренней финансовой системы, так и международных расчетов. Центральным этапом этой трансформации стал переход с 1 января 2026 г. от версии 1.0, воспринимаемой как «цифровые наличные» (аналог агрегата M0), к версии 2.0 — «цифровой депозитной валюте», интегрированной в более широкую денежную систему (M1/M2).

Данный переход означает не просто технологическое обновление, а значительную трансформацию в определении понятия цифровой национальной валюты. Если ранее e-CNY выступал цифровым эквивалентом наличности, то сегодня он становится полноценным финансовым активом, инструментом, встроенным в систему государственного регулирования и управления ликвидностью. Это позволяет расширить его функциональность, повысить прозрачность операций и усилить контроль над денежным обращением.

Расширение использования e-CNY закреплено на стратегическом уровне и отражено в 15-м национальном пятилетнем плане как курс на его поступательное и неуклонное развитие. В основе данной политики лежит стремление укрепить финансовый суверенитет страны и снизить зависимость от внешних платежных инфраструктур. Одновременно создается более безопасная и устойчивая система расчетов, способная эффективно функционировать в условиях глобальной неопределенности. Существенное значение придается расширению финансовой доступности, что способствует вовлечению широких слоев населения и бизнеса в цифровую экономику. Параллельно усиливается роль цифрового юаня как инструмента интернационализации национальной валюты.

Влияние e-CNY на экономику и общество уже становится заметным. Прежде всего, происходит постепенное снижение зависимости от доллара США в международной торговле и расчетах. Одновременно модернизируется финансовая инфраструктура: цифровой юань повышает эффективность, снижает транзакционные издержки и укрепляет устойчивость финансовой системы. На уровне общества меняются потребительские привычки: ускоряется цифровизация повседневных платежей и финансового поведения. Существенным преимуществом является и усиление борьбы с мошенничеством благодаря повышенной прозрачности транзакций, а также глубокая интеграция платежной системы с государственным управлением.

Переход e-CNY от пилотного проекта к массовому использованию представляет собой не просто эволюцию платежного инструмента, а ключевой этап цифровой трансформации всей финансовой системы Китая. В более широком контексте это может стать одним из наиболее значимых факторов изменения глобальной финансовой архитектуры в ближайшие годы.

Д.А. Юкнелите. Согласно данным на 2025 г., общая численность китайцев за рубежом — хуацяо — оценивается в 50 млн человек по всему миру. В Европе их количество выросло с 1,32 до 2,38 млн за период с 2010 по 2025 г. Это рост почти на 80 % за 15 лет. В одном только итальянском городе Прато сегодня проживает около 33 тыс. китайцев — это 17 % населения города.

По данным Eurostat за 2024—2025 гг., китайским студентам и исследователям выдано 44 000 разрешений на въезд в ЕС (9 % от всех учебных виз), лидеры — Германия и Франция. По программе EU Blue Card китайцы получили 4 600 разрешений (6 % от всех выданных в ЕС). Традиционная трудовая миграция сокращается: с 19 962 зарегистрированных рабочих в 2016 г. до примерно 14 700 в 2023 г. В 2025 г. страны ЕС получили от китайцев около 9 тыс. запросов на убежище, в Италии показатель вырос с 499 в 2019 г. до почти 4 тыс. в 2025 г. Через 60 лет ключевым фактором останется старение Европы (уже в 2013 г. доля населения старше 65 лет — 17,9 % во Франции и 20,8 % в Италии), в связи с чем трудовая миграция сократится по сравнению с пиковыми значениями 2000—2010 гг. (новое миграционное законодательство в Европе ориентировано на качественный рост миграции — придут специалисты в медицине, IT, инженерии, уходе за пожилыми).

Важным новшеством в области миграциологии станет изменение инструментария, уже появились такие методы, как цифровая этнография (полевое изу-

чение переместится в цифровое пространство), анализ больших данных (дешифрованные данные мобильных операторов, геолокация, транзакции в обезличенном виде), машинное обучение.

А.И. Купалов-Ярополк. Африканский рынок телекоммуникаций является одним из наиболее динамично развивающихся в мире. Траекторию прогресса в отрасли связи макрорегиона по совокупности формирует ряд значимых факторов: социально-экономических, научно-технологических, а также политических. Особую роль в развитии африканского телеком-сектора играют внерегиональные партнеры: их прямые инвестиции в проекты и содействие расширению поставок цифровой продукции заметно ускоряют модернизацию отрасли.

Лидером по объему экспорта товаров и услуг связи на континент является Китайская Народная Республика (КНР). В 2019 г. китайские смартфоны заняли 49 % африканского рынка мобильных устройств. К 2025 г. показатели экспорта телефонии КНР в государства Африки приблизились к 9 млрд долл.

Основная ставка КНР сделана на не обладающий высоким доходом сегмент африканского рынка, способный к покупке смартфона стоимостью около 100 долл. и ниже. Доказательством успешности избранной Китаем стратегии являются высокие показатели экспорта телефонных аппаратов. Одновременно с целью оптимизации цепочек поставок было сделано несколько попыток создания сборочных цехов мобильных телефонов в странах Африки.

Ключевым торговым партнером КНР в Африке является Южно-Африканская Республика (ЮАР). Техногиганты Китая Huawei и ZTE ведут активное сотрудничество с крупнейшими южноафриканскими операторами связи Vodacom и MTN. Одним из важным трендом в развитии экономических отношений двух государств значится развитие телекоммуникационной инфраструктуры поколения 5G.

В условиях конкуренции внерегиональных контрагентов на африканском телекоммуникационном рынке поставщикам из КНР в основном приходится соперничать с финской Nokia и корейской Samsung корпорациями. Тем не менее Китай сохраняет за собой лидерские позиции главных экспортеров продукции данного сектора. Оценивая ситуацию на рынке макрорегиона в ракурсе возможностей российского партнерства, следует учитывать опыт китайского участия и разрабатывать возможности расширения сотрудничества со странами Африки — в том числе, на уровне внешнеполитических концепций и отраслевых стратегий.

У.А. Кукина. Авиация в Монголии существует почти 100 лет, обеспечивая связь отдаленных районов, доступ к медицине, образованию и товарам первой необходимости, особенно в зимний период. В 1946 г. создана служба гражданской авиации, в 1956 г. основана первая национальная авиакомпания «Аэрофлот Монголии», ставшая позже MIAT Mongolian Airlines. Импорт советской техники (Як-12, Ан-2, Ил-14) и строительство аэродромов позволили сформировать сеть внутренних рейсов и первые международные маршруты (Иркутск, Пекин). В 1990-х гг. открыты новые международные маршруты, модернизирован аэропорт Чингисхан. Возникают финансовые трудности, происходит закрытие многих грунтовых аэродромов, ухудшение обслуживания и безопасности. В стране

эксплуатируются современные лайнеры: Boeing-737-MAX-8, Boeing-737-800, Boeing-767-300ER, Embraer-E190; в военной авиации — МиГ-29, Ми-24В, Ми-8/Ми-171. В стране насчитывается около 80 аэропортов, из них лишь 11 с твердым покрытием; основные хабы — Улан-Батор (Чингисхан), Ховд, Улгий, Чойбалсан; расписание часто меняется из-за сильных ветров. Существует зависимость от импортного топлива: Российская Федерация обеспечивает 100 % потребностей монгольского авиационного рынка; в 2025 г. планируется поставка до 84 тыс. т авиационного керосина в год, а в 2026 г. — 1,8—1,9 млн т нефтепродуктов. Подготовка пилотов и инженеров происходит в России и за рубежом; языковой барьер и ограниченные квоты усложняют процесс. Совместный с Россией проект поставки легкого многоцелевого самолета ТВС-2МС (модернизация Ан-2) для сельского хозяйства и охраны окружающей среды; монгольская компания MUNKH AERO получила права на поставку техники.

Ключевые проблемы развития отрасли

- Критическая зависимость от импортного авиационного керосина.
- Географическая изоляция от международных узловых аэропортов.
- Сложные климатические условия (экстремальные температуры, сильные ветры).
- Малый внутренний рынок, ограничивающий рентабельность региональных перевозок.
- Отсутствие выхода к морю, повышающее стоимость логистики и авиабилетов.

Перспективные направления развития

- Дальнейшее обновление и расширение сети аэродромов.
- Увеличение пассажиропотока (прогноз 2,5 млн человек к 2028 г.) за счет роста туризма и экономической активности.
- Развитие региональных хабов и интеграция с международными маршрутами.
- Снижение зависимости от импортного топлива через долгосрочные соглашения и поиск альтернативных поставок.
- Усиление подготовки кадров, расширение квот и развитие отечественных учебных центров.

Р.Е. Жилин. Арктика постепенно утрачивает прежнее уникальное положение «зоны мира и сотрудничества», которое сохранялось даже на фоне общемировых геополитических противоречий. Размывание арктической исключительности связано не только с ростом конфликтного потенциала в регионе, но и с усилением роли нерегиональных акторов, оказывающих все более заметное влияние на региональную динамику, в том числе в сфере безопасности, включающей экономические, энергетические, экологические и информационные измерения наряду с традиционными военно-политическими факторами.

Одновременно именно европейская часть Арктики становится пространством заметной милитаризации. Она выражается в количественном и качественном росте военных учений, появлении новых элементов НАТО, восприятии региона как зоны передового развертывания, вступлении Швеции и Финляндии в альянс, а также в усилении американского присутствия в рамках двусторонних оборонных соглашений со странами Северной Европы. Фактор США распро-

страняется и на обеспечение постоянного нахождения своих вооруженных сил в регионе, что находит отражение и в амбициях, связанных с Гренландией.

Исходя из этих двух факторов — растущей роли нерегиональных государств и повышения конфликтного потенциала в европейской Арктике под влиянием США — ключевое значение приобретают отношения Китая со странами Северной Европы по арктической линии. Эта тема становится особенно актуальной в условиях риторики действующей администрации США.

США рассматривают Китай как прямую угрозу региональной безопасности в Арктике. В действующих стратегических документах, принятых еще при администрации Байдена, Китай уже был обозначен как фактор, вызывающий обеспокоенность в сфере безопасности. Именно этот аргумент, присутствие китайских военных кораблей и подводных лодок, используется в риторике Трампа как одно из оснований необходимости присоединения Гренландии к США. Таким образом, «угроза» Китая в Арктике в американской интерпретации выступает одной из тенденций, влияющих как на трансатлантические отношения, так и на более широкую глобальную динамику безопасности.

Страны Северной Европы имеют длительную историю взаимодействия с Китаем, как в экономической сфере, так и в контексте вклада страны в арктическую повестку. Китай прошел стандартные для азиатской державы этапы институционального и политического закрепления присутствия в регионе: установил научное сотрудничество с Норвегией на Шпицбергене, изучал экономические и политические возможности, участвовал в арктических исследованиях и работе Арктического совета.

Арктические стратегии и стратегии национальной безопасности стран Северной Европы не рассматривают Китай как непосредственную угрозу, сосредотачивая основное внимание на России. В этом проявляется расхождение между американским и европейским подходами к роли Китая в арктической динамике безопасности. Это подтверждается и в публичных заявлениях представителей Северной Европы относительно Китая.

Хотя Арктика действительно входит в фазу раскрытия конфликтного потенциала, в наиболее трансформирующейся ее части, европейском регионе, Китай не воспринимается как прямой дестабилизирующий фактор в краткосрочной перспективе. Сотрудничество России и Китая в Арктике вызывает обеспокоенность европейских государств, однако на данный момент не расценивается как реальная военная угроза. Вместе с тем гибридная природа арктических угроз может в будущем усилить опасения стран Северной Европы в отношении Китая, особенно с учетом американского позиционирования в регионе.

М.А. Шапор. В рамках данного доклада обратимся к относительно далекому для всех нас будущему, 80-е гг. XXI в., и посмотрим, то есть попробуем немного пофантазировать и предположить, как изменится роль Китая в этот новый — пока еще нам совершенно неизвестный и абсолютно неясный период — в рамках уже хорошо нам известных объединениях — ШОС и БРИКС. Естественно, никакие частные моменты мы не сможем и не будем анализировать — рассмотрим ис-

ключительно **стратегические направления до 2085 г.**, представленные в форме следующих трех блоков.

1. **Экономическое доминирование (2025—2050 гг.)**, включающее в себя возможность достижения Китаем к 2050 г. показателей «полностью развитой модернизированной социалистической державы». Согласно материалам прогноза Goldman Sachs, к середине века ВВП Китая достигнет 41,9 трлн долл., что позволит КНР закрепить за собой статус крупнейшей экономики мира. В рамках данного **(экономического) блока** следует отметить, что ШОС и БРИКС станут основными площадками для внедрения альтернативных платежных систем, обходящих доллар США, на основе действующих в этих странах своих собственных банков развития.

2. **Технологическое и экологическое лидерство (2050—2060 гг.)**, включающее в себя **возможность достижения КНР «углеродной нейтральности» к 2060 г.,** где ШОС выступит площадкой для продвижения своих «зеленых» технологий в Евразии. **Вторым направлением** в рамках данного раздела **создание Центра сотрудничества по искусственному интеллекту**. Кроме того, страны БРИКС активно вовлекаются в китайские проекты по исследованию Луны.

3. Заключительным рассматриваемым блоком является такое направлением, как **демографическая трансформация и лидерство**, реализация которого планируется до 2085 г., и включает в себя два момента.

- Несмотря на прогнозируемое сокращение населения до **610 млн к 2100 г.**, **Китай делает ставку на качественный рост — «сообщество единой судьбы человечества»**.
- Кроме того, в долгосрочной перспективе БРИКС трансформируется из экономического клуба в полноценный механизм **глобального управления, где Китай через инвестиции (Банк развития ШОС, НБР БРИКС)** обеспечивает лояльность стран-партнеров.

Таким образом, исходя из представленного доклада, можно сделать вывод, что значимость Китая в этих блоках (ШОС и БРИКС), в том числе и на перспективу, напрямую зависят от способности КНР минимизировать внутренние демографические риски и предложить партнерам систему, где лидерство не означает прямое доминирование, а позволяет реализовать полноценное партнерство внутри объединений.

Н.В. Пичугин. На 2026 г. *специальные кампании* по регулированию информационного пространства выступают индикатором активизации законодательной политики китайских властей и механизмом контроля над исполнением нововведенных плановых, нормативных правовых и подзаконных актов. Подводя итоги «14-й пятилетки», Чжуан Жунвэнь, председатель Канцелярии Комиссии ЦК КПК по сетевой безопасности и информатизации, в качестве иллюстрации успехов в совершенствовании системы управления интернет-средой выделил факт проведения более 60 специальных кампаний «Чистая и прозрачная сеть» (清朗行动). Наблюдается постепенная трансформация специальных кампаний в качестве управленческого инструмента из «чрезвычайного» в «системный». За 2025 г. Администрацией киберпространства КНР было проведено 10 специаль-

ных кампаний «Чистая и прозрачная сеть». Устоявшейся практикой становится обнародование планируемых к проведению специальных кампаний с указанием направлений работы в начале каждого года. В перспективе мобилизационные возможности специальных кампаний могут быть расширены за счет вовлечения граждан в процесс саморегулирования информационного пространства с помощью таких средств, как система жалоб населения на нарушения в сети Интернет.

Искусственный интеллект и связанные с ним отрасли имеют высокий потенциал для становления одним из основных драйверов экономического развития КНР. В конце июля 2025 г. Государственный совет принял «Мнение о дальнейшем углубленном внедрении инициативы “ИИ+”». В качестве одной из задач в документе был зафиксирован курс на дальнейшее усиление правового регулирования ИИ в контексте обеспечения национальной информационной безопасности. Лидерство в сфере ИИ, включая его правовое регулирование и применение для обеспечения общественной безопасности, может усилить позиции КНР в вопросе регулирования международной информационной безопасности, а также в качестве поставщика решений информационной безопасности.

Китай стремится к достижению мирового лидерства в сфере *гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта*, что сопряжено с возможностями эффективного управления рисками и угрозами. В декабре 2025 г. при Министерстве промышленности и информатизации КНР был создан Технический комитет по стандартизации в сфере гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта. На первом заседании указанного ведомства (которое планируется проводить ежегодно) «Система стандартов в сфере гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта» была представлена 28 февраля 2026 г. В перспективе гуманоидные роботы и воплощенный интеллект могут стать неотъемлемой частью китайских международных проектов по строительству умных городов. К примеру, в 2025 г. в Пекине был создан автономный городской демонстрационный район гуманоидных роботов. Китайское правительство на институциональном, правовом и инфраструктурном уровне закладывает фундамент, который может привести становлению КНР в качестве одного из ведущих мировых центров производства и распространения гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта.

На современном этапе в КНР *технологии распознавания лиц* в контексте обеспечения общественной безопасности реализуются преимущественно через два ключевых направления: системы видеонаблюдения (视频监控系统) и системы контроля и управления доступом (门禁系统). Указанные системы являются неотъемлемыми в процессе обеспечения информационной безопасности КНР. В стране 1 июня 2025 г. вступили в силу «Меры по управлению безопасностью применения технологий распознавания лиц», разработанные Государственной канцелярией интернет-информации совместно с Министерством общественной безопасности. В документе в качестве основных правовых регулирующих норм был закреплен принцип «информированного согласия» и уникальный в его интерпретации в КНР принцип «минимальной необходимости». Использование принципа «минимальной необходимости» направлено на усиление партийно-государственного контроля. Однако китайский законодатель одновременно сознательно не вводит ограничений в отношении НИОКР, что демонстрирует поддержку от-

раслевого развития. В перспективе Китай может поддерживать лидирующие позиции в сфере видеонаблюдения и технологий распознавания лиц, что обусловлено как наличием высокоразвитой производственной базы, так и особенностями правового регулирования отрасли.

На современном этапе развитие *системы общественного доверия* преимущественно направлено на регулирование и повышение доверия к деятельности предприятий и государственных учреждений как внутри КНР, так и на международном уровне. Однако по мере роста технологических возможностей и совершенствования правового регулирования не исключена доработка и принятие обновленного Закона КНР о построении системы общественного доверия, проект которого ранее публиковался в 2022 г. 21 мая 2025 г. Канцелярия ЦК КПК совместно с Канцелярией Госсовета КНР обнародовали «Мнение об усовершенствовании системы общественного доверия». Согласно положениям документа, система общественного доверия и хозяйственная деятельность китайских предприятий, связанных с ее функционированием, закрепляются в качестве субъектов международного сотрудничества с государствами, участвующими в инициативе «Один пояс — один путь» и странами — членами БРИКС. В перспективе система общественного доверия может стать одним из механизмов китайской модели цифрового управления, направленного на обеспечение информационной безопасности и политической стабильности.

Нгуен Тхи Хаи Ань. В условиях глобальной трансформации цепочек поставок и необходимости диверсификации экспортных рынков поиск новых рынков для малых и средних предприятий (МСП) Российской Федерации становится стратегической задачей. Вьетнам выступает не только давним традиционным партнером России, но и перспективным партнером, лидируя в Юго-Восточной Азии по темпам экономического роста и уровню доверия международных инвесторов. Согласно прогнозу Всемирного банка, рост ВВП Вьетнама в 2026 г. достигнет 6,8 %; в то же время Международный валютный фонд прогнозирует номинальный ВВП на уровне 527,27 млрд долл. США.

Кроме того, во Вьетнаме наблюдается высокий спрос на цифровую трансформацию. По данным отчета, представленного на ежемесячном брифинге Министерства науки и технологий Вьетнама, выручка индустрии цифровых технологий в апреле 2026 г. оценивается в 622 402 млрд вьетнамских донгов, что на 38 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Ожидается, что объем электронной коммерции достигнет 37 млрд долл. США в 2026 г., что составит около 7 % ВВП. Это соответствует общей тенденции, поскольку правительство Вьетнама вновь подтвердило цель довести долю цифровой экономики (включая электронную коммерцию, цифровые технологии и цифровые платформы) до 30 % ВВП к 2030 г.

Для российских МСП вышеуказанные тенденции создают особые преимущества. Во-первых, Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом предоставляет российским МСП значительные тарифные преференции. Во-вторых, Вьетнам испытывает дефицит решений в области кибербезопасности, промышленного искусственного интеллекта и управленческого программного обес-

печения — областей, в которых Россия обладает сильными компетенциями. В-третьих, Вьетнам демонстрирует открытость к поиску технологических партнеров из стран вне западного блока. Это создает стратегические возможности для российских МСП, особенно в контексте растущих барьеров для технологических решений из США и ЕС на вьетнамском рынке — как с точки зрения затрат на соблюдение новых стандартов, так и рисков, связанных с торговыми расследованиями, в частности делом по Разделу 301 Закона о торговле США.

В настоящее время поддержка российских МСП во Вьетнаме осуществляется по двум основным каналам. Во-первых, система цифровых атташе (digital attache) при Минпромторге России располагает широкими связями с местными органами власти и способна оперативно вмешиваться в административные вопросы, а также осуществлять первичное ознакомительное соединение предприятий. Однако ресурсы цифровых атташе ограничены (как правило, 1—2 человека на одну страну). Это не позволяет им проводить углубленный анализ конкретной деятельности отдельных предприятий или осуществлять детальные рыночные исследования. Во-вторых, ИКСА РАН обладает сильными позициями в области фундаментальных исследований, политического анализа и академического престижа. Центр изучения Вьетнама и АСЕАН уже опубликовал ряд ключевых трудов, включая учебник «Экономика стран Юго-Восточной Азии» (2020 г.) и справочник «Вьетнам — торговый и инвестиционный партнер» (2022 г.); в конце 2026 г. планируется издание еще одного справочного пособия по ведению бизнеса во Вьетнаме. Тем не менее, Центру в настоящее время не хватает механизма прямого взаимодействия с предпринимательским сообществом, а также прикладных исследовательских продуктов, адаптированных под индивидуальные запросы конкретных МСП.

Таким образом, существует институциональный разрыв: отсутствует специализированное звено, выполняющее роль глубинного посредника между академической наукой и предпринимательской практикой. В частности, не хватает механизма, который мог бы: (а) принимать конкретные запросы от МСП, (б) проводить рыночный анализ с глубиной, превышающей возможности цифровых атташе, но с большей прикладной направленностью по сравнению с чисто академическими трудами, и (в) преобразовывать результаты такого анализа в конкретные практические рекомендации для бизнеса.

В данной статье предлагается создать Российско-Вьетнамский центр цифровой торговли в структуре Отдела изучения Вьетнама и АСЕАН при ИКСА РАН. На начальном этапе Центр будет выполнять три ключевые функции: прикладные исследования, практический консалтинг и B2B-соединение. По первой функции Центр будет готовить тематические отчеты по запросам предприятий и формировать оцифрованную базу данных по соглашениям о свободной торговле и соответствующим правовым нормам. По второй функции Центр будет предоставлять услуги первичной юридической поддержки, консультировать по вопросам оптимизации налогообложения на основе ЗСТ ЕАЭС—Вьетнам, помогать в защите интеллектуальной собственности и соблюдении требований Закона о кибербезопасности Вьетнама. По третьей функции (на начальном этапе) предполагается ежегодное проведение онлайн-мероприятий по торговому сотрудничеству в тес-

ной координации с цифровыми атташе: цифровые атташе играют ведущую роль в презентации партнеров, а Центр оказывает поддержку в подготовке документации и предварительной верификации информации.

Создание Центра принесет Институту пять стратегических выгод на предстоящие 60 лет. Во-первых, это повышение академического престижа за счет публикаций, основанных на эмпирических данных, полученных непосредственно от предприятий. Во-вторых, усиление политического влияния через участие в подготовке рекомендаций для правительств обеих стран. В-третьих, трансформация образа Института с сугубо исследовательского на стратегический аналитический центр.

Предлагаемая концепция Российско-Вьетнамского центра цифровой торговли базируется на научном фундаменте, уже созданном ИКСА РАН в рамках трудов по экономике Юго-Восточной Азии и вьетнамскому партнерству. Данное предложение соответствует Пункту 4 в определении деятельности Института: оказание аналитического и практического содействия российским государственным и частным корпорациям по работе на рынках дружественных стран Азии. Ожидается, что Центр станет связующим звеном между академической наукой и бизнес-практикой, способствуя повышению эффективности поддержки российских МСП на рынке Вьетнама и в регионе АСЕАН.

А.А. Попов. Горнодобывающий сектор экономики Индонезии, начало развитию которого было положено в Нидерландской Ост-Индии, а бурный рост начался в период капиталистической модернизации, проводимой режимом президента Сухарто, начиная с конца 60-х гг. XX в. Несметные и в значительной мере еще нетронутые природные богатства Индонезии привлекали огромное внимание международного капитала, однако бессменный президент Индонезии Сукарно препятствовал их эксплуатации, что в итоге стоило ему поста. Пришедший к власти в результате военного переворота 1965 г. генерал Сухарто открыл широкий доступ иностранному капиталу в экономику Индонезии и, прежде всего, в ее горнодобывающий сектор.

Валютно-финансовый кризис 1997—1998 гг. похоронил режим Сухарто, и начавшиеся в стране демократические преобразования, одним из своих следствий имели бурный рост предпринимательства в горнодобывающей промышленности на фоне высокого спроса на внешних рынках на индонезийское минеральное сырье и уголь. Особенно высокий спрос в первое десятилетие XXI в. возник на индонезийскую никелевую руду и бокситы со стороны стремительно развивающейся китайской экономики. В Индонезии начался настоящий бум по поставкам этого сырья в Китай, сопровождающийся хищнической эксплуатацией никелевых и бокситных месторождений, что явилось одной из главных причин принятия в 2009 г. Закона № 4 «О добыче минералов и угля», предполагающего обязанность для всех держателей горнодобычных лицензий осуществлять переработку и рафинирование добываемых минералов и введение в 2014 г. запрета на экспорт необработанного минерального сырья.

Введенный в январе 2014 г. запрет оставил китайские компании без дешевого индонезийского сырья и явился для китайского капитала хорошим стимулом для

осуществления крупных инвестиций в переработку этого сырья на территории Индонезии. Пионером стала компания «Циньшань», построившая крупный завод на Сулавеси по производству методом электроплавки (RKEF) никелевого чугуна/NPI, т. е. ферроникеля с пониженным содержанием никеля, который успешно применялся в Китае для производства нержавеющей стали. Удачный старт «Циньшаня» сподвиг и других китайских металлургических гигантов осуществить крупные инвестиции в Индонезии, и с 2017 г. началось массовое строительство китайских смелтеров на Сулавеси и на Молуккских островах, где находятся основные месторождения никелевых руд. Многие из этих смелтеров создавались на Центральном Сулавеси, в Моровали, где к этому времени «Циньшань» успела построить крупную промзону и еще целый ряд заводов по производству NPI и нержавеющей стали.

Новый технологический прорыв в никелевой промышленности Индонезии в 2022 г. совершила местная китайская компания «Группа Харита», которая со своими партнерами из КНР сумела внедрить технологию кислотного выщелачивания под высоким давлением (HPAL), позволившую задействовать руды, относительно бедные никелем и более дешевые, нежели сапролиты, используемые при производстве NPI, лимониты. На острове Оби в зоне Молуккских островов Харита построила первое предприятие, основанное на этой технологии и производящее так называемый гидрооксидный осадок никеля и кобальта (MHP), являющийся промежуточным звеном при производстве сульфата никеля и сульфата кобальта, важных компонентов при производстве аккумуляторов для электромобилей. Вслед за Харита подобные предприятия массово начали строить и другие китайские компании.

По состоянию на середину 2025 г. в Индонезии уже работало 49 заводов на основе технологии электроплавки по производству ферроникеля/NPI, потребляющие 240 млн т руды (сапролитов), 35 с объемом потребления 150 млн т строилось и еще 36 предприятий, которым было необходимо 195 млн т сапролитов в год, находилось на стадии проектирования. В случае реализации всех этих проектов ежегодное потребление сапролитов должно составить 585 млн т. В это же время по технологии HPAL работало 5 предприятий, потребляющих 48 млн т лимонитов, 3 завода с объемом потребления в 33,5 млн т строилось и 19, готовых использовать 68,5 млн т, также находилось в стадии проектирования. Таким образом, потребность этих 27 предприятий в лимонитах может составить 150 млн т в год. Между тем достоверные извлекаемые запасы никелевой руды в этот период составляли 5,3 млрд т, из которых 60 % приходилось на сапролиты и 40 % — на лимониты, т. е. существующих запасов явно не хватает на длительную работу всех этих предприятий. В этих условиях в 2025 г. правительство Индонезии было вынуждено ввести запрет на строительство новых предприятий по производству ферроникеля/NPI, никелевого матте и гидроксида никеля и кобальта.

Введение этого запрета было также обусловлено перепроизводством никеля в мире именно за счет бесконтрольного его роста в Индонезии, на которую в 2025 г. приходилось уже 65 % мирового производства, которое составляет примерно 3,7 млн т, что на 200 тыс. т больше мирового потребления. В результате в 2025 г. произошел очередной обвал цен на никель, что ударило и по бюджету самой Ин-

донезии, и затронуло другие никельпроизводящие страны, включая РФ. Нынешнее же руководство Индонезии оказалось заложником тактических ошибок своих предшественников, допустивших и бесконтрольный рост отрасли, и засилие в ней китайского капитала, и низкий уровень цен на никелевую руду, который был выгоден исключительно китайским перерабатывающим предприятиям, поставляющим по внутрифирменным каналам дешевый NPI на сталелитейные заводы в Китае, в результате чего китайская нержавеющая сталь оказалась на мировом рынке вне конкуренции. Достигнуто же это было за счет масштабной эксплуатации природных ресурсов Индонезии и серьезного загрязнения ее окружающей среды.

В этих условиях руководство Индонезии, осознав масштаб ущерба для национальной экономики, сначала значительно увеличило роялти за продаваемую на внутреннем рынке руду, а затем резко ограничило и квоты на ее добычу на 2026 г. Самой же радикальной мерой, подрывающей всю экономику китайского бизнеса, базирующимся на дешевом NPI, стало обязательное включение в базовую цену руды, по которым она реализуется на внутреннем рынке, помимо собственно никеля и других ее компонентов, а именно железа, хрома и кобальта, что привело к значительному росту цен на руду на внутреннем рынке и на никель на мировых рынках. Кроме того, в мае 2026 г. президент Индонезии Прабово Субианто объявил, что целый ряд важнейших экспортных сырьевых товаров, включая пальмовое масло, уголь и ферросплавы, должны экспортироваться через государственное экспортное агентство, и в настоящее время решается вопрос, войдет ли в их число и NPI, самый массовый продукт китайских смелтеров в Индонезии. Представляется, что в настоящее время на руководство страны оказывается серьезное политическое давление со стороны Китая в плане необходимости прекращения резкого изменения правил работы китайских предприятий в Индонезии. И перед правительством Индонезии стоит непростая задача, как, с одной стороны прекратить дискриминацию собственной экономики со стороны китайского капитала, а с другой — сохранить его в стране и переориентировать на работу на более выгодных для Индонезии условиях, тем более что именно с никелевой промышленностью может быть связано создание новой для Индонезии, высокотехнологичной отрасли производства аккумуляторов для электромобилей.

Поступила в редакцию: 15.06.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: June 15, 2026
Accepted: Aug 31, 2026